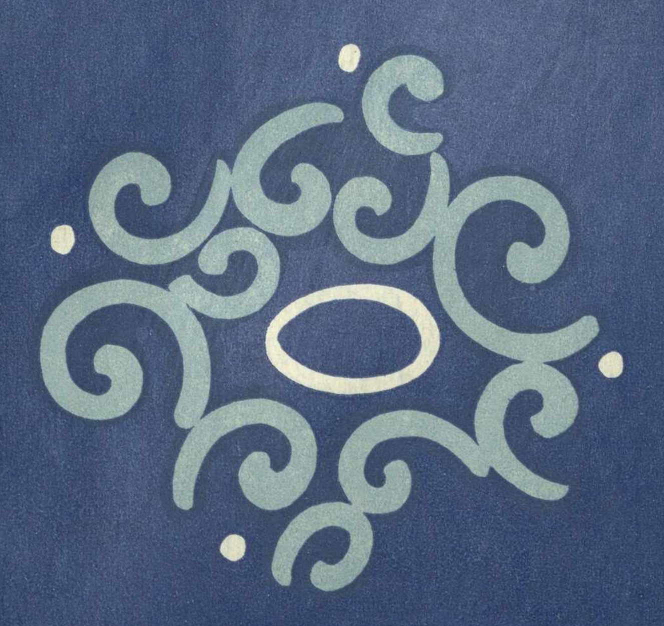
В.П. Санчиров

«ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

В.П. Санчиров

«ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3(5МО)+63.5(5МО)
С18

Ответственный редактор

Л.П.Попова

Санчиров В.П.

С18 "Илэтхэл шастир" как источник по истории ойратов. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 137 с.
ISBN 5-02-016951-X

Автор исследует монгольскую версию одного из важных китайских источников цинского периода, известную в монголоведении под названием "Ихэтхэл шастир". Это своеобразный справочник по генеалогии и биографиям монгольских, ойратских и восточнотуркестанских князей, содержащий ценный материал об этническом составе ойратов XV—XVIII вв., о времени появления крупных этнополитических объединений (джунгаров, дэрбэтов, торгоутов, хошоутов и хойтов), их происхождении, о месте и роли этих объединений в жизни ойратского общества, о завоевании ойратов Цинской империей в конце XVIII в., о военно-административной системе управления ойратами, об их численном составе и расселении в Цинской империи.

С $\frac{050200000-189}{013(02)-90}$ 177-90 ББК 63.3(5МО)+63.5(5МО)

ISBN 5-02-016951-X

Введение

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ

Ойраты (западные монголы), выходцы из Центральной Азии, являются предками калмыков, одного из многочисленных народов нашей страны. События конца XVI – начала XVII в. в Западной Монголии и Джунгарии[1] послужили рубежом, отделяющим ойратскую историю от истории калмыков. Именно в это время дефицит пастбищных территорий, непрекращающиеся феодальные усобицы, военные неудачи побудили правителей крупных ойратских этнополитических объединений торгоутов и дэрбэтов Хо-Урлюка и Далай-Батыра откочевать со своими людьми в степи Западной Сибири. В дальнейшем эта часть ойратов расселилась по территории междуречья Волги и Яика (Урала) и Нижнего Поволжья, где со временем сложилась самостоятельная монголоязычная народность – калмыки. У них общая с ойратами древняя и средневековая история, но и после откочевки из Джунгарии и поселения в низовьях Волги калмыки поддерживали с оставшимися на родине ойратами более или менее тесные связи вплоть до гибели ойратского феодального государства – Джунгарского ханства в 1757–1758 гг.

В послеюаньский период на территории Монголии в XV–XVII вв. сформировались две родственные монголоязычные народности: собственно монголы, или восточные монголы, и ойраты. Несмотря на языковую близость, общность традиционной культуры и религии каждая из этих народностей осознавала себя отдельным этносом.

Задача исследователя, занимающегося изучением исторического прошлого ойратов в целом и калмыков в частности, существенно осложняется тем, что в специфических условиях кочевого образа жизни ойратов и калмыков и перенесенных ими исторических потрясений значительная часть собственно ойратских источников не сохранилась. Поэтому необходимы специальные источниковедческие разработки источников, относящихся ко всем периодам истории ойратов, включая и историю калмыков.

Академик Б.Я.Владимирцов в своем обзоре монгольской литературы указывал, что "среди оригинальных произведений ойратской литературы на пер-

вом месте стоят исторические произведения" /33, с.114/, подчеркивая тот факт, что историографическая традиция, наиболее сильно развитая у монголов, была также представлена и у ойратов. Эту традицию ойраты, откочевавшие из Джунгарии, принесли с собой и на берега Волги, о чем мы можем судить по дошедшим до нас историко-литературным произведениям приволжских калмыков XVIII — первой половины XIX в., таким, как "Сказание об ойратах" эмчи (врача) Габан-Шараба, "Сказание о дербен-ойратах" Батур-Убаши Тюменя, "Краткая история калмыцких ханов" анонимного автора, и некоторым другим (см. /61; 124/). В указанных произведениях, написанных главным образом выходцами из калмыцкой феодальной аристократии, нашли отражение не только жизнь и взгляды феодальных кругов, но и в известной мере и настроения народных масс. В них жизнь калмыцкого общества и историческое прошлое этого народа, включая и ойратский период его истории, описаны самими калмыками, что позволяет исследователям взглянуть на события калмыцкой и ойратской истории как бы "изнутри".

И все же приходится с сожалением признать, что значительная часть письменного наследия ойратов не сохранилась, а дошедшие до нашего времени ойратские и калмыцкие источники содержат крайне мало сведений о жизни ойратов как в ранний период их истории, так и в XVII и XVIII вв. В.Л.Котвич, говоря о разнообразии произведений исторической литературы у ойратов, справедливо отмечал, что "в отношении положительных исторических данных они, за исключением генеалогических перечней и текста законов, отличаются большою скудостью, и для освещения рассматриваемого периода истории ойратов приходится обращаться главным образом к тем источникам, которые хранятся у народов, приходивших с ними в соприкосновение, а именно у русских, китайцев, манджур, монголов и мусульман" /73, с.799/. В своей не утратившей до сих пор научной ценности статье "Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв." В.Л.Котвич помимо русских архивных документов подробно охарактеризовал и известные в его время ученым источники на восточных языках (монгольские, в том числе ойратские, а также китайские, маньчжурские, среднеазиатские персоязычные и тюркоязычные).

Первые сведения об ойратах в восточных источниках относятся к началу XIII в., когда в степях Монголии происходил процесс объединения разроз-

ненных и враждовавших друг с другом монгольских племен и племенных союзов в единое феодальное государство. Тогда же ойратские племена, обитавшие в таежных районах Западного Прибайкалья и верховьев Енисея, были завоеваны Чингисханом. Став на путь внешней экспансии, небольшое монгольское государство при преемниках Чингисхана довольно быстро превратилось в огромную Монгольскую империю. О событиях этого времени повествуется в выдающемся памятнике древнемонгольской литературы "Тайная история монголов" (1240 г.) (см. /69/) и в труде персидского историка и политического деятеля Рашид ад-Дина (1247–1318) – "Сборник летописей" ("Джами ат-таварих") /132/, где есть сведения и об ойратах.

Захватническая политика монгольских правителей, превративших свой народ в воинов, а свою страну – в огромный военный лагерь, имела пагубные последствия для развития производительных сил Монголии. Вслед за падением Юаньской династии в 1368 г. и изгнанием монголов из Китая в стране воцарилась феодальная раздробленность. Порожденные ею частые феодальные войны неблагоприятно сказались на сохранности памятников культуры. Хотя имеются указания монгольских и тибетских источников о том, что практика ведения генеалогических записей и составления исторических хроник в XV–XVI вв. не прерывалась, многое из созданного в этот период до нас не дошло. Не случайно он получил в монгольской литературе название "темного" периода /33, с.99/. Ачи Ломи, автор написанной в 1735 г. "Истории монгольского рода Борджигид" (Mongγol borǰigid oboγ-un teüke), считает причиной утраты многих исторических и генеалогических записей феодальные междоусобицы монгольских и ойратских феодалов. Он писал: "После того как мы, монголы, выехали за границы Китая (т.е. бежали из Китая после крушения Юаньской империи. – *В.С.*), мы утратили оставшиеся семейные реестры (dangsa) из-за того, что много раз ввязывались в вызванные ойратами неурядицы" (цит. по /217, т.I, с.11, примеч.1/).

Поэтому при изучении истории ойратов XV–XVI вв. мы вынуждены были довольствоваться теми скудными и противоречивыми сведениями, которые содержатся в монгольских источниках более позднего времени, а именно конца XVI–XVII в. Тогда в связи с некоторой стабилизацией положения (правда, вскоре прерванной маньчжурской экспансией) и наступлением затишья в феодальных распрях, а также массовым

обращением монголов в буддизм в стране активизировалась литературная деятельность. "Первые исторические произведения этого времени были тесно связаны с буддийской религией и ее распространителями и даже внешне имели форму ламаистских религиозных сочинений", — указывает западногерманский монголист В.Хайссиг /217, т.I, с.11/. К монгольским источникам этого периода относятся также хроники XVII в., такие, как анонимная "Алтан Тобчи" /11; см. также 206/, "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана (см. /92; 203/), "Эрдэнийн Тобчи" Саган-Сэцэна /201; см. также 229/, "Шара Туджи" анонимного автора /177/. Появляются и литературные произведения ойратского происхождения, такие, как биография Зая-пандиты /200; 202/, эпическая "Песня о разгроме ойратами халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи" (/11/; см. также /68/) и некоторые другие. В их основу легли передававшиеся из поколения в поколение преимущественно устным путем родословные, свидетельства очевидцев тех или иных событий, предания о славных делах и подвигах прошлых лет, эпические сказания о богатырях и другие произведения устного народного творчества.

К письменным источникам по истории монголов относятся и сочинения об истории распространения буддизма в Монголии, написанные большей частью на тибетском языке монгольскими ламами. В этих тибетоязычных монгольских источниках содержится обильный фактический материал по истории, культуре и религии средневековой Монголии. Они до сего времени еще не введены полностью в научный оборот, но об их богатстве и научной ценности мы можем судить хотя бы на основании данных, сообщенных монгольским ученым Ш.Бира в его труде о монгольской тибетоязычной исторической литературе /25/.

Указанные группы монгольских источников содержат главным образом данные о политических, религиозных и военных событиях, о жизни владетельных князей и ламаистских иерархов, но в них почти ничего не сказано о социально-экономических факторах, влиявших на развитие ойратского и монгольского общества XV—XVII вв. Недостатком этих источников является также крайняя бедность сведений о внешних политических и торговых связях ойратов с соседними странами и народами.

Для исследования общественного строя монголов и ойратов исключительную важность в качестве основного источника имеет сборник средневекового монголо-ойратского права "Икэ цааджин бичиг"

("Великое уложение") 1640 г. и два дополнения к нему, сделанные Галданом-хунтайджи. До нас дошел только ойратский текст этого источника, сохранившийся у волжских калмыков (см. /38; 60/). Эти законы дают представление о внутренней жизни и общественных отношениях у монголов и ойратов в конце XVI — первой трети XVII в.

Долгое время почти единственным источником по истории ойратов, особенно "темного" периода (XV–XVI вв.), служили китайские династийные хроники, исторические труды, географические описания, относящиеся к времени правления в Китае династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). К сожалению, далеко не все из них доступны для историков-монголистов, не владеющих китайским языком. Пользование китайскими источниками стало возможным главным образом благодаря трудам основоположника русской синологии Н.Я.Бичурина (Иакинфа) /26; 27; 28/, а также Д.Покотилова /127/, П.Попова /111/, В.Успенского /158/, Э.Бретшнейдера /207/, П.Пелльо /225/, Л.Анби /215/ и др., обогативших науку о монголах новыми переводами и пересказами китайских хроник и исторических сочинений. В трудах указанных авторов содержится немало ценных сведений и об ойратах. Однако к сообщениям китайских источников следует подходить осторожно, учитывая свойственную им тенденциозность в трактовке истории сопредельных с Китаем народов.

Следующую большую группу источников по истории ойратов составляют среднеазиатские персоязычные и тюркоязычные сочинения XV–XIX вв., опубликованные полностью либо в извлечениях /94, 95, 96, 143, 146, 153, 178/. И.Я.Златкин писал, что, "учитывая многовековое соседство и разносторонние связи ойратов с тюркоязычными народами Восточного Туркестана и Средней Азии, можно предполагать, что в литературе этих народов содержится немало важных сведений об ойратах, их жизни, быте и истории" /54, с.17/.

Что же касается русских источников, то в них первые упоминания об ойратах появляются лишь в конце XVI в., более многочисленными и разнообразными они становятся в XVII и XVIII вв., когда ойраты вступили в оживленные политические и торгово-экономические отношения с Русским государством. Русские документы того времени называют ойратов "дальними", "черными" или "зенгорскими калмыками" (см. /99; 136; 137/). Подробно о русских архивных источниках писал В.Л.Котвич /73/.

XVII и XVIII вв. вошли в историю монгольских народов как время бурных и трагических событий,

когда народы Центральной Азии, в том числе монголы и ойраты, стали жертвой экспансионистской политики Цинской империи и в подавляющем своем большинстве утратили независимость. Маньчжурские завоеватели, захватившие власть в Китае в первой половине XVII в. и превратившие его в мощную агрессивную державу — Цинскую империю, усвоили опыт прежних правителей Китая и переняли традиционные формы и методы их внешней политики, основанные на идеях великодержавия и китаецентризма, т.е. концепции превосходства цивилизации Срединной империи.

Интересам сложившегося в стране реакционного союза маньчжурских и китайских феодалов служила и историография того времени. Следует отметить, что в традиционной китайской культуре историографии отводилась исключительно важная роль. В Китае с незапамятных времен история воспринималась как воплощение бессмертия: еще древние китайские мыслители полагали, что все в мире преходяще и единственным доступным человеку способом достижения бессмертия является сохранение в памяти потомков имен, событий и дат. Китай — единственная страна в мире, правящие круги которой возвели составление династийных историй в ранг государственного дела особой важности. Поэтому уже из древнейшего летописного свода "Цзо чжуань" можно узнать о том, что происходило в стране каждый месяц за семь веков до нашей эры.

Следуя этой давней китайской традиции, цинские историки, состоявшие на государственной службе, собрали и обобщили огромный документальный материал, относящийся к делопроизводству высших государственных органов империи, и составили на их основе множество исторических произведений, призванных прославить царствующую династию. Во многих китайских источниках цинского периода (исторических хрониках, историко-географических описаниях, сборниках официальных распоряжений и установлений, записках об отдельных военных походах и событиях и т.п.) содержится также немалый фактический материал по истории монголов и ойратов. Специфический характер указанной группы источников по истории ойратов был в последние годы достаточно полно исследован в трудах советских китаеведов С.Л.Тихвинского /155; 156; 157/, Г.В.Мелихова /98/, Л.И.Думана /49/, И.С.Ермаченко /51/, В.С.Мясникова /113/, В.А. Моисеева /102; 103; 104; 105; 106; 107/, К.Ш.Хафизовой /162; 163; 164/ и др. Как указывает В.С.Мясников, "к началу XX ве-

ка маньчжуро-китайская историография создала картину деятельности дипломатии Цинской империи, искаженную в трех направлениях: а) концептуальном, б) в плане интерпретации отдельных событий, в) в связи с прямой фальсификацией документальных источников" /113, с.13/. Поэтому данные цинских источников нуждаются в строгом критическом переосмыслении и ими следует пользоваться с большой осторожностью, отделяя действительные исторические факты, политическую реальность того времени от их китаецентристского истолкования в цинских документах. В целом, однако, надо признать, что основные цинские источники по истории монголов и ойратов XVII-XVIII вв. все еще слабо изучены.

Предметом исследования данной работы является монгольская версия одного из важных китайских источников цинского периода, известная в монголоведении под сокращенным названием "Илэтхэл шастир" и представляющая собой своеобразный справочник по генеалогии и биографиям монгольских, ойратских и восточнотуркестанских князей. Хотя "Илэтхэл шастир" известна в европейской востоковедной науке с 20-х годов прошлого века, она до сих пор еще недостаточно изучена: отсутствует полный перевод монгольского текста на русский либо западноевропейский язык, все еще никем не сделан всесторонний источниковедческий и историографический анализ этого памятника.

Исследование "Илэтхэл шастир" как исторического источника по истории ойратов XV–XVIII вв. было предпринято нами на основе тех ее глав (около одной трети всего источника), которые содержат родословные ойратских князей и их биографии.

В первой главе мы освещаем вопросы точного перевода названия "Илэтхэл шастир", различных ее изданий, авторства, времени и места составления, обстоятельств и цели создания этого источника, его структуру и содержание, материалы, положенные в основу при написании "Илэтхэл шастир", и другие вопросы. Вторая глава посвящена анализу и сопоставлению с сообщениями других источников данных "Илэтхэл шастир" об этническом составе ойратов XV–XVIII вв., о времени появления крупных этнополитических объединений (джунгаров, дэрбэтов, торгоутов, хошоутов и хойтов), их происхождении, родословных их князей, месте и роли указанных ойратских объединений в жизни ойратского общества XV–XVIII вв. В третьей главе рассмотрены военно-административная (хошунная) система управления ойратами в конце XVIII в., их расселение и чис-

ленный состав ойратского населения в Цинской империи, ойрато-цинские отношения и время "принятия подданства" различными ойратскими группами, агрессивная политика Цинов в отношении ойратов, т.е. те вопросы, которые нашли наиболее полное освещение в "Илэтхэл шастир".

При передаче монгольских имен собственных и географических названий использовалась упрощенная русская транскрипция, за исключением тех случаев, когда написание имен монгольских и ойратских исторических деятелей и географических названий имеет в русской монголоведной литературе давнюю и устоявшуюся традицию.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ "ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР"

Первым из ученых-востоковедов, начавшим изучение "Илэтхэл шастир", был российский монголист академик Исаак Якоб (Яков Иванович) Шмидт (I.J.Schmidt). В 1834 г. вышла в свет его книга "Поколения монголов как источник по истории этого народа и его княжеской династии. Ч.1" на немецком языке /230/. Как явствует из предисловия к книге, И.Я.Шмидт пользовался монгольским изданием "Илэтхэл шастир" из исключительно богатой, по его словам, коллекции русского дипломата, известного изобретателя Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта /230, с.9/. Далее он приводит монгольское название этого памятника и его описательный перевод: "Auf allerhöchsten Befehl verfasstes genealogisches Verzeichnis der *Wangs* und *Yungs* (Fürsten verschiedenen Ranges) sämmtlicher Stämme der Auswärtigen Mongolen und Türken, nebst ihrer Geschichte" ("Составленный по высочайшему указу список родословных *ванов* и *гунов* (князья различных степеней) всех племен внешних монголов и тюрок вместе с их историей") /230, с.9/. Затем дается изложение императорского указа и краткая характеристика самого памятника в целом. Термин iledkel И.Я.Шмидт переводит как "история", "историческое описание", а термин šastir оставляет без перевода.

Сам же памятник, по словам И.Я.Шмидта, "заслуживает два упрека". Во-первых, "Восток, когда он описывает сам себя или думает, пишет или говорит в своих интересах, не заботится о любознательности и научных формах Запада; поэтому нам не остается ничего иного, как только весьма пожалеть о том, что редакторы названного труда, ко-

торым, как это можно уяснить из предисловия императора, отнюдь не недоставало материала для обстоятельной истории монгольских племен, выпустили всю среднюю часть этой истории. В то же время хотя они и начинают историю каждого племени с Чингисхана, но затем вдруг переходят к событиям незадолго до возникновения маньчжурского государства, причем обо всем промежуточном периоде приводят в лучшем случае только количество поколений или звеньев родословных (die Zahl des Generations-oder Erbfolgeglieder), а в худшем — даже не называют имен отдельных звеньев родословных" /229, с.10—11/. Второй упрек автора относится к языку этого источника. По его мнению, "он ни в коей мере не чисто монгольский, его скорее можно назвать монголизированным китайским" /230, с.11/.

И.Я.Шмидт совершенно правильно указывает, что целью составления "Илэтхэл шастир" "являлось прославление величия нынешней династии (т.е. династии Цин. — *В.С.*) путем создания настоящего памятника в знак благодарности покоренным монголам за оказанные ими услуги этой династии" /230, с.11/. Он относит "Илэтхэл шастир" к числу произведений китайской историографии, отмечая в то же время своеобразный, специфический характер памятника и подчеркивая, что "нельзя же обо всей прославленной историографии китайцев судить по этому произведению, появившемуся единожды за все время прошлых столетий и династий" /230, с.11/.

Пользуясь материалами "Илэтхэл шастир", И.Я.Шмидт кратко останавливается и на истории завоевания монгольских княжеств (или, как он пишет, "племен") маньчжурами. "Одни из них покорились уже основателю этой династии, другие — его преемнику. Третьи подчинились впоследствии первому императору Маньчжурского дома, но большинство покорилось второму императору Канси после его победы над ойратским Галданом Бушукту... Покорение всех прочих племен и всей горной страны (т.е. Тибета. — *В.С.*) закончил силой оружия Цяньлун" /230, с.12/.

Основываясь на данных "Илэтхэл шастир" и других монгольских источников, автор указывает, что "это происходившее в разное время завоевание монгольских племен имело своим следствием политическое разделение народа на две большие группы. Это — деление на [монг.] " *dotoghadu dsassak* "внутреннее правление" и [монг.] " *ghadaghadu dsassak* "внешнее правление".

К внутреннему правлению относятся 24 больших и малых племени, которые в совокупности составляют 49 военных дивизий (т.е. хошунов. — *В.С.*). Это те племена, которые первыми приняли подданство (Китая. — *В.С.*): их кочевья и пастбища находятся все к югу от Гоби... К внешнему правлению относятся все остальные монгольские и ойратские (частью весьма многочисленные) племена, которые вместе с несколькими разрозненными поселениями хотя и составляют 10 племен, но имеют несравненно большее количество хошунов, чем племена, относящиеся к внутреннему правлению. Одни из них приняли маньчжуро-китайское подданство при Канси, другие — при Цяньлуне" /230, с.12/.

Этим исчерпывается содержание авторского предисловия. В основной части своей книги И.Я.Шмидт только приводит краткие сведения о родо-племенном составе южных и восточных монголов и административно-территориальном делении Внутренней и Внешней Монголии в составе Цинской империи, почерпнутые из "Илэтхэл шастир". Собственно исторического материала в работе И.Я.Шмидта имеется крайне мало. Автор ограничился чисто поверхностным знакомством с памятником, оставив в стороне богатейший фактический материал, содержащийся главным образом в разделе "биографий". В книге И.Я.Шмидта речь идет только о восточных и южных монголах, а ойратам и тюркам-мусульманам Восточного Туркестана он намеревался посвятить вторую часть своей книги (см. /230, с.66/). Однако вторая часть этой работы не вышла в свет /73, с.803, примеч.4/. Именно в силу указанных выше причин книга И.Я.Шмидта, в отличие от других его работ, прошла незамеченной для большинства исследователей. В целом первый опыт изучения "Илэтхэл шастир" можно расценить, по нашему мнению, как не совсем удавшееся историческое исследование.

Материалами "Илэтхэл шастир" широко пользовался и Г.С.Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений на русский язык и собственными работами по истории ойратов и калмыков. Блестящий знаток монгольского и калмыцкого языков, Г.С.Лыткин во время пребывания среди калмыков Малодербетовского и Хошеутовского улусов Астраханской губернии в 1859—1861 гг. обнаружил в книгохранилище калмыцкого нойона Хошеутовского улуса полковника Церен-Чжаб Тюменя ранее неизвестные науке калмыцкие сочинения и ввел их в научный оборот, опубликовав в собственном переводе на русский язык в газете "Астраханские гу-

бернские ведомости" (см. /12; 61, с.3—12/). К ним относятся сочинение Батур-Убаши Тюменя "Сказание о дэрбэн-ойратах"[2], анонимная "История калмыцких ханов"[3], "Сказание об ойратах" эмчи Габан-Шараба[4]. Были опубликованы и собственные работы Г.С.Лыткина "Материалы для истории ойратов"[5], "Аюки, хан калмыцкий" (/180, с.734—738/; см. также /61, с.131—139/) и некоторые другие, написанные как по материалам указанных калмыцких сочинений, так и на основе устных преданий стариков-калмыков, "помнящих старину". Свои переводы калмыцких сочинений Г.С.Лыткин снабдил пространными комментариями, использовав русские архивные документы и практически все доступные в то время монгольские источники, в том числе и "Илэтхэл шастир". Этот памятник он описательно называет "Историей монгольских и туркестанских ванов и гунов" и упоминает его в числе использованных источников в своих собственных работах по истории ойратов.

Работы Г.С.Лыткина ярко характеризуют его как крупного исследователя-монголиста, компетентного историка, этнографа и фольклориста, внесшего заметный вклад в развитие дореволюционного монголоведения, в частности в изучение истории ойратов. После поездки в калмыцкие степи Г.С.Лыткин отошел от монголоведческой тематики и занялся изучением языка, быта и истории своих земляков-зырян (коми), о чем он и уведомил читателей в работе "Материалы для истории ойратов" (см. /61, с.109, примеч./). О его нереализованных замыслах в отношении "Илэтхэл шастир" свидетельствуют сделанные им переводы отдельных глав из этого памятника (гл. 94—95, 106—107), хранящиеся в настоящее время в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР (см. /57, с.24, 28/).

Следующим ученым, приступившим к изучению "Илэтхэл шастир", был А.М.Позднеев. Во время одной из поездок в Монголию он вывез оттуда два списка "Эрдэнийн эрихэ" — наиболее известной монгольской летописи XIX в., написанной помощником хошунного правителя (тусалакчи) Галданом. В 1883 г. А.М.Позднеев опубликовал ту ее часть, где речь идет о халха-монголах XVII — начала XVIII в., вместе с русским переводом и обширными примечаниями и дополнениями, составленными, по его словам, на основании других, исследованных им "памятников по истории монголов и изданных частью на монгольском языке, а частью на китайском, маньчжурском и элётском, или калмыцком" /125, с.X/.

А.М.Позднеев указывает, что автор "Эрдэнийн эрихэ" "пользовался исключительно официальными документами, которые находил он в разного рода

изданиях маньчжурского правительства и в маньчжуро-халхаских ямунях (присутственных местах)" /125, с.XVII/. Галдан дает в своей летописи, как на заглавном листе, так и на последней ее странице, краткое перечисление всех использованных им источников, в числе которых названа и "Илэтхэл шастир". Следует отметить, что летопись Галдана в значительной своей части включает в себя отрывки, выписки, взятые им дословно из других источников. Это обстоятельство позволило современному американскому востоковеду Дж.Флетчеру утверждать, что "Эрдэнийн эрихэ" скорее компиляция, нежели самостоятельное произведение, а написанное самим автором служит главным образом для того, чтобы связать воедино отрывки, взятые им из разных источников /210, с.229—233/. Нет никакого сомнения в том, что в "Эрдэнийн эрихэ" вошло многое из "Илэтхэл шастир". "Эрдэнийн эрихэ" пользовалась большой популярностью в монгольском обществе в XIX —начале XX в. и считалась одним из основных исторических произведений этого времени. Поэтому мнение Дж.Флетчера следует признать недостаточно обоснованным, тем более что отрывки из других сочинений в летописи Галдана пока не идентифицированы.

В предисловии к монгольской летописи "Эрдэнийн эрихэ" А.М.Позднеев указывает, что "самый основной материал для летописи несомненно доставила Галдану "Илэтхэль шастра"" /125, с.XIX/. Так автор называет "Илэтхэл шастир". Не случайно А.М.Позднеев не довольствовался тем материалом по истории Халхи, который содержится в самой летописи, а счел необходимым дать к ней свои пространные пояснения, которые по объему превышают опубликованные им отрывки из "Эрдэнийн эрихэ". Материалом для этих пояснений послужили главным образом данные "Илэтхэл шастир" и других монгольских, китайских и маньчжурских источников.

В этом же предисловии А.М.Позднеев дает подробное описание неполного монгольского экземпляра "Илэтхэл шастир" из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, которым он пользовался, и поясняет, что ввиду отсутствия у него полного монгольского издания этого памятника ему приходилось восполнять отсутствующие тетради соответствующими тетрадями маньчжурского издания "Илэтхэл шастир".

А.М.Позднеев отмечает, что "Илэтхэл шастир" по своему характеру является не чем иным, как "сборником формулярных списков всех монгольских князей с обстоятельным перечислением всех их дея-

ний, заслуг, проступков, отличий и пожалований" /125, с.XIX/. Однако нам представляется неверной его убежденность в том, что "Илэтхэл шастир" как сборник подробнейших формулярных списков монгольских князей "составляется собственно на монгольских сеймах, но потом его обыкновенно утверждает и обнародует к употреблению маньчжурская палата внешних сношений (Лифаньюань. — *В.С.*)" /125, с.XXX/. Поскольку "Илэтхэл шастир" является официальным документом пекинского правительства, изданным по указу маньчжурского императора, то трудно согласиться с таким мнением. "Илэтхэл шастир" — это правительственное издание и основным материалом для нее служили наряду с монгольскими источниками китайские архивные документы, собранные в Лифаньюань. Кроме того, о некоторых фактах, таких, как миссия Тулишеня к приволжским торгоутам, события в Восточном Туркестане или Тибете, в монгольских источниках могло и не быть сведений, о них составители "Илэтхэл шастир" узнавали из китайских и маньчжурских источников.

В задачу А.М.Позднеева не входило рассмотрение истории ойратов. Он ставил перед собой более узкую цель, ограничив себя рамками и временными — периодом в сто лет, с 1636 по 1736 г., и территориальными — Халхой, и не касался подробно событий в других регионах монгольского мира. Тем не менее, говоря о Халхе в указанный период времени, он рассматривает весь комплекс взаимоотношений между Халхой и маньчжурским двором, между Джунгарским ханством и маньчжурским двором и между Джунгарским ханством, княжествами Халхи и Кукунором. Особенно подробно описывает он деятельность джунгарского хана Галдана Бошогту (1671—1697), который добивался создания под своей властью независимого объединенного монгольского государства, что вызвало в 1688 г. ойрато-халхаскую войну, закончившуюся разгромом халхаских князей. Последовавшее вслед за этим открытое вмешательство маньчжурских завоевателей в ойрато-халхаский конфликт привело к поражению Галдана и полной потере Монголией своей независимости.

При рассмотрении всех этих событий А.М.Позднеев использовал в основном те главы "Илэтхэл шастир", в которых содержатся биографии халхаских и некоторых других монгольских князей, оставив в стороне главы с биографиями князей ойратских. Кроме того, автора можно упрекнуть в том, что он некритически отнесся к данным "Илэтхэл шастир" и других цинских источников, которые апологетически

освещают экспансионистскую политику Цинской империи в отношении Монголии и Джунгарии. Совершенно не привлекаются в книге А.М.Позднеева данные других источников, прежде всего русских архивных документов, обращение к которым помогло бы автору должным образом прокорректировать сведения цинских источников.

А.М.Позднеевым допущен в предисловии ряд неточностей (причисление "Илэтхэл шастир" к произведениям монгольской исторической литературы, датировка памятника), но, несмотря на указанные недостатки, его книга сыграла определенную роль в разработке проблем истории монголов и ойратов в период бурного, богатого событиями XVII и первой половины XVIII в. Книга А.М.Позднеева, как и его другие исторические работы /122/, ввела в научный оборот обширный фактический материал, почерпнутый из "Илэтхэл шастир" и других источников. Она и ныне служит исследователям источником сведений о монгольском издании "Илэтхэл шастир" и четырех дополнений к нему.

Некоторые ценные замечания о китайском оригинале "Илэтхэл шастир" высказал в своей рецензии на книгу Д.Покотилова "История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам)" /127/ историк-китаист и японист Д.М.Позднеев. Он называет "Илэтхэл шастир", или "Биографии ванов и гунов вассальных монгольских и туркестанских аймаков" (так звучит название данного источника в его переводе с китайского), "одним из важнейших первоисточников для истории монголов при настоящей династии (т.е. династии Цин. — *В.С.*) в Китае" /126, с.93/. Автор рецензии указывает, что "совершенно сырой биографический материал этих послужных списков сведен по хронологическому принципу в сочинении Хуан-чао-фань-бу-яо-лё", в котором "год за годом дословно выписываются из различных биографий все данные, относящиеся к одному времени по всей Монголии" /126, с.93—94/. В данном случае речь идет о труде китайских историков конца XIX в. Шоу Яне и Ци Юньши "Хуан чао фань бу яо люе" ("Свод важнейших данных о вассальных племенах, находящихся под управлением великой династии"), который из-за своего сравнительно небольшого объема и тематического подбора материалов по истории завоевания Цинской империей Южной (Внутренней) и Северной (Внешней) Монголии, Джунгарского ханства, Восточного Туркестана и Тибета широко используется в работах современных историков Китая (краткая характеристика

этого труда содержится в /51, с.13, 14/).
Д.М.Позднеев правильно подметил, что компилятивное сочинение по сравнению с "Илэтхэл шастир" не знает "ни субъективного освещения исторических явлений, ни оценки лиц, ни новых против биографий сведений... но тем не менее оно представляет собою весьма полезное пособие при изучении первоисточников и спасает от многих часов лишней работы" /126, с.94/.

В 1919 г. вышла из печати исключительно ценная работа В.Л.Котвича "Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв." /73/, посвященная многосторонним связям Джунгарского ханства с Русским государством в XVII–XVIII вв., которая является итогом многолетней работы автора над русскими архивными документами и восточными нарративными источниками по истории ойратов. В ней В.Л.Котвич дает исчерпывающую для своего времени характеристику монгольских, китайских и маньчжурских источников по истории ойратов в XVII–XVIII вв. В числе официальных изданий цинского периода, "в которых воспроизведены официальные документы, касающиеся деятельности маньчжурской династии, главным образом императорские указы и доклады трону по разным делам, в том числе (или даже исключительно) ойратским" /73, с.801/, В.Л.Котвич называет и "Илэтхэл шастир". Он указывает, что этот источник, содержащий большое количество документов в полном тексте, "издавался параллельными сериями на 3 языках: на китайском, под названием „бяо чжуань", маньчжурском – „илетун улабун" и монгольском – „илэтхэл шастир"" /73, с.803/.

Б.Я.Владимирцов включил этот памятник в число источников, использованных им при написании своего классического труда "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм" /36/. Данные "Илэтхэл шастир" он использовал и в некоторых других исторических трудах, в частности в своей работе "Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи" /35/. Поэтому можно сделать вывод, что Б.Я.Владимирцов был хорошо знаком с "Илэтхэл шастир", хотя он нигде не останавливается на ней подробно и дает только следующее краткое примечание, свидетельствующее о правильном понимании им сущности данного источника: "*Iledkel šastir* можно назвать монгольским источником лишь с субъективной монгольской точки зрения, как очень хорошо известное и широко распространенное сочинение, существующее и на монгольском языке" /35, с.216, примеч.2/.

Материалы "Илэтхэл шастир" были использованы Л.И.Думаном /49/ и Н.П.Шастиной /174; 175/. Из работ последних лет, в которых говорится об этом источнике, можно назвать лишь краткое описание монгольского ксилографа "Илэтхэл шастир" в коллекции монгольских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, составленное Л.С.Пучковским /131, с.53–55 и 70, 71/, и сообщение Г.С.Гороховой на II Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе в 1970 г. об экземплярах "Илэтхэл шастир" в собрании рукописей и ксилографов библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета /40/. Однако "Илэтхэл шастир" не была использована в качестве источника ни в специальной монографии И.Я.Златкина, посвященной истории Джунгарского ханства /54/, ни в "Очерках истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период" /117/.

Из работ западных ученых заслуживают упоминания монографическое исследование французского ученого Поля Пелльо "Критические заметки по калмыцкой истории. Тексты. Родословные" /225/ и две статьи американского исследователя истории Центральной Азии Дж.Флетчера /209; 210/.

Работа П.Пелльо представляет собой обширные примечания, исправления и дополнения по истории калмыков и их предков ойратов, сделанные выдающимся французским ученым к труду английского историка Джона Бэддли, посвященному истории русско-китайско-монгольских отношений с 1602 по 1676 г. /204/. Эта работа П.Пелльо была закончена в 1920 г., но при жизни автора так и не вышла в свет. Она была напечатана в шестом томе посмертного издания его трудов в 1960 г. его учеником и последователем Луи Анби. В предисловии к этому труду Луи Анби пишет: "Пелльо положительно отнесся к тому, чтобы дать в качестве приложения многочисленные переводы китайских текстов о калмыках для того, чтобы подтвердить свое намерение восстановить историю и родословные их князей, чего Бэддли не смог довести до благополучного конца за неимением возможности пользоваться китайскими источниками" /225, с.V/.

Ставя перед собой подобную задачу, Пелльо не мог не использовать "Илэтхэл шастир". Блестящее знание не только китайского, но и монгольского языка позволяло ему пользоваться китайским оригиналом, прибегая в случае необходимости и к монгольскому изданию. Это дало ему возможность увидеть, что "между различными главами встречают-

ся часто противоречия, многочисленные погрешности (négligences), а порой несоответствия в переводе между китайскими текстами и монгольскими" /225, с.66/.

Кратко охарактеризовав основное издание "Илэтхэл шастир" и четыре его дополнения, Пелльо возражал против высказанного А.М.Позднеевым утверждения, что этот памятник создан на монгольском языке в Монголии в течение 1779 г., а затем был переработан и окончательно отредактирован в Пекине /225, с.66/.

Из текста "Илэтхэл шастир" П.Пелльо перевел следующие разделы: 1) резюме биографий ойратских князей Кукунора (не полностью) (гл.81); 2) начало биографии ойратского засак тӧрӱ-йин цзюнь-вана Арабдана (гл.77); 3) резюме биографий князей Торгоутского аймака (не полностью) (гл.101); 4) небольшие отрывки из биографий хошигун-у бэйсэ Арабджура (гл.102) и торгоутского хана Убаши (гл.103). Как мы видим, это совсем немного. Гораздо большую ценность представляют приложенные к книге родословные ойратских князей, составленные в основном по данным "Илэтхэл шастир". Причем П.Пелльо указывает, что монгольские формы имен, приводимые им в переводе китайских текстов, не восстановлены по китайской транскрипции, а взяты им непосредственно из соответствующих глав монгольского издания /225, с.66/.

Дж.Флетчер в своем небольшом, но весьма ценном сообщении рассматривает вопрос о первоисточниках, положенных в основу монгольской летописи "Эрдэнийн эрихэ". Он дает правильный перевод названия памятника, основываясь на его китайском наименовании "бяо чжуань". По его словам, Галдан, автор "Эрдэнийн эрихэ", пользовался доступными ему источниками и "попросту заимствовал оттуда целые разделы с помощью "ножниц и клея" (in simple „scissors-and-paste" fashion)" /210, с.232/. В числе таких источников он называет и "Илэтхэл шастир", откуда многое было позаимствовано Галданом при написании "Эрдэнийн эрихэ".

Вторая небольшая статья Дж.Флетчера под названием "Биография Хуш Кипек-бека (ум. в 1781 г.) в Вайфань Мэнгу Хуэйбу ван гун бяо чжуань" /209/ содержит прокомментированный перевод гл.117 из китайского издания "Илэтхэл шастир". Хуш Кипек-бек до того, как попал в плен к цинскому полководцу Чжао Хуэю и "изъявил покорность", был правителем подвластного джунгарам Кашгара. Свой перевод Дж.Флетчер снабдил примечаниями, которые сами по себе имеют большую ценность.

В 1867 г. было издано сочинение, скорее компиляция, под названием "Мэнгу ю му цзи" ("Записки о монгольских кочевьях") двух китайских ученых — Чжан Му, по прозвищу Ши Чжоу, и Хэ Цю-тао. Русским китаеведом П.С.Поповым сделан перевод этого сочинения на русский язык, изданный в 1895 г. /111/. Этот перевод дает основание предполагать, что авторы "Мэнгу ю му цзи" в значительной степени почерпнули данные из "Илэтхэл шастир" или из какого-либо другого источника. Многие материалы "Записок о монгольских кочевьях" текстуально близки к аналогичным материалам "Илэтхэл шастир".

"Илэтхэл шастир" в настоящее время широко используется в исторических исследованиях монгольскими учеными наряду с оригинальными монгольскими средневековыми летописями, такими, как "Сокровенное сказание" (или "Тайная история монголов"), "Эрдэнийн Тобчи" Саган Сэцэна, "Шара Туджи" и др.

В последние годы "Илэтхэл шастир" все больше привлекается как ценное справочное издание западными монголистами и китаистами /215; 218; 233; 234/. Более того, уже ставится вопрос о составлении специального биографического справочника по истории Монголии цинского периода. Такая работа ведется в ФРГ, о чем сообщила в своем докладе на IV Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе западногерманская монголистка Вероника Вейт /234/. Главным источником при составлении такого рода справочника является монгольская версия "Илэтхэл шастир", лишь в случае необходимости приходится обращаться к китайской и маньчжурской версиям. Доклад В.Вейт содержит много ценной информации об "Илэтхэл шастир", здесь же впервые называются имена пяти цинских сановников, принимавших активное участие в составлении и редактировании основного издания "Илэтхэл шастир". Это монгол Сун-юнь (1752—1835), маньчжуры Цин-гуй (1735—1816) и Цзёло Гуй-фан (ум. в 1814 г.), китайцы Дун Гао (1740—1818) и Лю Чуань-чжи (1739—1818) /234,с. 251/.

Подводя итоги истории изучения "Илэтхэл шастир" за 150 лет, все же отметим, что этот источник до сих пор не стал предметом специального исследования. Ввиду редкости экземпляров самого памятника и языковых трудностей его прочтения он еще полностью не изучен. Вопрос о полном переводе и издании "Илэтхэл шастир" представляется весьма актуальным и давно назревшим. От скорейшего его разрешения зависит дальнейшее успешное изучение истории ойратов, чья историческая судьба не раз теснейшим образом переплеталась с судьбами народов Средней Азии, Казахстана, Южной и Восточной Сибири, а также Китая и Тибета.

Глава I

"ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР" КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Одним из важнейших источников цинского периода по истории монголов и ойратов является официальный исторический труд "Циньдин вайфань мэнгу хуэйбу ван гун бяо чжуань" ("Генеалогические таблицы и биографии вассальных монгольских и мусульманских ванов и гунов, составленные по императорскому указу"). Однако среди монголистов более известна его монгольская версия "Jarli -iyar toγtaγaγsan γadaγadu Mongγol Qotong ayimaγ-un wang güng-üd-ün iledkel šastir" ("Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана"), сокращенно названная "Илэтхэл шастир" ("Iledkel šastir").

Рассматриваемый нами источник представляет собой, как мы уже говорили, собрание кратких родословных и подробных биографий вассальных монгольских (в том числе и ойратских) и туркестанских князей, составленных официальным путем и содержащих большое количество текстов документов. Он (как и его последующие продолжения) выходил одновременно на трех языках: на китайском под названием 欽定外藩蒙古回部王公表傳 "Циньдин вайфань мэнгу хуэйбу ван гун бяо чжуань", маньчжурском – "Хэсэй тогтобуха тулэрги монггу хуйсэ аймани ван гун-сай илэтун улабун" и монгольском – «[illegible]» (ǰarliγ-iyar toγtaγaγsan γadaγadu Mongγol Qotong ayimaγ-un wang güng-üd-ü iledkel šastir) (см. /31, с.265, № 50–52; 131, с.53–55, 70–71; 212, с.137–138; 214, с.141; 219, с.9–10, № 14–15; 223, с.48–49; 226, с.722, № 199/). Прежде чем перейти к рассмотрению самого памятника, следует несколько подробнее остановиться на переводе его названия, так как от правильного перевода названия зависит и правильная оценка его как исторического источника.

Необходимо отметить, что в русской и советской исторической литературе нет единого мнения на этот счет. Так, Г.С.Лыткин переводит название

памятника описательно — "История монгольских и туркестанских ванов и гунов" (см. /61, с.85 и др./), а А.М.Позднеев именует его просто "Илэтхэль шастра" /125, с.XXIX—XXXII/.

В монголоведческих работах последних лет также наблюдаются разногласия в переводе названия памятника. Достаточно привести несколько примеров. Так, в книге Ш.Б.Чимитдоржиева "Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв." монгольское название рассматриваемого источника переводится как "Биографическая хроника /князей/" /170, с.8/, а в статье Г.С.Гороховой "„Илэтхэль шастра" в собрании библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета" указывается, что "„Илэтхэль шастра" имеет полное официальное название „Историческое сочинение, заключающее в себе законы и постановления об управлении монгольскими провинциями"" /40, с.126/. Весьма приблизительно переводит название "Илэтхэл шастир" П.Б.Балданжапов — "Высочайше утвержденное сочинение, повествующее о князьях Внешней Монголии и Туркестана" /15, с.105/.

Только Л.С.Пучковский давал правильный перевод монгольского названия — "Высочайше утвержденные /родословные/ и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана" /131, с.53/, хотя заключение в квадратные скобки слова "родословные" свидетельствует о неправильном, на наш взгляд, понимании монгольского термина *iledkel šastir*. В.Л.Котвич указывал, что *iledkel šastir* является эквивалентом китайского *бяо чжуань* и маньчжурского *илэтун улабун* /73, с.803/. Это подтверждается и данными многоязычных словарей, составленных в Китае примерно в одно время с "Илэтхэл шастир". Согласно пятиязычному маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайскому словарю, составленному в Китае в XVIII в., в период правления императора Цяньлуна /199, т.I, с.733, 743/, термин *iledkel* соответствует маньчжурскому *илэтун* и китайскому *бяо*, а термин *šastir* — маньчжурскому *улабун* и китайскому *чжуань*.

Наиболее известные словари китайского и маньчжурского языков дают следующие значения для слов *бяо* (маньчж. *илэтун*) и *чжуань* (маньчж. *улабун*): 表 *бяо* — "показатель, индекс; таблица; график; диаграмма... (уст.) доклад" /65, с.529/; 傳 *чжуань* — "1) повествование; повесть; история; 2) летопись Цзо-чжуань; летопись; хроника; биография; мемуары; комментарий" /65, с.321/;

илэтун — "наглядная таблица, хронологические таблицы, в которых кратко обозначены важные события разных эпох" /53, с.105/; *улабун* — "предание о чем-л., переходящее в потомство, повествование о минувших временах, повесть, сказка, быль, жизнеописание, биография известного лица" /53, с.157—158/. В данном случае 表 *бяо* (маньчж. *илэтун*) имеет терминологическое значение "таблицы" (имеются в виду генеалогические таблицы, т.е. родословные), а 傳 *чжуань* (маньчж. *улабун*) означает "биографии". Таким образом, в данном контексте *iledkel* не служит определением к слову *šastir*, а употребляется самостоятельно в значении "генеалогические таблицы, родословные", *iledkel šastir* означает "родословные и биографии" /210, с.232, примеч.17/.

К сожалению, во всех существующих словарях монгольского языка, за исключением изданных в Китае, отсутствует специальное, терминологическое значение "родословная" для *iledkel*, как и значение "биография" для *šastir*[1]. Поэтому можно считать, что в данном контексте эти два монгольских слова являются не чем иным, как калькой или дословным переводом соответствующих китайских слов.

В самой "Илэтхэл шастир" дата ее издания не приводится. Однако известно, что печатание "Илэтхэл шастир" было начато в 1795 г. и завершено в 1802 г. /211, с.103/. Это издание является основным и наиболее полным. Как явствует из предисловия, открывающего памятник, начало работы над сбором материалов для составления родословных и биографий включенных в него деятелей было положено императорским указом, датированным 44-м годом правления Тэнгри-йин тэтхугсэн (кит. Цяньлун), т.е. 1779 г.

К основному изданию "Илэтхэл шастир" после 1795 г. было составлено в 1802—1814, 1836—1839, 1849—1851 и 1855 гг. /184, с.19/ четыре продолжения на трех языках: китайском, маньчжурском и монгольском. Монгольское название этих продолжений — « » (ǰarliγ-iyar toγtaγaγsan ǰalγaǰu ǰokiyaγsan γadaγadu muǰi-yin Mongγol Qotong ayimaγ-un güng-üd-ün iledkel šastir)—"Высочайше утверж-

денные продолжения родословных и биографий князей монгольских и туркестанских аймаков внешних областей". Название соответствующих изданий на маньчжурском языке — "Хэсэй тогтобуха сирамэ банджибуха тулэрги голой монггу хуйсэ аймани ван гунсай илэтун улабун" /223, с.49/. Как указывает П.Пелльо, первое дополнение по-китайски называлось "Циньдин сюйцзуань / 續纂 / вайфань мэнгу хуэйбу ван гун бяо чжуань", второе — "Циньдин цзай / 再 / сюйцзуань вайфань мэнгу хуэйбу ван гун бяо чжуань", а третье — "Циньдин сань / 三 / сюйцзуань вайфань мэнгу хуэйбу ван гун бяо чжуань" /225, с.65/. Каждое из этих продолжений состоит из 24 глав: 12 глав родословных и 12 глав биографий. Эти четыре продолжения в общей сложности составляют 96 глав, причем в каждой из них ненужные данные, опубликованные в предыдущих изданиях, опускались. Таким образом, общий объем "Илэтхэл шастир" составил 216 глав, вместивших в себя историю Монголии и монголо-китайских отношений с начала XVII в. до середины XIX в., т.е. более чем за два с половиной столетия.

Первые 120 глав "Илэтхэл шастир" содержат весьма важный и обширный фактический материал по истории Монголии XVII—XVIII вв., в дополнительных главах такого материала мало.

Нами было рассмотрено первое, основное издание "Илэтхэл шастир", представляющее для исследователя, занимающегося историей ойратов, большую ценность. Как известно, XVII—XVIII вв. были исключительно важным периодом в истории этой монгольской народности — временем становления, расцвета и гибели крупного и могущественного государства в Центральной Азии — Джунгарского, или Ойратского, ханства (1635—1758), игравшего большую роль в международной жизни, в борьбе народов Центральной Азии против маньчжурского Китая.

Полный комплект основного издания "Илэтхэл шастир" хранится в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР под шифром G 42 (Коллекция VIII Собрания монгольских рукописей и ксилографов, № 39). Он представляет собой пекинское ксилографическое дворцовое издание; 120 глав (дэвтэр) с монгольской нумерацией распределены в 60 ненумерованных тетрадях китайского образца (кит. цэ, букв. книга), помещенных в 6 нумерованных переплетах-футлярах; каждая глава имеет свою внутреннюю пагинацию. Тетради состоят из сдвоенных листов размером 20×26 см, каждый лист содержит по 8 строк текста. Тетради находятся в светло-желтых бумажных обложках; пе-

реплеты-футляры крыты несколько более темным шелком желтого цвета. Заглавие памятника имеется на обложке каждой из 60 тетрадей /131, с.55/.

"Илэтхэл шастир" состоит из нескольких разделов: 1. Императорские указы; 2. Оглавление; 3. Родословные; 4. Резюме биографий, которые предваряют собственно биографии князей определенной военно-административной единицы — аймака или хошуна; 5. Биографии.

В первой тетради содержится предисловие и оглавление ко всему сочинению. Предисловие состоит из двух императорских указов (degedü ǰarliγ), приведенных полностью. В них объясняются причины, сделавшие необходимым составление сборника родословных и биографий. Первый указ датируется 29-м днем первого осеннего месяца 44-го года правления Тэнгри-йин тэтхугсэн, т.е. 9 сентября 1779 г., а второй — 2-м днем последнего осеннего месяца того же года (11 октября 1779 г.).

В первом императорском указе говорится: "С того времени, как наша династия установила новое правление и закон, объединила и собрала в единое целое все земли, 49 хошунов внутреннего правления и многие аймаки внешнего правления, такие, как Халха и другие, — все они стали нашей оградой и опорой, и, ревностно служа из поколения в поколение, внутренние и внешние владения составили одну семью. И это положение еще более укрепилось по сравнению с прежними временами. Во времена Тай-цзуна хотя и было великое множество тех, кто, служа верой и правдой и не жалея сил, снискал себе большие заслуги перед династией, но если сосчитать тех монгольских князей, кто служил ревностно и усердно моему деду-императору, моему отцу-императору, а также и мне со времени моего восшествия на престол и выказал все свое усердие, то им несть числа" /198, гл.I, л.1—2/.

И далее сказано о том, что поскольку все эти монгольские князья имеют воинские и служебные заслуги, то, если их не зафиксировать в письменном виде, они останутся неизвестными будущим поколениям. Для того чтобы добродетели монгольских князей могли служить примером будущим поколениям и побуждать их к служебному рвению, император решил и повелел выявить самым подробным образом прежние деяния и заслуги перед маньчжурской династией всех монгольских князей, их родо-племенную принадлежность и родственные связи. Обработка и редактирование собранного материала поручались самым сведущим ученым страны под эгидой двух учреж-

дений: Ulus-un sudurči küriyen (кит. Гошигуань, Комитета по составлению летописей государства и биографий лиц царствующей династии) и Γadaγadu Mongγol-un törü-yi ǰasaqu yabudal-un yamun (кит. Лифаньюань, Китайской палаты внешних сношений). Тщательно составленные и отредактированные родословные и биографии монгольских князей должны были представить императору для рассмотрения и последующего их утверждения, после чего надлежало издать их на трех языках: маньчжурском, китайском и монгольском и разослать по монгольским аймакам, чтобы сыновья и внуки князей видели, сколь щедро и великодушно воздал император их отцам и дедам за заслуги перед правящей династией.

Во втором императорском указе речь идет о хотонах (кит. хуэй), т.е. уйгурах-мусульманах Восточного Туркестана. В нем излагается приказ, требующий составить аналогичным образом родословные и биографии их князей.

Вслед за предисловием следует оглавление (des toγa) всех 120 глав. Из оглавления видно, что гл.1—16 содержат родословные (iledkel) князей, а гл.17—20 — их биографии (oladburi-yin šastir, или просто šastir). Оглавление составляет 33 листа и имеет свою пагинацию.

В следующих тетрадях помещены в виде таблиц родословные князей, которые даются с того времени, как князья приняли подданство маньчжурской династии Китая, и до 50-х годов правления Тэнгрийин тэтхугсэн, т.е. до 80-х годов XVIII в. Родословные распределены в соответствии с административно-территориальным делением Монголии в составе Цинской империи и даны по аймакам и другим административным единицам, а также по географическим районам.

Родословным ойратских князей посвящены следующие главы: гл.11 (родословные князей аймака алашаньских и кукунорских ойратов); гл.12 (родословные князей Чоросского и Дэрбэтского аймаков); гл.13 (родословные князей Торгоутского и Хошоутского аймаков); гл.15 (родословные князей аймаков: хошоутов в Чахаре; ойратов, живущих на р.Хара-Мурен (Хэйлунцзян); захачинов, кочевавших в окрестностях г.Кобдо).

Эти родословные являются, по сути, хронологическими таблицами, в которых весьма своеобразным способом излагается генеалогия ойратских князей, изъявивших покорность маньчжурским завоевателям и получивших от них титулы наследственной знати. Поскольку рассматриваемые родословные отражают

преемственность в обладании тем или иным титулом у представителей ойратской знати, превратившихся в простых чиновников на службе у маньчжурского императора Китая, и эти титулы переходили от князя к его старшему сыну, а при отсутствии прямых потомков мужского пола — к брату, то эти хронологические таблицы с известной долей приблизительности можно назвать генеалогическими таблицами, или родословными.

Изложение материала строится в генеалогических таблицах по определенной схеме. В самом начале приводятся дата принятия данным ойратским аймаком подданства Цинской империи, количество в нем хошунов и титулов наследственной знати у князей. Например: "Аймак алашаньских ойратов принял подданство в 25-м году Энхэ Амугулана (кит. Канси, т.е. в 1686 г. — *В.С.*); один хошун, 3 титула (kergem)" /198, гл.11, л.1/; "Аймак кукунорских ойратов принял подданство в 36-м году Энхэ Амугулана (т.е. в 1697 г. — *В.С.*); 39 хошунов, 30 титулов" /198, гл.11, л.4/.

Затем следовало название титулов в том виде, в каком они были учреждены и в каком виде наследовались на момент составления родословной. Например: "Бывший титул засак тору-йин бэйлэ ныне наследуется в качестве титула хошой чин-вана"; "бывший титул исполняющего обязанности хошигун-у бэйсэ ныне наследуется в качестве улус-ун тушийэ гуна" и т.п. Особо оговаривается, кто первым удостоился данного титула, "племенная" принадлежность этого лица, указывалось, чьим потомком он является. Например, "первым, кому пожаловали этот титул, был Хороли, хошут, потомок Хабуту Хасара, младшего брата императора — родоначальника Юаньской династии (т.е. Чингисхана. — *В.С.*)"; "первым, кому пожаловали этот титул, был Сэбдэнджал, джунгар, правнук тайджи Эсмэт-дархан-нояна в 9-м поколении".

В дальнейшем кратко указаны в хронологической последовательности основные моменты продвижения по службе обладателя того или иного титула или отмечается факт его разжалования за провинности и дата смерти, если он в это время все еще состоял на службе. Характерно, что составители родословных обходят молчанием дату рождения князя — носителя титула, так как личность князя их интересует не сама по себе, а постольку, поскольку он имел отношение к определенному титулу. Если же год его смерти и называется, то лишь потому, что данный княжеский титул стал вакантным и его уна-

следовал сын или другой близкий родственник бывшего обладателя титула.

После этого в строгой хронологической последовательности приводятся аналогичные данные о лицах, наследовавших данный титул в последующие годы, причем обязательно указывается, кем они приходились предыдущим обладателям титула и какими по счету наследуют его. Как видно из этих своеобразных генеалогических таблиц, титулы наследственной знати не были постоянно закреплены за княжескими родами: за заслуги их носитель мог быть повышен в звании, а за провинности или нерадивость понижен, а то и вовсе лишен своего титула.

Все остальные 104 главы посвящены биографиям, точнее, послужным спискам - oladburi-yin šastir" как они еще именуются в "Илэтхэл шастир". Перевод понятия "oladburi-yin šastir" и "šastir" как "биографии" есть дань традиции, поскольку именно так в советской и зарубежной синологии передается значение китайского термина "чжуань" или "ле чжуань"[2], принятого в традиционной китайской историографии.

Термин "ле чжуань" ввел в употребление знаменитый китайский историк древности, "отец китайской истории" Сыма Цянь, автор "Исторических записок" ("Ши цзи"). Это новшество представляло собой "наиболее законченное выражение "биографической" системы изложения истории, вскрывающей общую картину прошлого через частное - жизнеописания исторических деятелей" /76, с.46/. Переводится "ле чжуань" как "биографии, жизнеописания знаменитых людей", хотя это не совсем точно и полно отражает содержание данного термина, что можно видеть и на примере "Илэтхэл шастир".

Спецификой "биографий" "Илэтхэл шастир" является почти полное отсутствие в них собственно биографического материала в общепринятом понимании, их строгая ориентация на иллюстративный показ определенной линии поведения — преданного служения маньчжурским императорам, как это явствует из приведенного в начале данного памятника императорского указа, положившего начало составлению "биографий".

Личная жизнь князей лежит вне сферы интересов составителей биографий. Так же, как и в разделе родословных, не приводятся даты их рождения и не всегда указываются даты смерти. Поэтому перед читателем предстают обезличенные, схематизированные персонажи, биографические данные о которых

сводятся к простому перечислению их служебных заслуг или проступков, награждений или наказаний и т.д. Подобный узкоутилитарный подход к отображению исторических событий и участия в них данных деятелей объясняется тем, что основной задачей китайской официальной историографии было показать на примерах прошлого те воздаяния, которые ожидают добродетельного в традиционном конфуцианском понимании человека, и те беды, которые постигнут человека порочного. Так повелось еще со времени написания "Чунь-цю" ("Анналов весны и осени"), хроники государства Лу, приписываемой Конфуцию. В ней "он пытался выработать идеальные прецеденты в качестве основы здравых нравственных суждений" /213, с.13/. Влияние "Чунь-цю" на всю последующую феодальную историографию было огромно. Непомерное выпячивание этического аспекта деятельности людей в исторических сочинениях в ущерб адекватному отображению конкретной действительности приводило к тому, что, с точки зрения китайского историка, для лучшего освещения его главных принципов не имели существенного значения фальсификация исторических фактов либо их замалчивание.

Как и родословные, биографии князей охватывали значительный промежуток времени — от подчинения отдельных ойратских групп маньчжурской династии до конца 50-х годов правления Тэнгри-йин тэтхугсэн, т.е. до конца 80-х — начала 90-х годов XVIII в. Последняя по времени дата — 57-й год правления Тэнгри-йин тэтхугсэн, т.е. 1792 г. по европейскому летосчислению (см. /198, гл.103, л.7/).

Из 104 глав биографий ойратским князьям отведены 77—107, 114 и 115. Здесь имеются биографии многих значительных персонажей ойратской истории XVII—XVIII вв. Достаточно упомянуть последнего джунгарского хана Даваци (гл.94), торгоутского хана Убаши, который увел с Волги значительную часть своих подданных в Джунгарию (гл.103), и др.

Биографии даются по аймакам и хошунам согласно административно-территориальному делению, установленному после включения монгольских земель в состав Цинской империи.

Биографиям князей такой крупной административной единицы, как аймак, предпосылается краткая история данного аймака — šastir-un quriyangγui (букв. резюме, краткое изложение биографий). В китайском оригинале "Илэтхэл шастир" эти резюме называются 總傳 цзун чжуань (общие описания) (см. /49, с.39/). В разделе, посвященном биогра-

фиям ойратских князей, имеется пять таких кратких изложений, касающихся князей аймака алашаньских (гл.79) и кукунорских ойратов (гл.81), а также Дэрбэтского (гл.95), Торгоутского (гл.101) и Хошоутского (гл.106) аймаков. В начале этих резюме, как правило, приводятся географические данные: удаленность данного аймака от столицы государства, его протяженность с востока на запад и с юга на север. Цифровые данные указываются в газарах (γaǰar — монгольская мера длины, равная 575 м; соответствует китайской мере длины ли). Далее перечисляются аймаки, китайские провинции и географические пункты, с которыми граничит аймак.

Как и сами биографии, резюме содержат многочисленные сведения из области политической истории монголов и ойратов, истории их взаимоотношений с маньчжурскими императорами Китая, которые руководствовались в своей антимонгольской политике традиционным принципом китайской дипломатии — "воевать с варварами руками самих варваров", проводили политику запугивания, подкупа и натравливания одних монгольских и ойратских князей на других. Большую ценность представляют имеющиеся в памятнике точные даты различных событий и полные тексты разного рода официальных документов, в частности императорских указов.

Если родословные можно рассматривать как своеобразную сводку хронологических данных к биографиям, то в основу резюме был положен тематический принцип изложения истории в сочетании с хронологическим. В этом разделе "Илэтхэл шастир" дано описание крупных этнотерриториальных подразделений — дэрбэтов, торгоутов, хошоутов и других ойратских групп, расселенных во внутренних владениях Цинской империи — Алашане и Кукуноре (Цинхае). Здесь нашли отражение вопросы происхождения и родственных связей феодальных правителей перечисленных подразделений, установления ими дипломатических отношений с цинским двором, обмена посольствами, принятия ими подданства Цинской империи, участия в различных военных кампаниях маньчжурских завоевателей по "покорению" и "усмирению" других народов и племен и т.п.

Резюме биографий имеют различный объем. Так, резюме биографий алашаньских ойратов составляет 42 листа, кукунорских — 116, князей Хошоутского аймака — 24, Торгоутского — 55, Дэрбэтского — 59 листов. Различия в объеме этих резюме объясняются прежде всего тем, что вышеперечисленные аймаки вошли в состав Цинской империи в разное время.

Принявшие подданство Цинов раньше имели более продолжительную, более насыщенную событиями историю взаимоотношений с Цинской империей. Особенно отчетливо это прослеживается на примере резюме биографий князей кукунорских ойратов, которые были ближайшими соседями Китая и первыми попали под власть маньчжуров.

Раздел "биографий" в "Илэтхэл шастир", как и во многих других китайских официальных исторических трудах (например, в династийных историях), является основным источником фактических данных о рассматриваемом периоде, в данном случае по истории Монголии и Джунгарии XVII–XVIII вв. с момента установления их правителями дипломатических отношений с маньчжурскими правителями Китая. Ойратским князьям посвящены следующие главы "Илэтхэл шастир": 77 (42 л.), 78 (27 л.), 80 (43 л.), 82 (24 л.), 83 (22 л.), 84 (21 л.), 85 (22 л.), 86 (25 л.), 87 (18 л.), 88 (19 л.), 89 (19 л.), 90 (11 л.), 94 (28 л.), 96 (24 л.), 97 (25 л.), 98 (13 л.), 99 (18 л.), 100 (8 л.), 103 (23 л.), 104 (13 л.), 105 (14 л.), 107 (12л.), 114 (20л.), 115 (32 л.). В основу этого раздела положен, как указывалось выше, биографический принцип. Изложение сведений дается в виде погодичных записей о событиях, имевших отношение к данному конкретному лицу, т.е. в хронологической последовательности, что позволяет исследователю легко ориентироваться в приводимых исторических документах и содержащихся в них сведениях.

Поскольку биографии носят весьма специфический характер, то для создания правдивой картины взаимоотношений Цинов с ойратскими феодальными правителями необходим весьма внимательный и критический подход к содержащимся в них данным. Дело в том, что отбор и компоновка фактического материала в "Илэтхэл шастир" были строго подчинены одной задаче — показать, что ойратские князья ревностно служили Цинской династии. Признание маньчжурского императора в качестве верховного сюзерена рассматривается как сама собой разумеющаяся обязанность, выполнение которой не только нужно, но и должно требовать от "варваров". Поэтому тот или иной ойратский князь предстает перед нами не как живая личность с ее достоинствами и недостатками, а как застывшая схема, абстрактная модель поведения, приличествующего правителям "варварских племен". Подобное изображение реально существовавших исторических деятелей, на наш взгляд, является существенным недостатком "Илэтхэл шастир", так как не позволяет составить чет-

кое представление о чисто человеческих качествах личности, образе жизни, внешнем облике, материальном окружении, мотивах поведения либо житейских пристрастиях того или иного ойратского князя. Поэтому вслед за Ч.Гарднером можно выразить сожаление по поводу того, что, "за отдельными, весьма редкими исключениями, нам остается полностью полагаться на свое воображение, чтобы представить себе личность и внешний вид даже ведущих деятелей" /213, с.76/.

Однако сквозь схематизированные образы ойратских правителей иногда проглядывают живые черты. Так, в биографии Даваци (гл.94), последнего джунгарского хана, потерпевшего поражение от цинских войск, взятого в плен и привезенного в Пекин, приводится следующее высказывание о нем императора Цяньлуна после того, как по случаю победы в Великом храме предков царствующей династии были совершены жертвоприношения и устроено торжественное прохождение пленных, за которыми наблюдал сам император: "Даваци искони не имеет провинностей перед нашей великой династией. После того как стали говорить, что Даваци злой и жестокий (maγu qarγis), и нам об этом прибыл сказать Амурсана, он был схвачен и доставлен в столицу. Мы увидели, что это слабый, тихий нравом и внушающий жалость человек (ükenče nomoqan kögerükei kümün), который вот уже давно хотел принять наше подданство" /198, гл.94, л. 19об.–20/. Этот отзыв Цяньлуна в какой-то мере характеризует Даваци.

Труднопостижимым являются для нас побудительные мотивы действий лиц, о которых идет речь в биографиях, или истинная подоплека описываемых там событий. Приведем пример. Известно, что ойратские князья, принявшие подданство Цинской империи, находились в зависимости от своего сюзерена – маньчжурского императора, бывшего одновременно верховным повелителем Монголии. После смерти князя его наследник должен был утверждаться в своем звании цинским правительством и для этого он приезжал в Пекин к своему сюзерену за инвеститурой. Такие поездки в столицу были связаны со значительными затратами на дорожные расходы, выплату очередной дани и преподнесение внеочередных даров императору, на подарки и взятки придворным императора и чиновникам. В 1736 г. вдова одного хошоутского князя в Кукуноре после смерти мужа обратилась со следующей просьбой к императору Юнчжэну: "У меня три сына... Все они малолетки, и я опасаюсь оспы. Будьте милостивы к ним

за то, что они не поедут на аудиенцию. Прошу удостоить своей милости моего сына и утвердить его в правах восприемника" /198, гл.82, л. 23об.-24/. Ее просьба была удовлетворена. Неясно, действительно ли княгиня опасалась за жизнь своего сына, или же оспа была избрана в качестве благовидного предлога для того, чтобы не ехать в Пекин и тем самым избежать непомерных расходов. Однако примечательна выраженная здесь такая чисто человеческая черта, как страх перед оспой — тяжелой болезнью, которая была нередкой гостьей в городах Китая с их ужасающей скученностью.

Не во всем совершенна с современной точки зрения и структура раздела "биографий". Исследователь должен иметь в виду, что материалы "Илэтхэл шастир", относящиеся к какому-либо историческому событию или историческому лицу, излагаются не в одном месте, а распылены по многим главам. Если описывается примечательное событие в резюме биографий, то многие дополнительные подробности о нем можно найти в биографиях тех князей, которые были непосредственными участниками рассматриваемых исторических событий либо имели к ним какое-либо отношение.

Следует также отметить, что поскольку большинство ойратских князей проводило независимую политику и оказало упорное сопротивление маньчжурским завоевателям, то биографии этих князей отсутствуют в "Илэтхэл шастир". Так, в ней нет биографии правителя Джунгарского ханства Галдана Бошогту-хана, хотя имеется много материалов о его генеалогических связях, внешнеполитической деятельности, рассеянных по биографиям других князей (в том числе князей Монголии), с которыми он так или иначе сталкивался в своей централизаторской деятельности. То же можно сказать и об Амурсане, с именем которого в монгольской истории связана последняя попытка организовать сопротивление маньчжурским завоевателям.

Амурсана, хойтский князь, был одним из претендентов на ханский трон в Джунгарском ханстве в последние годы его существования. Обратившись за помощью к Цинам, он сверг с престола своего соперника Даваци; за заслуги перед Цинской династией получил титул цинь-вана и был назначен помощником командующего армией (tusalaγči ǰangǰun). Увидев, что его планы установить единоличную власть в ослабленном феодальными усобицами Джунгарском ханстве потерпели провал, Амурсана поднял восстание против маньчжурских завоевателей.

К нему примкнули многие ойратские князья, в том числе и те, кто, подобно ему, ранее перешел на сторону цинского императора. Материалы об Амурсане содержатся в биографии Даваци (гл.94), в резюме биографий князей Дэрбэтского аймака (гл.95), в биографии хошоутского князя Нагацы, жившего в Чахаре (гл.114), и в биографиях других князей. И хотя основные факты, относящиеся к противоречивой деятельности Амурсаны, изложены в биографии Даваци и в резюме биографий дэрбэтских князей, но и данные, рассыпанные буквально по крохам в других главах "Илэтхэл шастир" и имеющие на первый взгляд второстепенный характер, позволяют существенно дополнить представление об этой личности и представить картину происходивших событий. О том, как оказались раскрыты замыслы Амурсаны, мы узнаем только из биографии хошоутского князя Нагацы, одного из ближайших сторонников и доверенных лиц Амурсаны, участвовавшего вместе с ним во всех перипетиях борьбы за власть в Джунгарском ханстве и одновременно с ним принявшего подданство Цинской империи. В 1755 г. в решающий момент Нагаца не смог последовать за Амурсаной в Джунгарию и оказался в плену у командующего цинской армией Баньди. Уличенный в измене, Нагаца в страхе за свою жизнь "выдал полностью мятежные замыслы Амурсаны и Банджура. За это император простил ему его вину, возвратил ему его подданных людей и пожаловал ему титул улус-тур тусалагчи гуна" /198, гл.114, л. 8об./.

Тем не менее отдельные главы раздела "биографий" не выглядят оторванными друг от друга, им свойственно внутреннее единство. Составители "Илэтхэл шастир", касаясь наиболее существенных фактов биографии того или иного князя либо значительных событий, имевших место при его жизни, дают их подробное описание в одном месте, а в остальных случаях во избежание повторений приводят ссылку на эту главу. Например: "В 24-м году правления Энхэ-Амугулана (т.е. Канси. – *В.С.*) был установлен порядок предоставления дани для Четырех ойратов: при проезде их посольства через пограничные пункты (ƀoγomta) их численность не должна была превышать 200 человек, о чем высочайшим указом было доведено до сведения Аюки. Об этом подробно изложено в резюме биографий Дэрбэтского аймака" /198, гл.101, л. 7–7об./; "У элётов первоначально было Четыре ойрата. Дэрбэты были одним из них, а хойты были их подданными, потом они постепенно были повышены в ойраты. Об этом

подробно изложено в биографиях кукунорских элётов" /198, гл.95, л. 1об./. Подобная система перекрестных ссылок на разные главы "Илэтхэл шастир" облегчает работу исследователя.

ИСТОЧНИКИ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВУ "ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР"

Круг источников, положенных в основу "Илэтхэл шастир" его составителями, в тексте сборника нигде специально не упоминается. Поскольку "Илэтхэл шастир" относится к числу традиционных произведений китайской историографии, то не вызывает удивления полное отсутствие в ней библиографии и ссылок, какого бы то ни было подобия научно-справочного аппарата в нашем современном понимании. В китайской традиционной историографии, указывает Ч.Гарднер, "не только не делаются какие-либо попытки указать на источники и сделать их доступными для пытливого читателя, который пожелал бы идти дальше, или хотя бы, кроме исключительных случаев, привести перечень названий книг, которые были автором приняты во внимание в своих выводах" /213, с.75/. Тем не менее, основываясь на косвенных данных, можно попытаться представить в целом основные группы источников, использованных составителями "Илэтхэл шастир".

Это прежде всего многочисленные официальные документы, относящиеся к внешней политике Цинской империи и хранившиеся в дворцовых хранилищах, архивах и библиотеках: императорские указы (degedü ǰarliγ), донесения чиновников, "верноподданнические послания" (ilerkeyilen ayiladqaqu bičig) монгольских и ойратских князей, записи о приезде послов от них и принесении ими дани. Некоторые из этих документов цитируются полностью, другие же, насколько об этом можно судить, приводятся в сильно сокращенном виде или просто упоминаются.

Кроме них составителям официального сборника родословных и биографий были доступны и другие материалы из официальных источников, такие, как надписи на каменных стелах, установленных в ознаменование каких-либо значительных событий, памятные записки, стихи, написанные императорами, и т.д. Известно, например, что императоры Канси и Цяньлун были "просвещенными государями" с точки зрения конфуцианской морали и писали стихи в традиционной манере. В тексте "Илэтхэл шастир" мы встречаем кое-где упоминания о такого рода

материалах. Так, о хошоутском князе Лубзандорджи в его биографии говорится, что за заслуги в разгроме "мятежников-мусульман" Восточного Туркестана "был нарисован по приказу императора (имеется в виду император Цяньлун. — *В.С.*) его (т.е. князя Лубзандорджи. —*В.С.*) портрет для Башни светлого луча (tuya gereltü asar), и император в сочиненной им самим оде (maγtalγa) отозвался о нем так" /198, гл.80, л.29об./. Далее приводится текст самой оды.

Другой пример. "Император написал стихи (šilüg) по случаю прибытия всего племени торгоутов в подданство (Цинской империи в 1771 г.— *В.С.*) и тем отметил это событие" /198, гл.101, л.25/. Далее следует само стихотворение /198, гл.101, л. 25об.—31/. Упоминается также "написанная императором записка о принятии подданства Китая всеми торгоутами" /198, гл.101, л. 33об./.

"Император составил (после разгрома восстания в Кукуноре хошоутских владетельных князей во главе с внуком Гуши-хана Лубсан-Данджином. — *В.С.*) описание умиротворения Кукунора, которое было выбито на каменной стеле (kösiye čilaγun), установленной в Государственном училище по воспитанию сынов отечества (ulus-un keüked-i kümüǰigülkü yamun, кит. Гоцзыцзянь)" /198, гл.81, л. 70об./.

К второй группе не менее важных официальных источников относятся книги и сочинения о внешней политике Цинской династии, в том числе по истории маньчжуро-монгольских и маньчжуро-ойратских отношений в XVII—XVIII вв., доступные составителям "Илэтхэл шастир" в силу их служебного положения. Они, несомненно, были широко использованы придворными историками при написании "Илэтхэл шастир". Мы уже говорили об отсутствии в этом источнике библиографии и ссылок. "В тех же сравнительно редких случаях, — писал Ч.Гарднер, — когда даются ссылки на книги предшественников, считается достаточным небрежно упомянуть заглавие книги или фамилию автора или самое большее назвать главу" /213, с.75/. В числе книг и сочинений указанной группы источников, которыми могли пользоваться авторы "Илэтхэл шастир", упоминаются в той или иной форме или подразумеваются следующие.

1. "Да Цин личао шилу" ("Хроника правления всех государей великой династии Цин"), состоящая из 1220 томов (цэ), которые включают в себя 4510 глав (цзюаней) (см. /37, с.8—11; 51, с.7—9; 98, с.68—79/). "По содержанию „Да Цин личао шилу"

представляет собой построенное по хронологическому принципу (год за годом, месяц за месяцем и день за днем) собрание самых разнородных сведений и документов, относящихся к правлению двенадцати государей маньчжурской династии Цин, начиная с Нурхаци" /51, с.7/.

"Да Цин личао шилу", или просто "Шилу", первоначально не предназначалась для публикации. Доступ к ней кроме императора и членов императорской фамилии имел только узкий круг лиц: высшие сановники империи, связанные с дворцовым делопроизводством, и придворные историографы, участвовавшие в написании истории династии и других официальных исторических трудов. "Шилу" составлялась в пяти экземплярах специально назначенными комиссиями. Каждый экземпляр выходил на трех языках, принятых в официальном делопроизводстве Цинской империи: маньчжурском, китайском и монгольском. Полностью "Шилу" на китайском языке была издана сравнительно недавно, в 1937 г. в Японии. Несмотря на закрытый характер этого источника, составители "Илэтхэл шастир", облеченные доверием двора, вне всякого сомнения, имели возможность пользоваться обширными документальными материалами "Шилу", в которых нашли отражение все важнейшие моменты внешней политики цинского Китая XVII—XVIII вв.

2. "Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе" ("Составленное по императорскому повелению описание государева похода и усмирения /населения/ территории к северу от пустыни") (см. /37, с.18, 19; 51, с.10, 11/). "Этот источник содержит в себе составленное по хронологическому принципу подробное изложение событий и подборку огромного количества документов, связанных с захватом Цинами Северной Монголии (Халхи) и войнами между маньчжурским государством и ойратским ханом Галданом, охватывая период с 1677 по 1699 г." /37, с.18/. Он составлялся сразу после окончания войны с Галданом комиссией, созданной по специальному указу императора Канси. В нее вошли высшие цинские сановники и придворные историки. "Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе" вышел в свет на двух языках — маньчжурском и китайском — не позднее 1709—1711 гг. С этого времени монгольские историографы использовали его как один из главных источников по истории Монголии, а в 1904 г. монгольские писари и знатоки маньчжурского языка полностью перевели его на монгольский язык под названием "Baraγun qoyitu γaǰar-i töbšidgen toγtaγaγsan bodolγa-

yin bičig" ("Записки о военных действиях армии по умиротворению Северо-Западного края") (см. /184, с.19/). Этот перевод более известен под другим названием – "Engke Amuγulang gaγan-u bodolγa-yin bičig" ("Записки о военных действиях армии при Энхэ Амугулане"). Подробное описание этого перевода на старомонгольском языке, хранящегося в Государственной библиотеке МНР в Улан-Баторе, дал Ш.Б.Чимитдоржиев /172, с.65–70/[3]. Существует и русский перевод маньчжурского оригинала этого источника,сделанный в XVIII в., но, к сожалению, оставшийся неопубликованным. Он был выполнен в 1750 г. одним из выдающихся представителей русских маньчжуристов XVIII в., И.Рассохиным, и назывался "История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элеутского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях"[4]. Перевод И.Рассохина впервые в полной мере использовал И.Я.Златкин в упоминавшейся монографии "История Джунгарского ханства".

3. "Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе" ("Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар"), изданное в 1772 г. Описание состоит из 172 глав и является по своей тематике продолжением предыдущего источника /184, с.19, 20/. Оно было написано и издано на двух языках – маньчжурском и китайском и представляет собой тематическую подборку документов, посвященную в основном разгрому и уничтожению в 1755–1758 гг. цинскими войсками Джунгарского ханства, игравшего до этого важную роль в международной жизни Центральной Азии. Правда, хронологические рамки "Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе" значительно шире, они охватывают период с 1700 по 1767 г. В нем в хронологической последовательности излагаются события из истории джунгаро-цинских отношений и раскрывается агрессивная сущность политики Цинской империи, которая после провала своих многочисленных попыток дипломатическим путем или силой принудить правителей Джунгарского ханства признать себя вассалами Китая решила, используя свое военное превосходство и феодальные усобицы джунгарских князей, покончить с существованием этого независимого и суверенного государства. В составлении "Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе" принимали участие придворные историки и высшие сановники, которые являлись свидетелями и непосредственными участниками описываемых событий.

В "Илэтхэл шастир" этот источник упоминается. Так, в биографии чоросского хошой цинь-вана Дава-

ци (гл.94) говорится: "Все данные о тех (ойратских князьях — *В.С.*), которые быстро проявили доблесть, не были упущены из виду при составлении секретных инструкций императора главнокомандующему (dotoγadu bodolγa) и вошли в завершенном виде в "Описание военных действий армии по умиротворению джунгар" (ǰegün γar-i töbšidgen toγtaγaγsan bodolγa-yin bičig)" /198, гл.94, л. 15–15об./.

4. "Чжуньгээр цюаньбу цзилюе" ("Краткая записка обо всех джунгарских племенах"), написанная императором Цяньлуном в 1763 г. (см. /225, с.67/). Это сочинение представляет собой историческую справку о населении Джунгарии, которая была составлена на основании генеалогических списков ойратских князей, собранных по повелению императора сразу же после разгрома Джунгарского ханства. Это исключительно ценный источник по истории ойратов, чем и объясняется, по-видимому, тот факт, что его текст без изменений помещался во вводных главах официальных цинских описаний "Западного края" (т.е. Синьцзяна). Французский перевод с китайского текста "Краткой записки обо всех джунгарских племенах" сделал П.Пелльо /225, с.8–14/. Он указывает, что текст "Чжуньгээр цюаньбу цзилюе" воспроизводится в первой главе вводной части "Циньдин хуан юй сиюй тучжи" ("Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами"), чаще называемое "Сиюй тучжи", и в конце вводной главы "Циньдин Синьцзян шилюе" ("Описание Синьцзяна, составленное по высочайшему предписанию") /225, с.67/. Подробное описание указанных китайских сочинений дает Л.И.Думан /49, с.34–38, 42–46/.

Данные "Чжуньгээр цюаньбу цзилюе" были использованы при написании "Илэтхэл шастир", а в одном месте есть прямая ссылка на этот источник: "В написанной самим императором „Записке обо всех джунгарских племенах" (ǰegün γar-un bükü ayimaγ-i temdeglegsen bičig) подробно описаны его (последнего правителя Джунгарского ханства Даваци. — *В.С.*) сородичи, потомки и прочие подробности (töröl üre kereg ǰüyil-i)" /198, гл.94, л.15об./.

5. "Июйлу" ("Записки о чужеземных странах"), написанные китайским послом Тулишэнем, побывавшим с дипломатической миссией у калмыцкого хана Аюки на Волге в 1712–1714 гг.[5]. Тулишэнь, маньчжур по национальности, прежде занимал должность докладчика в отделе Пяоцянь (монг. deslen ungšiγgči tüšimel, кит. шиду). Он писал "Записки о чужеземных странах" на маньчжурском языке во

время долгого путешествия в ставку калмыцкого хана через Монголию и Россию и на обратном пути. Сразу же по возвращении в Пекин Тулишэнь представил "Записки" императору вместе с петицией. В 1723 г. они были изданы на маньчжурском языке и одновременно с этим изданием вышел в свет осуществленный самим Тулишэнем перевод "Записок о чужеземных странах" на китайский язык под названием "Июйлу". Н.В.Кюнер упоминает и о существовании монгольского перевода данного источника /86, с.279/, но это утверждение не получило подтверждения: монгольский вариант "Июйлу" пока еще не обнаружен. Существуют два русских перевода "Записок", последнее по времени издание вышло в свет в 1978 г.: исправленный и тщательно сверенный с маньчжурским оригиналом русский перевод "Июйлу", выполненный в XVIII в. И.Рассохиным, напечатан в качестве приложения в сборнике "Русско-китайские отношения в XVIII в." /135, с.437—554/.

В гл.101 "Илэтхэл шастир" содержатся краткие сведения о поездке Тулишэня к торгоутам на Волгу. Несомненно, что составители "Илэтхэл шастир" использовали труд Тулишэня при описании этого путешествия. Более того, в "Илэтхэл шастир" имеется прямое указание на сочинение Тулишэня, где "Июйлу" по-монгольски называется "Γadaγadu ayimaγ-un temdeglel" ("Записки о внешнем аймаке")[6]. Возможно, что Н.В.Кюнер имел в виду именно монгольскую версию "Июйлу".

Третий, довольно специфический и необычный для китайской официальной историографии вид источников — это подробные родословные и генеалогические списки, которые издавна велись в монгольских и ойратских княжеских домах. В этих своеобразных семейных хрониках (ger-ün teüke, töröl-ün teüke) общеисторические факты чаще всего опускались, а вся информация ограничивалась сухим перечнем звеньев родословной и имен князей. А.М.Позднеев пишет, что при посредстве этих генеалогических списков, ведение которых было официально возложено на представителей сеймов и хошунные канцелярии, решались всякого рода местнические споры между халхаскими князьями после включения Халхи в состав Цинской империи /125, с.XXXII/. По этим спискам всегда можно было "проследить как родственные отношения целых хошунов, так и связь отдельных князей между собой" /125, с.XXXII/. Подобные родословные имелись и у ойратов. Известно, что после разгрома джунгаров в 1755—1758 гг. император Цяньлун приказал

собрать их генеалогические списки (цзя-пу) /225, с.67, примеч.73/. Косвенные указания о том, что сведения о родословных собирались также у других ойратских князей, встречаются и в "Илэтхэл шастир": "Шесть поколений спустя после Хо-Орлэга следует Убаши, который вместе с сыном праправнука (γučinčar) Эджинэя-тайши Шэрэном пришел с Волги, чтобы принять подданство Китая. Говорят, что их предки до Хо-Орлэга на протяжении всех двух поколений имели по одному сыну. Именно потому, что их земли и поколения сильно удалены, никто из них не в состоянии сам знать свою родословную" /198, гл.101, л. 3—3об./.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что и "Илэтхэл шастир" написана на основе обобщения значительного количества разнообразных по содержанию и происхождению исторических источников. Составители "Илэтхэл шастир" не ограничивались одними лишь китайскими источниками, а постарались существенно пополнить собранные ими материалы по рассматриваемым вопросам за счет монгольских и ойратских источников. Это обстоятельство имеет большое значение и во многом повышает ценность "Илэтхэл шастир".

Кратко подытожим все сказанное выше.

Итак, "Илэтхэл шастир" — это сборник родословных и биографий монгольских, ойратских и туркестанских князей. Ойратским князьям в нем посвящено около 1/3 текста, и он может с полным основанием рассматриваться как один из важных исторических источников по истории ойратов и монголов. То обстоятельство, что это сочинение в значительной своей части написано на основе других известных работ, позволяет нам отнести "Илэтхэл шастир" к разряду компилятивных трудов, что, впрочем, отнюдь не умаляет ее значения как исторического источника.

Метод компиляции, распространенный в традиционной китайской историографии, выполнялся простейшим способом: рассечением написанных ранее исторических сочинений и расположением входящих в их состав фрагментов в хронологической последовательности. "По мнению китайцев, — отмечает Ч.Гарднер, — историческое сообщение не следует записывать, если оно недостоверно; а если оно соответствует действительности, то следует тщательно избегать каких бы то ни было отклонений от его оригинальной фразеологии — за исключением тех случаев, когда неудовлетворительна литературная форма. Таким образом, получается, что в большинстве простых исторических компиляций старой шко-

лы находятся вкрапления точных копий из самых ранних сообщений о событиях, о которых идет речь" /213, с.70–71/. Метод фиксации исторических событий, которым пользовались китайские историки, существенно не менялся на протяжении многих столетий, а тот факт, что позднейшие исторические компиляции буквально переполнены записями, современными описываемым в них событиям, позволяет Ч.Гарднеру утверждать, что "о китайской истории можно почти сказать, что она состоит исключительно из первоисточников" /213, с.105/.

Для характеристики "Илэтхэл шастир" как исторического источника уместно привести мнение известного русского китаиста Д.М.Позднеева, высказанное о ее китайской версии: "Успешная разработка исторических вопросов по китайским источникам обусловливается в значительной степени выбором пособий, упрощающих работу. При необъятности количественной китайская литература ставит едва ли не бóльшие затруднения научной разработке своими качественными особенностями. Разбросанные по многим томам и подавляющие своей численностью сырые исторические материалы требуют огромной предварительной затраты полумеханического труда, пока они придут в годный для обработки вид. Своды их по местностям и годам, сопоставление мелких данных, относящихся к одному и тому же факту, анализ текстов, трактующих об одном и том же в различных выражениях, — все это необходимо сделать раньше, чем приступить к строго научной работе, а это утомляет и отнимает время и силы. Между тем в китайской литературе имеются сочинения, представляющие собою своды летописных или взятых у различных авторов, данных в дословных выписках, написанные частолучшими китайскими учеными с большим знанием дела и литературы; в этих-то произведениях оказывается уже выполненною совершенно или отчасти та полумеханическая работа, которая так трудно дается европейцам. Пример: одним из важнейших первоисточников для истории монголов при настоящей династии в Китае являются „Биографии ванов и гунов вассальных монгольских и туркестанских аймаков", издаваемые особым комитетом в Пекине... Совершенно сырой биографический материал этих послужных списков сведен по хронологическому принципу в сочинении Хуан-чао-фань-бу-яо-лё" /126, с.93–94/.

В свою очередь, и сама "Илэтхэл шастир" может быть отнесена к числу облегчающих исследовательскую работу сводных сочинений, о которых гово-

рит Д.М.Позднеев. В нее вошли в сжатом и обработанном виде обширные документальные материалы по истории монголо-цинских и ойрато-цинских отношений в XVII—XVIII вв., почерпнутые из основных исторических источников цинского периода. Хотя эти материалы даны в своеобразном преломлении, через биографии князей, "Илэтхэл шастир" следует наряду с другими официальными историческими трудами, составленными в Цинской империи, рассматривать как один из главных китайских источников об ойратах в переломный момент их истории, когда они стали жертвами агрессии и утратили свою независимость. Несмотря на небольшой объем и сжатый характер изложения, "Илэтхэл шастир" позволяет познакомиться с разнообразным и богатейшим фактическим материалом, взятым из многих первоисточников.

Ведение генеалогических записей у монгольских народов имеет давнюю традицию. Одной из примечательных особенностей монгольской и калмыцкой историографии в прошлом было обилие сведений о генеалогии владетельных князей в общей канве исторического повествования и очевидное значение, которое им там придается. "Именно генеалогия, — как справедливо отмечает Вероника Вейт, — рассматривает человека в его биологической связи и в сложном переплетении его родственных отношений; она подразумевает *знание решающих в политическом отношении брачных союзов между правителями*" (курсив наш. — *В.С.*) /233, с.362/.

"Илэтхэл шастир" получила широкое распространение в Монголии и оказала определенное влияние на историческое самосознание монголов. Она послужила толчком для формирования нового направления в монгольской историографии в XIX в. — создания частных семейных родословных и генеалогических списков, в которых в противовес официально утвержденным родословным "Илэтхэл шастир" выражалась особая, местная точка зрения на происхождение отдельных княжеских родов. Обширный список таких кратких родословных, которые называются ger-ün teüke, üye-yin bičig и uγ eki/-yin bičig/, приводит в своей работе В.Хайссиг /217, т.II, с.XIII—XV/. Все они, по-видимому, восходят к более ранним образцам, и в них частично сохранились местные традиции и легенды. Возможно, в появлении местных родословных и генеалогических списков нашла отражение реакция части монгольских князей, недовольных тем, что при составлении официальных родословных для авторов "Илэтхэл шастир" имело значение не степень знатности происхождения,

а исключительно заслуги князей перед Цинской династией. В духовном наследии тогдашнего монгольского общества ведение родословных рассматривалось как одна из форм своей собственной политической традиции, способствующей поддержанию национального самосознания.

Для полной характеристики "Илэтхэл шастир" остается добавить, что правильная оценка данного памятника, понимание его характера, специфики и назначения имеют решающее значение при создании правдивой картины взаимоотношений Цинской империи с монгольскими и ойратскими феодальными ханствами в XVII–XVIII вв.

Глава 2

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОЙРАТОВ XV–XVIII вв. ПО ДАННЫМ "ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР"

Многие проблемы этнической истории ойратов остаются до сих пор нерешенными. К ним относятся вопросы о времени появления на исторической арене таких этнических подразделений в составе ойратов, как торгоуты, хошоуты, дэрбэты, джунгары и хойты, о том, что они из себя представляли — отдельные племена, совокупностью которых и являлся ойратский народ, союз четырех ойратских племен, или же это были раннефеодальные государственные образования, фамильные феодальные владения отдельных групп кочевых феодалов, т.е., по выражению Б.Я.Владимирцова, "кочевые феоды, кочевые сеньерии, основные феодально-домэниальные единицы" /36, с.140/. Монгольские и собственно ойратские (к которым можно отнести позднейшие калмыцкие историко-литературные памятники) источники содержат отрывочные и противоречивые сведения об этническом составе, да и круг таких источников довольно ограничен. Поэтому расширение источниковедческой базы при исследовании многих вопросов этнической истории ойратов представляется нам задачей чрезвычайно важной, и в связи с этим сведения "Илэтхэл шастир" об этническом составе ойратов XVII–XVIII вв. могут представлять определенный интерес и заслуживают ввода их в научный оборот.

Сведения об этническом составе ойратов не даны в "Илэтхэл шастир" в концентрированном виде в одном месте, поэтому в интересах дела их необходимо выделить и свести воедино, а потом синтезировать. Для удобства пользования этими данными расположим их по ойратским аймакам, так называются в источнике главные этнические подразделения ойратов. Попытаемся проанализировать полученные таким образом данные и выяснить, что же нового по сравнению с другими источниками содержится в "Илэтхэл шастир" об этническом составе ойратов XIV–XVIII вв.

В качестве общевидового термина для обозначения ойратов употребляются наименования "элет"

(ögeled) и "дэрбэн-ойрат" (dörben oyirad) в отличие от родовых обозначений, таких, как "джунгар" (ǰegün γar), "дэрбэт" (dörbed),"хошоут" (qošud), "хойт" (qoyid), "торгоут" (torγud), прилагавшихся к отдельным этническим компонентам в составе ойратов.

В исторической литературе часто встречается термин "дэрбэн-ойрат" ("дурбэн-ойрат"). Вопросы о происхождении термина "ойрат", его связь с понятием "дэрбэн-ойрат" и, в свою очередь, толкование последнего термина в значении "ойратского союза", т.е. "союза четырех ойратов" (калм. и монг. dörbön — "четыре"), который якобы возник после падения монгольской династии Юань в Китае и острием своим был направлен против восточных монголов, обсуждаются в исторической литературе около двух веков. Обстоятельная сводка материалов по этому вопросу содержится в работе И.Я.Златкина "История Джунгарского ханства" /54, с.30–38/.

С.А.Козин относил возникновение ойратского союза ко времени образования империи Чингисхана и полагал, что "четыреединый ойратский каганат (Dörben xari ulus) при Юаньской династии мыслился в составе государства чингисханидов, а в послеюаньский период — параллельно с этим последним" /67, с.4–5/. В отечественной литературе многими признана убедительной точка зрения, прямо противоположная вышеприведенной. Ее придерживался крупнейший советский монголовед академик Б.Я.Владимирцов. Основываясь на показаниях монгольских источников, он указал, что так называемый "ойратский союз", о котором много писали европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал, во всяком случае, монгольские и ойратские источники ни разу о нем не упоминают. "По-видимому, представление об ойратском союзе, — пишет Б.Я.Владимирцов, — появилось под влиянием не совсем правильного понимания слова oyirad как „близкие", значит и „союзники" /36, с.156–157, примеч.8/. Термин же dörben oyirad (букв. "четыре ойрата"), которым обозначали западных монголов в отличие от восточных монголов, Б.Я.Владимирцов, ссылаясь на свидетельство Рашид ад-Дина, объяснял тем, что при Чингисхане ойраты составляли четыре тумэна в монгольском войске. В дальнейшем общее количество тумэнов изменилось, но сохранилось в этнониме. Старые числовые названия тумэнов, такие, как "двенадцать туметов, восемь чахаров, сорок монголов" (arban qoyar Tümed,

nayiman Čagar, döčin Mongγol), оказались живучими, хотя уже не соответствовали своему первоначальному содержанию. Так, общеизвестно, что в монгольских источниках вплоть до XVIII в. монголов продолжают называть döčin Mongγol ("сорок монголов", имеются в виду сорок тумэнов), хотя сорока монгольских тумэнов уже давно не существовало. "То же самое произошло и с названием Dörben Oyirad, — указывает Б.Я.Владимирцов, — с той только разницей, что с течением времени ойратов стало гораздо больше, чем в век Чингиса и Юаньской династии. И вот некоторые восточные авторы (новые) стараются произвести разные комбинации, чтобы непременно получить цифру четыре, а европейские писатели обсуждают вопрос о том, кто же, собственно, входил в "союз четырех". В действительности же ойраты так же, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (ulus), туманов (т.е. тумэнов. — *В.С.*) и отоков, образовывавших феодальные сеньерии. Вначале это феодальное кочевое объединение, по-видимому, имело одного сюзерена (тайши); но впоследствии единого главы у ойратов не было, как не было в XVII в. и у восточных монголов" /36, с.157, примеч./.

Возражая своим оппонентам, Б.Я.Владимирцов пишет, что все ошибочные мнения о существовании "ойратского союза" пошли с известной книги Н.Я.Бичурина "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени" /26/, "кишащей, — по мнению Б.Я.Владимирцова, — неточными и ошибочными указаниями" /36, с.157, примеч./.

В "Илэтхэл шастир" термин "ойрат" встречается крайне редко и главным образом в сочетании "dörben oyirad" ("четыре ойрата"), "dörben oyirad-un nigen" ("один из четырех ойратов"). Например: "В начале элеты (ögeled) разделялись на четыре племени (ayimaγ): хошоуты из рода Борджигид (borǰigid oboγtai), джунгары и дэрбэты из рода Чорос (čoros oboγtai) и торгоуты, название рода которых не выписали. Каждое из этих племен управлялось собственным правителем, и /поэтому/ они назывались „четыре ойрата"(dörben oyirad). Тех, кто теперь именуется элетами, во времена династии Мин называли „арутай" (arutai). Хойты же были очень слабы (maši baγurai) и издавна были подданными (gariyatu) дэрбэтов. Затем, поскольку торгоуты откочевали в сторону русских (oros-un ǰaqa-dur), хойты стали одним из „четырех ойратов"" /198, гл.81, л. 3об.—4/.

Или: "У элетов было первоначально учреждено „четыре ойрата". Дэрбэты были одним из них, а хойты были подданными (qasiyatu), а потом их постепенно повысили в "ойраты" (qoyina ǯergeber oyirad kemen örgübei)" /198, гл.95, л. 1об./; "Торгоуты издавна были одним из „четырех ойратов". Правители ойратов (oyirad-un daruγa-nar) хоть и сделали Илийскую землю местом сбора всех соплеменников (bükü töröl-ün quraqu γaǰar), но каждый из них управляет своим собственным племенем, и они не зависят друг от друга (qarilčan qamiyargu ügei)" /198, гл.101, л. 3об.—4/; "Хошоуты издавна были одними из „четырех ойратов"" /198, гл. 106, л. 1/.

Таким образом, можно видеть, что китайские авторы также поддались магии цифр и воспринимали традиционный термин, прилагавшийся к ойратам, как "четыре ойрата", включив туда джунгаров, дэрбэтов, хошоутов и торгоутов, а позднее, после откочевки торгоутов на Волгу, — хойтов. Это обстоятельство было подмечено еще В.Успенским, который писал: "Всего же более поражает нас в китайских сведениях об ойратах этнографическое деление их на роды или отделы и усилие заставить ойратов быть в количестве *четырех* (Сы О-лу-тэ), отзывающиеся несомненным и полнейшим отсутствием критики и видимым давлением административных и богдоханских распоряжений" /158, с.75/. Однако в "Илэтхэл шастир" не дается разъяснений по поводу того, кто такие "четыре ойрата".

Сам В.Успенский полагал, что термин "дурбэн-ойрат" своим появлением обязан союзу ойратов с другим древнемонгольским племенем — дурбэн (dörbön), о котором есть упоминания у Рашид ад-Дина и в "Тайной истории монголов", в результате чего "образуется одна община под именем Дурбэн-Ойрат" /158, с.75/. Он считал, что следует "оставить слово Дурбэн непереводимым, как термин *этнографический*, а не *количественный*" /158, с.75/. Этого же мнения придерживается и Г.Е.Грумм-Гржимайло. В своей капитальной работе по истории Западной Монголии он указывал, что выражение "дурбэн-ойрат" "означало союз с дурбэнами (дорбётами) под главенством дурбэнского князя, хотя, вероятно, главную массу этого политического организма и составляли ойраты" /42, с.565/. Точка зрения указанных авторов кажется чисто умозрительной, поскольку в монгольских источниках нет даже намека на существование подобного союза между дурбэнами и ойратами. Кроме того, авторам указанной гипотезы

о происхождении этнонима "дурбэн-ойрат" не удалось убедительно доказать существование какой-либо генетической связи между древними дурбэнами и позднейшими дэрбэтами. К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся, когда будем говорить о происхождении дэрбэтов.

Нам представляется справедливым мнение Б.Я.Владимирцова о происхождении термина "дурбэн-ойрат". Оно подтверждается наличием в монгольских исторических хрониках XVII в. традиционного названия монголов и ойратов — "dǒčin dörben qoyar" или просто "dǒčin dörben" /177, с.66 (текст), 145 (рус. перевод)/, т.е. "сорок и четыре" (см. также /67, с.4/). Это название стало употребительным с того времени, когда 40 монгольских и 4 ойратских тумэна входили в состав войска Чингисхана, хотя в дальнейшем число монгольских тумэнов уменьшилось, а ойратских возросло.

В тексте "Илэтхэл шастир" термин "дурбэн-ойрат" употребляется редко и в довольно специфическом значении. Главным общевидовым наименованием ойратов в источнике является этноним "элёт" (ögeled). Это можно проиллюстрировать следующими примерами.

"Издавна хошоуты были правителями (daruγa) кукунорских элётов (köke naγur-un ögeled) (т.е. ойратов, в Кукуноре помимо хошоутов жили торгоуты, хойты и дэрбэты. — *В.С.*) и все хойтские тайджии были их подданными" /198, гл.86, л. 21об./; "Джунгары — это северные элёты, происхождение свое ведут от Эсмэт-Дархан-нойона" /198, гл.77, л. 1—1об./; "Первоначально Батур-хунтайджи кочевал на Алтае. После того как Галдан стал его преемником и правителем элётов (ögeled-ün daruγa), он подчинил себе всех тайджиев и заставил их платить дань" /198, гл.77, л. 3—3об./; "В это время взбунтовался Амурсана, и Сэбдэн (дэрбэтский князь из рода Чорос. — *В.С.*) просил позволения у императора отправиться с войском на подавление мятежа, но император не разрешил, сказав, что он и так недавно возвратился из района военных действий, и отослал Сэбдэна обратно в его кочевья.

Вскоре после этого император вспомнил, что Сэбдэн был подчиненным Амурсаны и хорошо знает нравы элётов, и послал его вместе с предпринимающими меры предосторожности сановниками в Улясутае планировать военные операции" /198, гл.97, л. 14об.—15/.

Интересно отметить, что в единичных случаях термин "элёт" выступает в "Илэтхэл шастир" как синоним термина "ойрат" в том значении, в каком

он употребляется в тексте нашего источника, т.е. как один из компонентов термина "дурбэн-ойрат" (dörben oyirad). Это видно из следующего текста: "Аймак Алашаньских элётов находится от столицы на расстоянии 5 тысяч газаров. Они ведут свое происхождение от младшего брата императора — родоначальника Юаньской династии (т.е. Чингисхана.— *В.С.*) — Хабуту Хасара. Они одного рода с хошоутами. Хошоуты издавна были одним из „четырех элётов", и поэтому их называли элётским аймаком (т.е. ойратским. — *В.С.*)" /198, гл.79, л. 1—2об./.

Поскольку термины "ойрат" и "элёт" в отдельных случаях синонимичны и могут взаимно заменять друг друга, вполне можно согласиться с предположением В.Успенского, что "*Элют* есть искажение имени *Ойрат*" /158, с.78/. Подобного же мнения придерживается и Э.Бретшнейдер, который указывает, что "китайские авторы нынешней (т.е. Цинской. — *В.С.*) династии пишут название ойратов — *Вэй-ла-тэ* или *О-лу-тэ*, откуда произошло и написание Элют (Eleuth), впервые перенятое отцом Гобилем" /207, с.168/, католическим миссионером. С легкой руки Гобиля и других миссионеров, действовавших в Китае в XVII—XVIII вв., это слово, заимствованное из китайских источников, стало употребляться в европейской востоковедной литературе не только для обозначения ойратов Джунгарии, но и применительно к приволжским калмыкам.

Вопрос осложняется еще и тем обстоятельством, что в составе ойратов, по-видимому, существовало этническое подразделение "элёт" (ögeled в монгольских средневековых летописях, в современной монгольской орфографии). В том, что "элёт" не есть в данном случае искажение слова "ойрат", убеждает нас существование небольшой этнической группы "элётов" среди западных монголов в Монгольской Народной Республике и то обстоятельство, что "элёты" упоминаются наряду с ойратами в некоторых монгольских хрониках XVII в. ("Эрдэнийн Тобчи" Саган-Сэцэна, "Шара Туджи" и др.).

О трудностях, существующих при определении рассматриваемых терминов, писал П.Паллас. Он утверждал, что "элёты (Oelŏt) являются, собственно говоря, тою ветвью, которая в западной Азии и в Европе известна под названием *калмыки*" /224, с.6/. По его свидетельству, в глубокой древности, еще задолго до Чингисхана, "согласно древним сказаниям этого народа", самая большая и могущественная часть "элётов" якобы отправилась в поход на Запад и там в районе Кавказа "потерялась". Нынешние же "калмыки — это остатки „элё-

тов", которые остались кочевать в Великой Татарии, получили от своих татарских соседей название халимак (Chalimak) (отпавший, или оставшийся сзади), от которого они сейчас также не отказываются и охотно называют себя калмыками, хотя „элёт" (Oelöt) все еще остается их собственным названием, под которым они наводили страх на китайцев и монголов" /224, с.6/. Само слово "элёт" согласно его значению в монгольском языке, по мнению П.Палласа, означает "отдельный, сделавшийся несогласным или обособившийся народ (ein abgesondertes, uneins gewordnes, oder getrenntes Volk)" /224, с.7/.

Таким образом, элёты, по определению П.Палласа, не кто иной, как ойраты, и поэтому вполне можно присоединиться к мнению Г.Е.Грумм-Гржимайло, что "китайцы, обманутые звуковым сходством имен и, быть может, близким родством, перенесли на них (элётов. — *В.С.*) деяния ойратов, мы встречаемся с их именем на страницах китайских анналов" /42, с.567/.

Этноним "элёт" (ögeled) появляется в монгольских источниках лишь с XVII в. Он не встречается ни в "Тайной истории монголов", ни в труде Рашид ад-Дина, хотя последний и говорит, что ойраты делились на несколько ответвлений, одним из которых и могли быть элёты. К сожалению, сведения об элётах в монгольских источниках крайне скудны и противоречивы. Так, в "Шара Туджи" содержится утверждение о том, что "так называемые Дурбэн-ойрат — Харият, один из них Огулэт (т.е. элёт. — *В.С.*), ставший теперь народом под именем Сархис. Один из них хошут, торгут, джунгар и дэрбэт, четверо, соединившихся в одно. Один из них Барагу, Багатут, Хойт — вот четыре тумэна ойратов" /177, с.159/. Если обратиться к монгольскому тексту "Шара Туджи", то можно заметить, что перевод Н.П.Шастиной не совсем точен: во-первых, оставлено без перевода слово "qariyad", во-вторых, сложный этноним "baraγu-baγatud" расчленен, так что получилось два этнонима — "Барагу" и "Багатут" /177, с.99 (монг. текст)/. Наш вариант перевода таков: "Так называемые дурбэн-ойраты являются подчиненным, зависимым /народом/". Перевод последней строки: "Один из них Барагу-багатут и Хойт — вот четыре тумэна ойратов". Эти сведения "Шара Туджи" не расходятся с данными другого монгольского источника XVII в. — "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана. Повествуя об одном эпизоде монголо-ойратских войн начала XV в., Лубсан Данзан сообщает,

что к предводителю ойратов Тогон-тайши прибыли "ойраты", ӧгэлэты (т.е. элёты. — *В.С.*), багатуты и хойты — все четыре тумэна" /92, с.261/.

Отсюда явствует, что элёты были одной из этнических групп в составе дурбэн-ойратов до XVI в. Однако и "Шара Туджи", и "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана ничего не сообщают о происхождении элётов, хотя сведения об этом есть в других монгольских источниках. Так, Саган-Сэцэн в "Эрдэнийн тобчи" говорит о том, что четыре ойратских племени ӧгэлэд (т.е. элёт. — *В.С.*), багатуд, хойт и кэргуд (ögeled, baγatud, qoyid, kergüd) ведут свое происхождение от Дува Сохора, потомка легендарных прародителей всех монголов Бортэ-чино и Гоа-марал. У него было четыре сына — Доной, Докшин, Эмнэг и Эркэ, ставшие родоначальниками четырех ойратских племен /229, с.56, 58 (монг. текст), 57 (нем. перевод)/. Об этом же говорится в "Алтан Тобчи" Мэргэн Гэгэна, хотя сыновья Дува Сохора и не называются прямо родоначальниками ойратов: "Сыновьями Дова Сохора были Донай, Догшин, Эмнэг и Эрхэг. Потомки этих четырех есть среди Дорбэн ойратов" (цит. по /14, с.137/). В "Тайной истории монголов" (§ 11) также упоминается Дува Сохор, но об ойратах там ничего не говорится: "После кончины Дува-сохора четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемение Дорбен-ирген" (цит. по /69, с.80/).

В середине 60-х годов XX в. американский исследователь Генри Сэррайс в рецензии на книгу И.Я.Златкина "История Джунгарского ханства" высказал предположение о том, что существовали "два племенных подразделения (subtribes) ойратов, которые некоторое время спустя дали название целой группе ойратов, — это элёты (the Ögeled и джунгары (the Jungγar)" /232, с.225/. Само же слово Ögeled (Eleuth) и т.д.), по его мнению, "является в действительности формой множественного числа имени, которое носила мать Чингисхана: Hö'elün /Högelün/ Ögelün" /232, с.225/. Нам эта точка зрения кажется сомнительной, тем более что автор не указывает, на каких источниках она основывается.

Если верить Саган-Сэцэну и другим монгольским источникам, то видно, что даже в начале XVII в. ойратские племена, в том числе и элёты, считались очень древними. Однако к этому времени из

упоминавшихся выше элётов, богатутов и хойтов сохранились в качестве более или менее консолидированной этнической группы, да и то попавшей в зависимость к дэрбэтам, лишь одни хойты. Все остальные древние ойратские роды и племена оказались поглощенными и растворившимися в составе пришедшей им на смену ойратской народности. Поэтому в монгольских источниках сохранились лишь глухие упоминания об элётах, а "Илэтхэл шастир" и другие источники более позднего периода вообще о них ничего не говорят.

А теперь перейдем к рассмотрению племен (ayimaγ), которые входили в состав дурбэн-ойратов, имея в виду, что термин "племена" чисто условный.

ДЖУНГАРЫ (ǰegün γar)

Сведения о джунгарах в "Илэтхэл шастир" разбросаны по разным тетрадям. Поэтому здесь они приводятся не в том порядке, в каком даны в тексте памятника, а в логической последовательности.

"Джунгары — это северные элёты, происхождение свое ведут от Эсмэт-Дархан-нойона (ǰegün γar kemegči qoyitu ögeled mön buyu, tegün-ü üreǰil Esmet Darqan noyan-ača γarγa-ǰuqui" /198, гл.76, л. 1—1об./.

Эти же сведения повторяются и в других местах: "Их родоначальника звали Буйхан (buiqan). Спустя шесть поколений после него следует Эсен, у которого было два сына: старший — Боро Нахал (boru naqal), от него пошли дэрбэты. В настоящее время (80-е годы XVIII в. — *В.С.*) из 16 хошунов, обитающих в Улангоме, за исключением 2 хошунов хойтов, остальные все являются его потомками. От второго сына — Эсмэт-Дархан-нойона пошли джунгары" /198, гл.81, л. 10—10об./.

"Спустя шесть поколений после него родился человек по имени Хотагайту Харахул (qotaγayitu qaraqul), по прозвищу (čola) Догшин-нойон. У него было 3 сына: 1) Батур-хунтайджи, 2) Мэргэн Дайчинг, 3) Чукур Убаши" /198, гл.77, л. 1об.—2/. "Спустя семь поколений после него (т.е. Эсмэт-Дархан-нойона. — *В.С.*) следует Хотогочин (gotoγočin), у которого был титул Батур-хунтайджи. Он обитал на Алтае. У него было 11 сыновей: 1) Сэцэн, который был убит своим младшим братом Галданом; 2) Джодба-батур (ǰodba-batur), который откочевал в Кукунор...; 3) Бандари...; 4) Зоригту-Хошуучи...; 5) Онцон (ončoon)...; 6) Сэнггэ,

сын которого Цэван Рабдан имел титул хунтайджи. Спустя два поколения после него власть была узурпирована его родственником и род его пресекся; 7) Галдан во время своего похода на Халху был разбит императорской армией и умер во время бегства; 8) Бум (büm), который имел титул Эрдэни-тайджи. Его правнуком является Даваци. Императорская армия усмирила его племя, он был захвачен в плен и доставлен в столицу. Затем он был освобожден, ему было пожаловано достоинство цинь-вана, и он больше не числился в разряде монгольских племен; 9) Дорджиджаб, он был убит халхаским Тушэту-ханом Чахундорджи; 10) Пунгсугдаши...; 11) Дарма" /198, гл.81, л. 11–13/.

"Джунгары издавна обитали на Алтае. После смерти Батур-хунтайджи ему наследовал его сын Сэнггэ, который стал правителем джунгаров. Джодба-батур и его старший брат Сэцэн поссорились с ним из-за подданных и имущества, напали на Сэнггэ, и убили его. Они оба были старшими братьями Сэнггэ, но рожденными от другой матери. Галдан же был единоутробным младшим братом Сэнггэ. Он находился в Тибете и стал ламой. Он был отпущен Далай-ламой и стал править джунгарами. После того как Галдан схватил и убил Сэцэна, Джодба-батур бежал с Алтая в Кукунор" /198, гл.83, л. 1об.–2/.

В Кукунор, "спасаясь от Галдановой смуты", бежали вместе со своими подданными и другие братья Галдана, например Зоригту Хошуучи – четвертый сын Батур-хунтайджи /198, гл.86, л. 8–8об./.

"Джунгары из поколения в поколение роднились с хошоутами, заключая браки. Брат Цаган-Данджина (правителя хошоутов в Кукуноре, правнука Гуши-хана. – *В.С.*) Гэндэр был женат на дочери Галдана... После усмирения Галдановой смуты тем джунгарам, которые не участвовали в мятеже, император позволил кочевать в Кукуноре, жить там вместе с хошоутами, роднясь с ними и поддерживая дружеские отношения" /198, гл.86, л. 8об.–9об./.

Эти данные буквально слово в слово приводит и "Мэнгу ю му цзи": "Чжунгары исстари кочевали на Алтае. По смерти Батур-хунтайцзи, отца Галданова, ему наследовал в качестве главы Чжунгар сын его Сэнгэ. Братья его от другой матери, Цэцэн и Чжотба-батур, вследствие спора из-за подданных и из-за имущества стали во враждебные к нему отношения, ограбили и убили его. Галдан, будучи единоутробным братом Сэнгэ, по возвращении от Тангутов схватил и убил Цэцэна, а Чжотба-батур убежал в Кукунор" /111, с.131/.

В примечаниях к основному тексту сказано: "Чжунгары и Хошоты из поколения в поколение брачились между собою. ...По усмирении восстания Галдана Чжунгарам, не приставшим к мятежникам, повелено было по-прежнему кочевать на Кукэ-норе, роднить- ся и вести дружбу с Хошотами" /111, с.436, примеч.528/.

Если проанализировать вышеприведенные отрывки из "Мэнгу ю му цзи", то нетрудно заметить, что они даже текстуально близки к "Илэтхэл шастир". По всей видимости, авторы "Мэнгу ю му цзи" либо использовали "Илэтхэл шастир" при написании своего труда и заимствовали оттуда целые страницы, либо существует единый первоисточник этих двух источников.

Все джунгарские князья, биографии которых даны в "Илэтхэл шастир", в большинстве своем потомки Батур-хунтайджи и принадлежат к роду Чорос. К этому же аристократическому роду принадлежат и дэрбэтские князья. В резюме биографий князей Дэрбэтского аймака говорится, что "элёты племени дэрбэтов суть потомки чоросов (dörbed ayimaγ-un ögeled kemegči čoros-un ür-e mön buyu)" /198, гл.95, л. 1/. Кто же такие чоросы? В оглавлении к родословным чоросов есть следующее примечание: "Чоросы — это одно главенствующее племя среди „дурбэн-ойратов". В 20-м году правления Тэнгрийин тэтхугсэн (т.е. в 1755 г. — *В.С.*) умиротворили джунгаров и захватили в плен начальствующего тайджи — чороса Даваци с людьми. По возвращении /в столицу/ ему было пожаловано достоинство вана, и он был поселен в столице" /198, Оглавление, л. 4об./.

Если обратиться к монгольским и калмыцким источникам, то можно видеть, что Чорос — это аристократический род у ойратов, из которого происходили ойратские правители, начиная от известного Тогона-тайши и его сына Эсена до Хара-Хулы, Батур-хунтайджи и преемников последнего. "Илэтхэл шастир" сообщает, что джунгарские и дэрбэтские князья связаны общностью происхождения и возводят свою генеалогию к упомянутому Эсену. Дэрбэтские князья являются потомками его старшего сына Боро Нахала, а джунгарские князья — потомками младшего сына Эсмэт-Дархан-нойона. Указанное разделение имело место в середине XV в. С этого времени и берут свое начало этнополитические объединения дэрбэтов и джунгаров, фактически же это были уже раннефеодальные государственные образования, которые проявили себя как некий своеобразный этнообразующий фактор. В связи с этим нельзя

не сказать о происхождении этнонима "джунгар", а этноним "дэрбэт" мы рассмотрим, когда будем говорить о дэрбэтах.

С древнейших времен до XIV–XVI вв. в различных государственных образованиях монгольских народов существовала военная организация традиционного типа, т.е. деление войска на традиционные левое и правое крылья и центр (см. /151, с.220–230/). "Поскольку монгольские народы „глядят на юг" (ойраты – на юго-восток), то левое крыло соответственно было всегда восточным (зюн гар), а правое крыло (барун гар) – западным" /151, с.227/. Однако ойраты, будучи первоначально одним из подразделений общемонгольского войска и составляя его правое крыло (барун гар), также имели свою отдельную войсковую триадную организацию – левое (зюн гар) и правое (барун гар) крылья и центр. Те ойраты, которые составляли левое крыло, и стали позднейшими джунгарами, или зюнгарами.

Остается выяснить, какой же этнический компонент западных монголов вошел в состав дэрбэтов и джунгаров. В составе дурбэн-ойратов, о которых сообщает "Илэтхэл шастир", мы не видим собственно ойратов, а между тем, если верить Рашид ад-Дину, это племя было некогда весьма многочисленным. В послеюаньский период всякое упоминание об отдельном племени ойратов исчезает, а этноним "ойрат", или "дурбэн-ойрат", становится собирательным наименованием всех этнических групп (дэрбэтов, торгоутов, хошоутов, хойтов и т.п.), вошедших в состав ойратской народности. Но древние ойраты не могли исчезнуть бесследно. Г.Е.Грумм-Гржимайло приводил слова Рашид ад-Дина о татарах: "Многие роды поставляли величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним, и стали известны под их именем подобно тому, как найманы, джалаиры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждое свое определенное имя, именовали себя монголами из желания перенести на себя славу последних, потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было" /42, с.565/. Эти же слова можно сказать и об ойратах.

Ойраты перестают упоминаться как отдельное племя в XV в., и именно в это время появляются такие этнические группировки ойратской народности, как дэрбэты и джунгары. Они-то и есть потомки древних ойратов. С гибелью Эсена-тайши его владения были поделены между его двумя сыновьями Боро Нахалом и Эсмэт-Дархан-нойоном. Об этом сообщает

"Илэтхэл шастир". Причем те ойраты, которые отошли к Боро Нахалу, стали называться дэрбэтами, подданные Эсмэт-Дархан-нойона — джунгарами. Таким образом, административно-географическое понятие "джунгар" ("зюнгар") почти полностью вытеснило этноним "ойрат". История монголов знает подобные примеры с названиями "чахар", "халха" и т.д. Поголовным истреблением джунгаров в 1757—1758 гг. после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей и объясняется их исчезновение как отдельного этнического компонента в составе ойратской народности и самой этой народности, в которой джунгары составляли большинство.

ДЭРБЭТЫ (dörbed)

Утверждение калмыцкого нойона Батур-Убаши Тюменя, автора "Сказания о дэрбэн-ойратах", о том, что "нойоны дэрбэтовские имеют одно происхождение с зюнгарскими нойонами" (цит. по /61, с.25/), не расходится и с показаниями "Илэтхэл шастир". Однако он не приводит никаких данных в подтверждение своего мнения, мотивируя его тем, что "подробное сказание о происхождении зюнгарских нойонов Цоросского дома, в 20 коленах, находится в зюнгарских летописях; нынешним же ойратам (приволжским) известен первый зюнгарский нойон Тогон-Тайши" (цит. по /61, с.24/). А теперь обратимся к тому, что говорится о дэрбэтах в "Илэтхэл шастир".

"Элёты племени дэрбэтов суть потомки чоросов (dörbed ayimaγ-un ögeled kemegči coros-un ür-e mön buyu). Хотя название их хошуна одинаково с названием хошуна элётов правого крыла хорчинов, подчиненных внутреннему правлению, они не родственны друг другу (dotoγadu ǰasaγ-tur ǰakirγaγsan qorčin-u baraγun γar-un ögeled-lüge qamtu nigen qošoγu nere amitai bolbaču töröl öbere).

У элётов первоначально было учреждено „Четыре ойрата". Дэрбэты были одним из них, а хойты были их подданными (qariyatu), потом они постепенно были повышены в ойраты (qoyina ǰerge-ber oyirad kemen ergübei)...

Некоторые хошоуты и торгоуты кочуют в Кукуноре, некоторые из них также откочевали в Россию (oros-un γaǰar-tur) и кочуют там. Лишь только джунгары и дэрбэты кочевали вместе на Алтае. Они жили неразлучно. Джунгарский тайджи Галдан злобно преследовал своих братьев и племянников, поэтому сын его старшего брата Цэван Рабдан расстался с

ним и переселился в Боро Тала. К нему присоединились многие дэрбэтские тайджи, и они стали кочевать порознь на Иртыше (erčis-ün γaǰar-tur).

Когда среди джунгаров началась смута, дэрбэты прибыли /во владения Цинской империи/ и приняли подданство, у них было учреждено 14 засаков и 2 засака причисленных к ним хойтов. Они все получили название Дэрбэтского аймака "Саин Заягату" ("Имеющий хорошую судьбу").

Предок дэрбэтов Боро Нахал и предок джунгаров Эсмэт-Дархан-нойон являются братьями (aga degüü bolomui).

Спустя три поколения после Эшигтэй-тайши, сына Боро Нахала, следует Далай-тайши, у которого было семь сыновей: 1) Минджу, его потомки не выявлены; 2) Цойн и 3) Тойн, все их потомки являются подданными чахаров; 4) Омбо Дайчинг Хошуучи, он является предком хошуна засак-хана Царина, циньвана Царин-Убаши и бэйлэ Гангдорджи; 5) Гумбо; 6) Даян-тайши и 7) Таргун-тайши, их потомки являются подданными многих засаков.

Младшего брата Далай-тайши звали Буу Элдэнг, у него было четыре сына: 1) Орлос...; 2) Бадмадорджи...; 3) Эринчин-батур... и 4) Бабуши...

Первоначально хошоутский тайджи Очирту был старшим ханом (terügülügsen qan) ойратов и все чоросские тайджи были его подданными" /198, гл.95, л. 1–4/.

Указание "Илэтхэл шастир" о том, что помимо дэрбэтов-ойратов существует еще неродственный им "хошун элётов правого крыла хорчинов, подчиненных внутреннему правлению", представляет определенный интерес. Однако, по нашему мнению, в этом месте в текст "Илэтхэл шастир" вкралась ошибка", потому что дэрбэтские князья из рода Борджигид (borjigid oboγtai) в отличие от дэрбэтских князей из рода Чорос (čoros oboγtai) не являются ойратами, а относятся к восточным монголам. Считаем необходимым привести полностью резюме биографий Дэрбэтского (неойратского) аймака, которое помещено в гл.21 "Илэтхэл шастир". Из текста ясно, что дэрбэты из рода Борджигид это не ойраты.

"Дэрбэтский аймак (dörbed-ün ayimaγ) располагается за пределами Баясхуланг Хадату Хагалгана. Отстоит от столицы на расстояние 2050 газаров (γaǰar). Протяженность его с запада на восток – 170 газаров, протяженность с юга на север – 240 газаров. На востоке он граничит с р.Хара-Мурэн, на западе – с /землями/ джалаитов, на юге – с /землями/ горлосов и на севере – с /землями/ солонов.

Среди внешних монголов имеются два племени, которые называются дэрбэты. Хотя они оба имеют одинаковое название, но происхождение их различное. Они являются потомками ойратского тайджи Бохана (Ƅoqan)[1] из рода Чорос и составляют в общем 14 хошунов. Они живут в Улангоме и относятся к внешнему правлению. У них есть свои биографии.

Другие же принадлежат к роду Борджигид и являются потомками Хабуту Хасара, младшего брата императора — родоначальника Юаньской династии. Они в настоящее время живут в /местности/ Баясхуланг Хадату Хагалган и относятся к внутреннему правлению.

Спустя 16 поколений после Хабуту Хасара при его потомке Айнахе аймак был назван дэрбэтами.

Когда в 9-м году Тэнгри-дэсэ Заягату (кит. Тяньмин, девиз правления маньчжурского хана Нурхаци, 9-й год его правления — 1624 г. — *В.С.*), сын Айнахи Адучи, прислал посла и просил позволения добровольно присоединиться /к маньчжурам/, то император ответил ему чрезвычайно милостиво. Поэтому он со своими людьми прибыл и принял подданство.

В 5-м году Эйэ-бэр Засагчи (кит. Шуньчжи, т.е. 1649 г. — *В.С.*) сын Адучи Саранг был сделан засаком, и, поскольку он вместе с хорчинами происходит от одного предка, то он был включен в состав хорчинов и подчинен председателю сейма Джирим.

У него был один хошун, и он живет в Тогтур Шили. Его звание — засак хошигун-у бэйсэ" /198, гл.21, л. 10—12/[2].

Эти сведения "Илэтхэл шастир" о дэрбэтах из числа восточных монголов заслуживают особого внимания, поскольку другие монгольские источники, за исключением "Эрдэнийн эрихэ" тусалагчи Галдана, ничего о них не говорят. Вот что автор "Эрдэнийн эрихэ" пишет о дэрбэтах: "Среди внешних монголов есть два /племени/, называемых дэрбэтами. Одно из них — потомки ойратского тайджи из рода Чорос Буйхана. Их всего четырнадцать хошунов, и они жили в Улангоме. Другое — потомки Хабуту Хасара, младшего брата императора — родоначальника Юаньской династии из рода Борджигид. Это дэрбэты сейма Джирим" (цит. по /125, с.57/).

Видимо, эти данные Галдан-тусалагчи позаимствовал из "Илэтхэл шастир". Крайне немногочисленная группа восточномонгольских дэрбэтов обитала во Внутренней Монголии, где, вероятно, растворилась среди других монгольских этнических групп,

во всяком случае, больше упоминаний о ней в литературе не встречается.

Интересно проследить, существует ли какая-либо генетическая связь между этими позднейшими дэрбэтами и древнемонгольским племенем дурбэнов.

В летописи Рашид ад-Дина сказано, что коренные монгольские племена X–XII вв. были разделены на две большие группы: дарлигин и нирун. Однако, когда из коренных монгольских племен выделилось крупное племя нирун, наименование "дарлигин" исчезло. Позднее, в XII в., от нирунов выделился влиятельный род кият-борджигид, из которого происходил Чингисхан, и наименование "нирун" больше не употреблялось. Дурбэны были одним из древнемонгольских племен, которое "Тайная история монголов" считает потомками четырех сыновей Дува Сохора, старшего брата Добун Мэргэна /69, с.80/. У Рашид ад-Дина племя дурбэнов упоминается в нескольких местах: в одном случае Рашид ад-Дин называет дурбэнов родом, в другом – племенем. Один раз он говорит, что они потомки четверых сыновей Тамалча-хана, внука Бортэ-чино /132, т.I, кн.2, с.9–10/. В таком случае их можно отнести к дарлигинам и рассматривать дурбэнов в качестве одного из древнейших племен, появившихся еще до Алан-Гоа, легендарной прародительницы рода Борджигид, к которому принадлежал Чингисхан. Однако в другом месте Рашид ад-Дин указывает, что дурбэны по своему происхождению близки к бааринам, которые возводили свое происхождение к Алан-Гоа, и поэтому относятся к нирунам /132, т.I, кн.1, с.78, 187/. Как бы то ни было, монгольский исследователь Д.Гонгор, основываясь на материалах "Сборника летописей" Рашид ад-Дина, относит древнемонгольских дурбэнов к числу коренных монгольских племен /186, с.62/.

Кроме того, Рашид ад-Дин в одном месте сообщает, что Хутуга-бэки, стоявший в начале XIII в. во главе ойратов, был из племени дурбэнов /132, т.I, кн.1, с.138/. Если это указание Рашид ад-Дина соответствует действительности, то следует полагать, что речь в данном случае идет о роде Дурбэн у ойратов, а не о тех дурбэнах, о которых говорит Рашид ад-Дин в других местах. На это обратил внимание в свое время еще П.Пелльо /225, с.57, примеч.38/.

Можно предполагать, что у ойратов во времена Чингисхана существовал влиятельный аристократический род Дурбэн, из которого происходили правители ойратов Хутуга-бэки и его сыновья. За

Иналчи, сына Хутуга-бэки, Чингисхан выдал замуж свою дочь Чэчэйгэн, а за Торолчи, другого сына Хутуга-бэки, Чингисхан выдал замуж свою внучку Холуйхан, дочь своего старшего сына Джучи /69, с.175/. Вполне возможно допустить, что ойратский аристократический род Дурбэн имеет отношение к позднейшим ойратам-дэрбэтам, хотя в источниках на этот счет нет никаких указаний.

Что же касается древнемонгольского племени дурбэнов, то Д.Гонгор, ссылаясь на Рашид ад-Дина, указывает, что дурбэны в конце XII в. кочевали в "Голун улусе" ("Уделе центра"), т.е. на исконной земле коренных монголов, позднее получившей название Халха, и вместе с другими древнемонгольскими племенами меркитов, кереитов, джадаранов, а также ойратами воевали против Чингисхана. В 1204 г. после разгрома найманов дурбэны окончательно покорились Чингисхану и вошли в состав созданного им раннефеодального монгольского государства /186, с.60/. В послеюаньский период в составе восточных монголов они перестали существовать в качестве особого племени и растворились в их среде. Можно предположить, что упомянутые дэрбэтские князья из рода Борджигид имеют отношение к древним дурбэнам, хотя этот вопрос требует дополнительного изучения, что выходит за рамки нашего исследования.

ХОШОУТЫ (qošud)

Третьим этническим компонентом, входящим в состав "четырех ойратов", "Илэтхэл шастир" называет хошоутов. О них говорится следующее:

"Хошоуты (ġošud ayimaγ) издавна являются одним из „четырех ойратов". Происхождение свое они ведут от Хабуту Хасара, младшего брата императора — родоначальника Юаньской династии.

Достоинство ханское наследуется до настоящего времени от Бубэй-мирзы. Ему наследовал его сын Хани-нойон Хонгор, у которого было 6 сыновей. Они обитали в землях Кукунор, Баруун Тооли, Или и др. ...Его третий сын — Кундулэн Убаши, четвертый сын — Торубайху, у которого было весьма многочисленное потомство.

Титул Торубайху — Гуши-хан. Некоторые его потомки называются Кукунорскими элётами, они насчитывают 21 засак. Другие называются Алашаньскими элётами, у них 1 засак. Прочие были присоединены к хошуну чахаров" /198, гл.106, л. 1—2/.

"У хошоутов учрежден 21 засак. Их родоначальником был Хабуту Хасар, младший брат императора — родоначальника Юаньской династии. Семь поколений спустя после него следует Аксахалтай, у которого было 2 сына.

Старшего звали Аруг Тэмур, его потомками являются 8 племен внутреннего правления: Хорчин, Джалаит, Дэрбэт, Горлос, Ару-Хорчин, Дорбэн-Хэухэд, Муумингган и Урат.

Младшего звали Уруг Тэмур. 9 поколений спустя после него был Бубэй-мирза, который принял титул ойратского хана. Ему наследовал его сын Хани-нойон Хонгор, у которого было 6 сыновей: 1) Ханаг Тушийэту; 2) Байбугас; 3) Кундулэн Убаши; 4) Торубайху; 5) Саран Хатан-батур; 6) Буян Отхон.

...У Байбугаса были сыновья Очирту-хан и Аблай-нойон, которые кочевали в районе Баруун Тооли. Затем джунгары уничтожили их племя, о чем подробно говорится в резюме биографий Алашаньских элётов.

Кундулэн Убаши имел титул Дургэчи-нойон. Четыре хошуна хошоутов, обитающих ныне в Юлдусе, являются его потомками.

Торубайху имел титул Гуши-хан. Он разделил людей Кукунорского аймака на левое и правое крылья и во главе их поставил своих десятерых сыновей. Во главе левого крыла находились Даян, Омбо, Далантай, Баян Абугай Аюши. Во главе правого крыла находились Илдучи, Дорджи, Хурумши, Санггарджа, Гумбо Чахун и Даши-батур" /198, гл.81, л. 4об.—6 об./.

Эти же данные почти дословно повторяет и "Мэнгу ю му цзи", так что здесь нет необходимости приводить их полностью /111, с.117—118/.

"Младший брат Шагдур Манджи[3] — Санджи бежал на Иртыш и похитил лошадей и верблюдов телохранителя Пубуу, находившихся на попечении дэрбэтов. Когда он совершил это дерзкое нападение, Пубуу обратился в бегство. Дэрбэтский хан Царин отправил цинь-вана Царин Убаши с людьми преследовать Санджи, который обратился в бегство и умер. Тогда-то и образовалась группа изменников-хошоутов. /Люди/ из их рода кочевали вместе с торгоутами в Россию на реке Волге. В 36-м году /Тэнгри-йин тэтхугсэн/ (т.е. в 1771 г. — *В.С.*) они последовали за торгоутским ханом Убаши и прибыли /к императору/, чтобы принять подданство. После прибытия их на аудиенцию к императору они высочайшим указом были возведены в достоинство бэйлэ, бэйсэ и тайджи.

Их сейму было пожаловано название „Бату сэтхэлту" („Решительный") и учреждено 4 засака" /198, гл.106, л.22об.—23об./.

"Илэтхэл шастир" не называет имен потомков Хабуту Хасара и только сообщает о числе звеньев родословной до Аксахалтая (семь поколений), к младшему сыну которого Уруг Тэмуру возводят свое происхождение хошоутские князья. Имена потомков Хабуту Хасара сохранились в других источниках.

П.Паллас сообщает, что родословная хошоутских князей следующим образом восходит к Хабуту Хасару: "*Энкэ Сӱммӱр Тайджи*, чей сын *Анда*, или *Адашари Галзу Чинг Тайджи*, чей сын *Кэ-Кэмнэктӱ*, чей сын *Бур-кан Шаджин*, или Санджи, чей сын Саба-Ширма или (по другой родословной) Шаби-Ширэмӱн, чей самый младший сын *Аксаргулди-Нойон*, также называемый *Аксугалдай*. У последнего было два сына *Аррак Тӧммӱр* и *Ӧррок Тӧммӱр*, которые сообща управляли своим народом и объединились с неким Тогон-Тайши, в чьей армии их группа, согласно некоторым легендам, за проявленную храбрость в сражении с неким *Булгари Ханом* получила почетное прозвище *Хошот*" /224, с.25/.

Эта родословная хошоутских князей от младшего брата Чингисхана Хабуту Хасара до Аксахалтая (Аксаргулди-нойон, или Аксугалдай у П.С.Палласа) аналогична той, которую приводит Батур-Убаши Тюмень в "Сказании о дербен-ойратах". "У Хасара был сын *Енгке-Сюмер-Тайджи*; его сын *Ади-Шири-Галзу-Чинг-Тайджи*; его сын *Кейкемнекту*; его сын *Бурхан-Санджи* /Сангви/; его сын *Саба-Шарман*; его сын *Аксагулта-Нойон*, его сыновья Ерек-Темур и Арак-Темур (цит. по /61, с.22/). Относительно Аксахалтая и его сыновей Аруг Тэмура и Уруг Тэмура можно с уверенностью сказать, что в названных выше трех источниках речь идет об одних и тех же лицах, хотя их имена передаются по-разному. Следует отметить, что генеалогия хошоутских князей сохранилась лучше, чем, например, генеалогия князей джунгарских или дэрбэтских. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что все три источника совершенно независимо друг от друга приводят одни и те же сведения о родословных хошоутских князей.

По "Илэтхэл шастир", родословная хошоутов от Хабуту Хасара до их прямого родоначальника Уруг Тэмура, сына Аксахалтая, насчитывает 8 поколений. Нам известно, что Хабуту Хасар, иначе Джочи-Хасар, или просто Хасар, младший брат Чингисхана, был моложе его на два года, т.е. появился на свет в 1157 г. (см. /112, с.140—141, примеч.150/). Ес-

ли принять средний промежуток между поколениями за 25–30 лет, то выходит, что родоначальник хошоутов жил 200–240 лет спустя после Хабуту Хасара, т.е. в самом начале XV в. Заслуживает внимания и приводимое П.С.Палласом сообщение его безымянных информаторов о том, что появление этнонима "хошоут" относится к периоду правления Тогона-тайши, т.е. к первой половине XV в. Это не противоречит и историческим фактам, поскольку именно в это время происходило формирование основных этнических компонентов в составе дурбэн-ойратов.

Что же касается этнонима "хошоут", то следует сказать, что многие монгольские и ойратские термины, впоследствии ставшие бытовать среди ойратов в качестве этнонимических названий, восходят к эпохе Чингисхана. В термине "хошоут", как и в термине "торгоут", нашел свое отражение военный строй далекого прошлого /151; 152; 181/. Так, слово "хошуун" означает по-монгольски "острие, клюв, морда", а также воинский строй – авангардное построение при войске типа клина. В дальнейшем, уже в период маньчжурского господства в Монголии, хошуном (кит. ци – знамя) стала называться единица военно-административного деления населения Маньчжурии и Монголии, обязанного нести военную службу, и собственно хошунами стали называться воинские подразделения (корпуса) маньчжурских восьмизнаменных войск. Разрозненные остатки древнемонгольских племен вошли в состав хошоутов, причем преобладающим оказался западномонгольский, или ойратский, этнический элемент и их правителями, или, по выражению Б.Я.Владимирцова, "феодальными сеньерами" /36, с.156, примеч.4/, были потомки Хасара, брата Чингисхана.

ТОРГОУТЫ (torγud)

Четвертым этническим компонентом дурбэн-ойратов, согласно "Илэтхэл шастир", являются торгоуты.

"Люди торгоутского племени обитают каждый в отдельности (tus tus-iyar) и различаются по названию на старых и новых. Старые торгоуты (qaγučin torγud) входят в состав сейма Унэн сусугту, /у них/ было учреждено 10 засаков. Новые торгоуты входят в состав сейма Чин-сэтхилту, /у них/ было учреждено 2 засака. Есть еще один засак, который кочует в районе реки Эджинэй. Он также называется старым торгоутским, потому что он пришел принять подданство /Цинской империи/ раньше. Хотя он и

составил отдельный сейм, но, по правде говоря, они по происхождению были одного рода (nigen töröl).

Их родоначальника (qulanča ebüge) звали Онхан. Сыном Онхана был Арсалан. Сыном Арсалана был Амугулан. Сыном Амугулана был Кэйбэн. Сыном Кэйбэна был Сусэй. Сыном Сусэя был Баяр. Сыном Баяра был Махачи Монгхэ. У Махачи Монгхэ было два сына: старший — Буйгу Орлэг, второй Онггуй. У Буйгу Орлэга родилось 4 сына: Зулзага Орлэг, Ойгун Чабчачи, Бооран Ахалху и Мангхай. У Зулзага Орлэга был один сын — Хо Орлэг (Хо-Урлюк в русских архивных источниках. — В.С.), который является родоначальником аймака торгоутов. У Ойгун Чабчачи был один сын — Эджинэй-тайши, который является родоначальником аймака новых торгоутов. Потомки Онггуя, а также Бооран Ахалху и Мангхая обитают в Кукуноре, у них было учреждено 4 засака...

Спустя шесть поколений после Хо Орлэга следует Убаши, который вместе с сыном правнука (γučinčar) Эджинэй-тайши Шэрэном прибыл с Волги и принял подданство. Говорят, что их предки до Хо Орлэга на протяжении двух поколений имели по одному сыну. Именно потому, что их земли и поколения сильно удалены /друг от друга/, никто /из них/ сам не в состоянии знать родословную своего рода.

Торгоуты первоначально были одним из "четырех ойратов". Правители ойратов считали Или общим достоянием всего народа, но каждый из них управлял своим собственным племенем, и они не зависели друг от друга. Когда джунгары стали достаточно могущественными и человек по имени Батур-хунтайджи, обитавший на Алтае, стал притеснять ойратов, правителю торгоутов это не понравилось, и он, взяв своих людей, отправился в Россию. Он обитал на Волге, занимаясь земледелием вблизи большого озера Тэнггис (т.е. Каспийского моря. — *В.С.*). Местность, где они обитали, называлась Манутохай. На севере она граничит с /землями/ русских, на юге — с /землями/ казахов, на востоке — с /землями/ каракалпаков и на западе — с Турцией (turiyasrku).

Так как они жили рядом с русскими, то вели с ними меновую торговлю шкурами и лошадьми. Когда русские воевали с Siowei si-yang и barayun wiyasku[4], то торгоуты помогали им войсками. Затем из-за того, что они все больше и больше слабели, русские сделали их своими подданными.

Торгоуты по своим обычаям относятся к монголам и занимаются разведением и выпасом скота. Они

кочуют в поисках пастбищ и воды, делятся на многочисленные стоки и управляются тайджиями и зайсангами. Они не жили, подобно русским, в городах. Однако своей одеждой, шапками и бурками из войлока (kemneg išigei) они резко отличались от других ойратов" (/198, гл.101, л.1–5об./; см. также /111, 143, 144/).

Таковы сведения, которые приводит "Илэтхэл шастир" о генеалогии и родословных торгоутских князей. Батур-Убаши Тюмень указывает, что торгоуты происходят от неизвестного Ван-хана Кереитского, соперника Чингисхана (см. /61, с.25/). Однако Батур-Убаши Тюмень пишет, что, "так как подробное сказание о происхождении торгоутского рода от Ван-хана находится в книгах монголов, я не в состоянии ясно говорить о том" (см. /61, с.25/).

П.С.Паллас указывал, что "князья торгоутов ведут свое происхождение от некоего *Касбанга*, или *Кибанга*, который отделился от Ван-хана. У *Кибанга* был сын *Сосай*, который имел сына по имени *Баяр*, чьим сыном был *Махачи-Мэнгӧ*. Этот *Махачи-Мэнгӧ* был известным человеком среди торгоутов, и, поскольку он имел прозвище *Кэрэт*, это прозвище стало прилагаться ко всему племени. У *Махачи-Мэнгӧ* был сын *Йэсӳн*, сыном которого был *Бӧгӧ-орлӳк*, чьим сыном был *Джӳлджега-ӧрлӳк*, у которого был сын Хо-ӧрлӳк" /224, с.92/. П.С.Паллас считал, что упомянутый Ван-хан есть не кто иной, как Ван-хан Кереитский.

Подобного же мнения придерживается и автор "Шара Туджи". В ней о торгоутах говорится следующее: "Торгоуты – потомки кэрэитского Онг-хана. Его сын Бадзар, его сын Махачи Манхи, его сын Буйга, его сын Дзолцохай. Орлук, его сын Гоа-Орлук, его сын Шихур Дайчин, его сын Пунцуг, его сын Аюши" /177, с.100 (монг. текст), 160 (рус. перевод)/.

Нетрудно убедиться в том, что легенда о происхождении торгоутов от кереитов и их правителя Ван-хана оказалась очень распространенной среди монгольских народов. Она нашла отражение и в "Илэтхэл шастир", и в других китайских источниках. Правда, "Илэтхэл шастир" не уточняет, кто такой Онхан, а "Мэнгу ю му цзи" называет родоначальника торгоутов Онг-хана просто "юаньским подданным" /111, с.143/. Однако эта версия вряд ли является достоверной. Кроме того, она противоречит общеизвестным историческим фактам о том, что этническая группа торгоутов появилась не ранее конца XIV–XV в. П.Пелльо, подробно рассмотревший генеа-

логию торгоутских князей, не разделяет мнения П.С.Палласа. Он пишет: "Мы твердо знаем о том, что Ван-хан был в конце XII века, а Хо Öрлэг в первой трети XVII столетия. Однако перечень Палласа называет только 7 поколений между Ван-ханом и Хо Öрлэгом, а „Бяо чжуань" (т.е. „Илэтхэл шастир". — *В.С.*) всего 9: этого совершенно недостаточно, чтобы заполнить промежуток времени протяженностью в четыре столетия" /225, с.33/. На самом же деле появление торгоутов на исторической арене относится к гораздо более позднему времени, к XIV — первой половине XV в., чему не противоречат и данные "Илэтхэл шастир".

Что же касается этнонима "торгоут", то и он не встречается ни в "Тайной истории монголов", ни в "Сборнике летописей" Рашид ад-Дина. Однако из этого не следует, что в монгольских текстах того времени отсутствует термин, от которого могло произойти название "торгоут". Известно, что в эпоху Чингисхана существовали отряды под названием "турхауты" (turqa'ut) /10, с.44—46/, которые охраняли ставки вождей племен, а позднее дворцы монгольских ханов. Эта гвардия Чингисхана по-китайски называлась "ху-вэй сань-бань" (букв. свободная смена охранников), в монгольском оригинале "Тайной истории монголов" она носит название turɣaɣ-kešigten /225, с.31, 32, 85, 86; 112, с.157, примеч.231/. Множественное число от слова turɣaɣ в тюркоязычных средневековых источниках приобрело значение "ночной страж", "часовой" (turɣaɣut/turɣa'ut). От этого слова произошел и этноним "торгоут" (torɣud), что видно хотя бы из того факта, что в "Эрдэнийи Тобчи" Саган-Сэцэна он пишется в форме "turɣaɣud" и "turɣud" /229, с.163, 211/.

В монгольских источниках торгоуты как особая этническая группа ойратов упоминаются с середины XV в. Так, Саган-Сэцэн рассказывает об одном торгоутском правителе, жившем во времена ойратского Эсэна-тайши, т.е. в середине XV в. /229, с.163/, а в другом месте он пишет о том, что в середине XVI в. восточные монголы отправились на войну против ойратов и застигли врасплох вблизи Иртыша торгоутов (turɣaɣud/turɣud) и множество их захватили в плен /229, с.211/.

Калмыцкий историк Батур-Убаши Тюмень в своем "Сказании о дербен-ойратах" так сообщает о присоединении торгоутов к ойратам: "Когда *торгоуты* присоединились к *ойратам*, у них был хан *Мергени-Еркету*; его сын *Буяни-Теткукчи*; его сын *Баяр*; его сын *Менгей*, у которого было 9 сыновей: старший сын

Буйго-Орлек..." (цит. по /61, с.26/). Если сравнить родословную торгоутских князей, приведенную Батур-Убаши Тюменем, с той, которая дается в "Илэтхэл шастир" и у Палласа, то можно видеть, что звенья этой родословной совпадают начиная с Баяра. Менгей — это, несомненно, Махачи Монгхэ, названный в "Илэтхэл шастир", хотя ни Мергени-Еркету, ни Буяни-Теткукчи там не упоминаются. Если учесть, что Хо Орлэг является внуком Буйгу Орлэга, то с момента присоединения торгоутов к ойратам и до первой трети XVII в. сменилось, по мнению Батур-Убаши Тюменя, пять поколений правителей или прошло 150—200 лет. Таким образом, можно предполагать, что это событие относится к первой половине XV в., ко времени возвышения ойратского правителя Эсэна, проводившего централизаторскую политику.

По-видимому, смешение ойратов с другими монгольскими племенами, проникновение в ойратскую среду других монголоязычных этнических групп, начавшееся в эпоху Чингисхана, который насильственно расселял монгольские племена, оказавшие сопротивление его возвышению, продолжалось и в последующую эпоху, вплоть до XV в. Сами турхауты, от которых пошли позднейшие торгоуты, были при Чингисхане служилым сословием, а позднее верхушка турхаутов, закаленных в многочисленных сражениях и сплоченных в политическом отношении, смогла создать феодальное ханство, объединившее вокруг себя остатки различных древнемонгольских племен (меркитов, кереитов и др.). Позднее, с распадом единого монгольского государства, эти остатки монголоязычных племен, консолидировавшиеся в некую этническую общность, выступили на арену истории под названием торгоутов. И далеко не случайно, что именно у торгоутов до самого последнего времени сохранялось родовое подразделение кэрэд, т.е. кереит, и оказались очень живучими представления о своем происхождении от Ван-хана Кереитского.

ХОЙТЫ (goyid)

Наряду с основными "четырьмя племенами", входившими в состав дурбэн-ойратов, "Илэтхэл шастир" упоминает и хойтов. Но в памятнике отсутствует резюме биографий хойтских князей. В основном его данные о хойтах можно свести к следующему: хойты издавна были немногочисленным племенем и являлись

подданными дэрбэтов, а затем, после ухода торгоутов на Волгу, они вошли в состав дурбэн-ойратов. Хойтские князья были из рода Йэкэ Мингган (yeke mingγan) и их родоначальником был Забаган-мэргэн (ǰabaγan mergen). Кроме того, в одном месте "Илэтхэл шастир" называет в качестве родоначальника хойтских князей некоего Намджана /198, гл.81, л. 14/[5].

На основании отрывочных сведений о родословной хойтского засак тайджи 1-й степени Дамарина, П.Пелльо составил генеалогические таблицы хойтов, приложенные в его работе "Критические заметки по калмыцкой истории" /225/. Согласно этим сведениям, упомянутый Дамарин, живший в середине XVIII в., является потомком Забаган-мэргэна в шестнадцатом поколении /198, гл.100, л. 1—3/, и, таким образом, можно вычислить, что этот Забаган-мэргэн жил на рубеже XIII—XIV вв.

В монгольских источниках хойты впервые упоминаются примерно с этого же времени. Так, в анонимной "Алтан Тобчи", в "Эрдэнийн Тобчи" Саган-Сэцэна и "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана хойты называются в числе ойратских четырех тумэнов наряду с ойратами, элётами и багатутами, хотя в этих летописях еще не появляются названия хошоутов, джунгаров и даже дэрбэтов. В анонимной монгольской летописи "Алтан Тобчи" говорится следующее[6]: "После того, как прибыл Тогон-тайши, собрались ойраты, элёты, багатуты и хойхата (т.е. хойты. — *В.С.*) — /все/ четыре тумэна... " /11, с.61 (монг. текст)/. Этот же рассказ почти дословно приводится и в "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана /92, с.260/. Саган-Сэцэн в своей летописи указывает, что четыре племени ойратов суть следующие — элёты (ögeled), багатуты (baγatud), хойты (qoyid) и кэргуты (kergüd) /228, с.57 (монг. текст), 58 (нем. перевод)/. Хойтов включает в состав ойратских четырех тумэнов и анонимный автор "Шара Туджи". Он говорит о родословной хойтов следующее: "Хойты — это потомки Дзабахан Мэргэна. Сыну хойтского Хутага-бэки Инэлчи Чингисхан отдал в жены свою дочь Цэцэйкэн, старшему брату Инэлчи Турулчи отдал в жены дочь Джучи по имени Холойхан; потомок этих был Вачирай Мингату, его сын Сутай Мингату, его сын Эсэлбэй-хан, его сын Ном Далай, его сын Солтон-тайши, его сын Цосхин, его сын Аджу" /177, с.101 (монг. текст), 160 (рус. перевод)/. Однако эти сведения "Шара Туджи" — очевидная ошибка ее автора. Как уже говорилось выше, Чингисхан выдал свою дочь Чэчэйгэн и дочь Джучи Хо-

луйхан за сыновей ойратского Хутуга-бэки. Это нам достоверно известно из "Тайной истории монголов", притом в "Шара Туджи" хойты названы потомками Дзабахан Мэргэна (как и в "Илэтхэл шастир", наше прочтение этого имени — Забаган-мэргэн. — *В.С.*), но не указывается, в каком родстве этот последний находился с ойратским правителем Хутуга-бэки. П.С.Паллас, собравший во второй половине XVIII в. из калмыцких источников не прочитанные, а услышанные в пересказе сведения об этническом составе ойратов, пишет: "Однако если обратиться за советом к самому этому народу, то выясняется, что под „дурбэн-ойратами" или „четырьмя союзниками" подразумеваются именно те главные ойратские племена, которых большинство их письменных источников и самая общепризнанная традиция самых сведующих калмыков называют элёт (Oelöt), хойт (Choit), тумэт (Tümmüt) и баргу-бурят (Barγa-Burät)" /224, с.6/.

Несколько иначе вопрос о происхождении хойтов освещают калмыцкие источники, и прежде всего "Сказание о дербен-ойратах" Батур-Убаши Тюменя. Правда, они также говорят о том, что хойтские князья ведут свое происхождение от Чингисхана. Так, Батур-Убаши Тюмень пишет, что родоначальником хойтских князей был "дербен-ойратский хан" Йобогон-Мерген, живший "в году гал-гахай" (т.е. в 1527 г. — *В.С.*), и родовым улусом которого был хойтский оток Йеке-Минган (см. /61, с.38/). По мнению автора "Сказания о дербен-ойратах", этот Йобогон-Мерген был не кто иной, как знаменитый Тамерлан, потомок Чингисхана, хотя Тамерлан жил на сто с лишним лет раньше и потомком Чингисхана гисхана не являлся.

Все это позволяет сделать вывод о том, что к моменту составления "Илэтхэл шастир", т.е. во второй половине XVIII в., хойты уже перестали быть особой этнической группой и, по-видимому, полностью забыли свою родословную. Из этой родословной сохранились в неопределенном порядке имена, которые кое-как увязываются друг с другом. На основе данных монгольских источников XVII в. можно с уверенностью сказать, что хойты, как и элёты, багатуты (батуты) и другие этнические подразделения, в составе западных монголов появились гораздо раньше, чем главные ойратские "племена" — джунгары, дэрбэты, хошоуты и торгоуты, о которых говорит "Илэтхэл шастир". В отличие от последних хойты, элёты, батуты и др. были родо-племенными подразделениями, в основе которых лежали чисто

кровнородственные, а не территориальные и социально-политические связи, как это имело место у джунгаров, дэрбэтов, хошоутов и торгоутов.

В дальнейшем по мере выдвижения на арену истории последних удельный вес хойтских, элётских и других князей в политической жизни становился все менее значительным, что, видимо, объясняется политической и экономической слабостью их владений. Главную роль в исторических событиях XV–XVIII вв. играли феодальные кочевые объединения хошоутов, джунгаров, дэрбэтов и торгоутов, поэтому хойтским князьям не оставалось ничего иного, как признать над собой верховную власть дэрбэтских князей. Что же касается элётов, батутов и других, то они раньше, чем хойты, были поглощены более крупными и мощными феодальными княжествами, поэтому со временем и источники перестали о них упоминать. Аналогичный процесс переживали и хойты, которые также растворились бы в ойратской среде, если бы не политика цинских правителей, стремившихся расколоть крупные ойратские феодальные владения на более мелкие и противопоставить одни ойратские княжества другим, как это и было в случае с хойтами.

Выше уже говорилось о том, что в "Илэтхэл шастир" основные этнические подразделения в составе ойратов (джунгары, дэрбэты, хошоуты, торгоуты и хойты) называются аймаками. "Аймак, — как отмечают И.С.Бруннерт и В.В.Гагельстром, — старинное монгольское название княжеского удела, группа нескольких княжеств, связанных между собой одноплеменностью и историческим прошлым, как бывшее цельное владение одного князя — предка нынешних владетельных князей. С течением времени аймаки разделились на несколько самостоятельных княжеств; тем не менее связь между последними не прервалась, и старший в роде князь считается главою аймака" /29, с.370/.

У ойратов XVII–XVIII вв., на которые в основном и приходятся биографии князей "Илэтхэл шастир", аймаки представляли собой крупные феодальные княжества во главе с наследственно правящими династиями, состоящими из представителей аристократических родов (например, род Чорос у джунгаров и дэрбэтов, род Йэкэ Мингган у хойтов). Не случайно именно в домах этих правящих династий велись генеалогические списки, которые легли впоследствии в основу родословных и биографий ойратских князей, помещенных в "Илэтхэл шастир". Наследственные правители аймаков и другие представители ойратской

аристократии в условиях чужеземного гнета свято хранили память о своем происхождении, о своем роде и племени.

Что же касается основной массы простых кочевников-аратов, непосредственных производителей, то она сформировалась на протяжении длительного исторического периода в результате смешения различных этнических элементов. Однако и рядовые кочевники называли себя в зависимости от того, под властью правителя какого аймака находились, джунгарами, дэрбэтами, хошоутами и т.д. "Вчера эти люди находились под властью торгоутских ханов и князей, а потому назывались торгоутами; сегодня их подчинили себе дербетские ханы, или тайши, и они становились дербетами, по этой же причине они завтра могли стать хойтами или хошоутами" /117, с.62–63/. В таком положении были заинтересованы и правители аймаков, в руках которых сосредоточивалась вся полнота экономической и политической власти над массой рядовых кочевников. Кроме того, определенная общность происхождения, диалекта, обычаев, исторической судьбы и т.д. в условиях кочевого скотоводческого общества в какой-то мере способствовала сохранению этой псевдородоплеменной организации, появлению своеобразной идеологической надстройки, отражающей былые генетические и политические связи, а также процессы этнической консолидации ойратской народности.

Эта псевдородоплеменная структура ойратского общества на завершающем этапе его истории и нашла отражение в "Илэтхэл шастир". История знатных родов ойратских феодальных правителей излагается лишь в связи с историей Китая, а все, что не вмещается в рамки этой тематики, оставлено без внимания. Различные аспекты внутренней жизни ойратов не интересовали составителей "Илэтхэл шастир", отсюда и полное отсутствие в ней фактического материала для социально-экономического анализа.

Тем не менее сведения "Илэтхэл шастир" о военно-политических и дипломатических отношениях Китая с ойратами в XVII–XVIII вв., несмотря на свою тенденциозность и неполноту, позволяют в общих чертах воссоздать картину этнополитических связей ойратского общества в рассматриваемый период. Эти сведения подтверждают, а в отдельных случаях и существенно дополняют данные калмыцких и монгольских источников об этнической истории ойратов.

Глава 3

ОЙРАТЫ И ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVII—XVIII вв.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ЦИНСКИМ ДВОРОМ И ПРИНЯТИЕ ОЙРАТАМИ ЦИНСКОГО ПОДДАНСТВА

В начале XVII в. Монголия, находившаяся на протяжении нескольких столетий в состоянии феодальной раздробленности, делилась на две крупные, обособившиеся друг от друга части: Западную Монголию, населенную ойратами, и Восточную Монголию, населенную собственно монголами. В свою очередь, Восточная Монголия разделялась на Северную, или Внешнюю, Монголию и Южную, или Внутреннюю, Монголию, что было связано с перемещением в середине XVI в. ставки всемонгольского хана, а следовательно, и центра политической жизни Монголии с берегов Толы, Орхона и Керулена в районы Чахара к Великой китайской стене.

В первые десятилетия XVII в. происходит стремительное возвышение сравнительно небольшого маньчжурского военно-феодального государства, расположенного к востоку от Монголии на территории нынешнего Северо-Восточного Китая. Правители этого государства, вступив на путь внешней экспансии, воспользовались царившей в Монголии феодальной раздробленностью, отсутствием единства действий среди монгольских феодалов и частыми феодальными междоусобицами и в 1636 г. установили свою власть над Южной Монголией. К 1644 г. после завоевания значительной части территории соседнего Китая маньчжурское государство превратилось в могущественную Цинскую империю.

В Западной Монголии в рассматриваемое время наблюдался хозяйственный и культурный подъем и происходило возвышение влиятельного ойратского правителя Хара-Хулы из аристократического джунгарского рода Чорос, который вышел победителем в длительной борьбе за власть между различными ойратскими феодальными княжествами хошоутов, торгоутов, джунгаров и дэрбэтов. Он представлял интересы той части ойратской феодальной знати, которая выступила за объединение всех ойратских владений в рамках одного государства с сильной центральной

властью. В конце XVI – начале XVII в. значительная часть торгоутских князей, возглавляемая Хо-Урлюком, и присоединившаяся к ним группировка дэрбэтского Далай-тайши откололись от основной массы ойратов и откочевали вместе со своими подданными в степи Западной Сибири, где добровольно вошли в состав Русского государства. В самой же Джунгарии процесс консолидации ойратских феодальных владений под властью джунгарских правителей из чоросской династии завершился в 1635 г., уже при сыне и преемнике Хара-Хулы Хотогочине, получившем от далай-ламы почетный титул Эрдэни-Батур-хунтайджи, созданием феодального государства – Джунгарского ханства. Откочевка довольно многочисленной группы хошоутов во главе с Гуши-ханом в 1635–1637 гг. в Кукунор положила начало существованию там независимого хошоутского княжества.

Джунгары начали играть с 20-х годов XVII в. главенствующую роль в ойратском мире, а затем, после образования Джунгарского ханства, их роль в политической жизни Центральной Азии стала преобладающей и они возглавили борьбу народов этого региона против цинской экспансии.

Ранее всех вошли в соприкосновение с маньчжурами кукунорские хошоуты, владения которых ближе всех других ойратских земель находились к маньчжурскому государству. Первые контакты между хошоутскими правителями и маньчжурским двором относятся к 30-м годам XVII в., т.е. к периоду, предшествовавшему воцарению династии Цин в Китае. До этого времени, судя по сообщению "Илэтхэл шастир", прямые отношения между ойратами и маньчжурами не поддерживались. "В давние времена Сэцэн-хана (маньчжурского императора Тайцзуна (Абахай), 1627–1643. – *В.С.*) все монголы разных племен приняли подданство Китая, но император, сославшись на отдаленность /элётских/ земель, запретил самовольную торговлю с Минской династией, и она прекратилась" /198, гл.81, л. 14об./.

С 1591 по 1644 г. происходил процесс сложения цинского государства и формирования его внешней политики /37, с.46/. Посредством активной дипломатической деятельности – завязывания посольских связей и заключения брачных союзов между правящим маньчжурским домом и феодальной верхушкой монгольских княжеств – маньчжурские правители стремились подготовить условия для завоевания соседних стран и подчинения их своей власти.

Первым из ойратских владетельных правителей установил отношения с цинским двором хошоутский

князь Гуши-хан. Об этом в "Илэтхэл шастир" сказано следующее: "Во 2-м году правления Дэгэду Эрдэмту (кит. Тайцзун, т.е. в 1637 г. — *В.С.*) Гуши-хан отправил для предоставления дани императору посла, который, пробыв /в пути/ один год, прибыл /обратно/" /198, гл.81, л. 15/. Упоминание о дани не должно вводить в заблуждение относительно самостоятельности хошоутов: в то время они не были даже номинальными вассалами маньчжурских завоевателей. Присылка Гуши-ханом посольства ко двору маньчжурского императора Абахая объяснялась, по-видимому, желанием хошоутского правителя завязать торговые отношения с Китаем.

Незадолго до этого Гуши-хан, вмешавшись в феодальную войну в Тибете, в основе которой лежало противоборство двух ламаистских сект — "красношапочной" и "желтошапочной", установил свое господство в Кукуноре (см. /144/), а в 1637 — 1638 гг. сюда откочевала из Джунгарии основная масса его подданных хошоутов, к которым присоединились еще остававшиеся в Джунгарии торгоуты. Откочевка хошоутов в Кукунор была вызвана потребностями экономического развития ойратского общества того времени, необходимостью ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий /54, с.158, 159/. В этом отношении Кукунор полностью удовлетворял хошоутских правителей. Там имелись хорошие климатические условия для развития кочевого скотоводства и привольные степи, богатые пастбищами и источниками воды. Кроме того, Кукунор как непосредственное преддверие Тибета мог служить удобным плацдармом для вторжения в его внутренние области и установление там своего влияния именно тогда, когда происходившая междоусобная религиозная война стала выплескиваться за пределы Тибета, охватывая и отдельные районы Монголии.

Гуши-хан (его собственное имя Торубайху), родившийся в 1582 г. /154, с.61/, был четвертым сыном хошоутского правителя Хани-нойон Хонгора /198, гл.81, л. 5—5об./ и вместе со своими старшими братьями Байбагасом и Кундулэн-Убаши пользовался среди ойратских князей большим влиянием. С ранней молодости он принимал участие в военных походах и отличился на военном поприще. В 1607 г., когда ему исполнилось 25 лет, между ойратскими и халхаскими князьями возник конфликт, и он способствовал его мирному разрешению, за что одним из ламаистских иерархов Халхи ему был преподнесен титул "Дай гуши" ("Великий наставник") /184, с.61/. С этого времени он стал именоваться Гуши-ханом. Он оста-

вил о себе память как ревностный приверженец ламаизма, по его приказу были переведены с тибетского языка сутра "Алтан гэрэл" и другие религиозные сочинения /184, с.61/.

Как мы уже говорили, прочно обосновавшись в Кукуноре, Гуши-хан разделил свои владения на два крыла — правое и левое, во главе которых поставил своих десятерых сыновей /198, гл.81, л. 6—6об./. Победа Гуши-хана над противниками "желтошапочной" секты способствовала окончательному утверждению теократии в Тибете и абсолютному преобладанию этой секты в стране, что отразилось и на политическом строе Тибета. Опираясь на иноземную силу — ойратов, пятый далай-лама Агван Лубсан-чжамцо стал главой тибетского государства. Он сосредоточил в своих руках верховную светскую и религиозную власть, хотя фактическим правителем в стране сделался Гуши-хан, который пытался закрепить свои полномочия и передать их своим наследникам. Однако далай-ламу не удовлетворяло зависимое положение от Гуши-хана. Не имея возможности выступить против него открыто, он стал искать покровительства маньчжурского императора Китая, надеясь в будущем с помощью маньчжуров избавиться от опеки Гуши-хана.

В 1642 г. далай-лама прислал цинскому императору "верноподданническое послание" и "дань" /198, гл.81, л. 15/. Установив первые официальные контакты с Гуши-ханом и далай-ламой, цинские власти постарались придать им в дальнейшем постоянный характер. Правитель Кукунора Гуши-хан и верховный глава ламаистской церкви стали регулярно отправлять свои посольства к цинскому двору с подарками, которые в "Илэтхэл шастир" трактуются как "дань", и получать ответные дары от маньчжурского императора. Осенью 1652 г. Гуши-хан сопровождал далай-ламу в его поездке в Пекин на аудиенцию к цинскому императору, который оказал ламаистскому иерарху пышный прием. Во время визита далай-ламы в Пекин в 1653 г. Гуши-хан получил от цинской династии почетное звание "Мудрый Гуши-хан, поступающий по закону", грамоту на это звание, писанную золотом на бумаге, и печать /198, гл.81, л. 18об./. Цины стремились превратить теократического правителя Тибета в послушное орудие своей политики, чтобы облегчить реализацию собственных экспансионистских планов в странах монгольского мира, где был широко распространен ламаизм (Кукунор, Халха, Джунгарское ханство).

Как мы уже говорили, тесные контакты кукунорских хошоутов с Цинами были вызваны, по-видимому,

наличием общей границы с Цинской империей и заинтересованностью кочевников в пограничной торговле с Китаем. Другие группы ойратов в этот период были удалены на значительное расстояние от владений Цинской империи, и интересы их правителей на внешней арене пока еще не сталкивались с интересами маньчжурских завоевателей. "Маньчжурские ханы, со своей стороны, оказывали всяческое внимание Гуши-хану, делая на него ставку и стремясь использовать его для борьбы с соседями и в целях оказания влияния на другие группы ойратов" /37, с.163/. Еще в 1646 г. Гуши-хан побывал в Пекине "для представления верноподданнейшего доклада и дани", после чего ему были пожалованы латы, шлем и лук со стрелами /198, гл.81, л. 16об.–17/.

Заслуживает внимания свидетельство "Илэтхэл шастир" о том, что "император отдал под начало Гуши-хана всех ойратов" и что в 1647 г. правитель хошоутов Кукунора прислал в Пекин посла с "верноподданнейшим посланием", в котором он уже именуется "главным" тайджи всех ойратов /198, гл.81, л. 16об.–17/. Цинский двор не случайно выделил правителя Кукунора из значительного числа других ойратских князей, противопоставил его правителю Джунгарского ханства Батур-хунтайджи. Цины прежде всего стремились поссорить ойратских правителей, вызвать междоусобицы среди них и тем самым ослабить независимые ойратские княжества.

Несмотря на установление внешне дружеских отношений между маньчжурским двором и кукунорским правителем, положение на границе между владениями кукунорских ойратов и Цинской империей было напряженным с момента появления ойратов в Кукуноре. Это объяснялось прежде всего общей неурегулированностью отношений между сторонами. Ойраты, если верить китайским источникам, часто нарушали границу Цинской империи и грабили местных жителей, да и сама граница не была точно определена /37, с.168, 169/. Все время возникали споры о подданстве так называемых фаней, т.е. тангутов – жителей соседних с Кукунором Сикана и Сычуани, которые в прошлом подчинялись монголам, а с приходом ойратов стали платить дань и им. Не получил положительного решения и жизненно важный для кочевников вопрос о пограничной торговле.

Уже после смерти Гуши-хана император Шуньчжи пытался урегулировать пограничный вопрос с его преемниками. В императорском указе 1656 г., отправленном сыновьям Гуши-хана – Сэцэн-Дайчину и Далай-батуру, сообщалось о том, что в пограничные районы Ганьсу, Синин и др. послан специальный чиновник

для проведения на месте расследования фактов нарушения границы ойратами и произведенных ими грабежей /198, гл.81, л. 19об./. От кукунорских князей требовалось либо самим прибыть к месту расследования, либо "прислать своих подданных зайсангов, чтобы вместе с чиновниками, ведающими земельными делами, устроить очные ставки и допросить виновных, а затем взыскать с них за вину" /198, гл.81, л. 19об.–20/. В отношении "двоеданцев" – фаней указывалось, что "если они издавна платили дань монголам, то сделать их подданными монголов, а если же они были в прошлом подданными минской династии, то их следует снова причислить к народу Срединного государства" /198, гл.81, л. 20/.

Хотя цинское правительство и предпринимало меры для укрепления обороны границ, но, занятое подавлением сопротивления китайского народа маньчжурам в материковом Китае, оно не располагало еще достаточными силами для того, чтобы решить пограничные конфликты с ойратами военными средствами. Поэтому до поры до времени Цины предпочитали действовать мирным путем, при случае обращаясь за содействием к далай-ламе. Когда в 1667 г. местным властям в Сычуани и Шэньси стало известно о готовящемся крупном вторжении ойратов в пределы Цинской империи, то потребовалось вмешательство самого далай-ламы, чтобы предотвратить вооруженное столкновение. В "Илэтхэл шастир" сообщается, что "далай-лама запретил производить набеги на внутренние земли, и тогда из Хуанчэнэра доложили императору о том, что все обитавшие в Шира-Тала монголы откочевали и, признав свою вину, представили дань из верблюдов, лошадей, коров и овец" /198, гл.81, л. 24об.–25об./. И в дальнейшем далай-лама не раз выступал в роли посредника между Цинами и ойратами или Цинами и восточными монголами, тем самым объективно способствуя достижению целей цинской дипломатии. В 1675 г. кукунорскому правителю Далай-батуру через посла далай-ламы, возвращавшегося в Тибет из Пекина, было передано послание императора Канси "сдерживать людей своего племени и не давать им совершать набеги на пограничные районы" /198, гл.81, л. 26об./.

В 1677 г. в связи с обострением междоусобной борьбы в Джунгарском ханстве Галдан Бошогту-хан сумел расправиться с выступившей против центральной власти коалицией хошоутских князей во главе с Очирту-ханом, владения которого находились в Алашани, к западу от Ордоса. Хошоутские князья были разгромлены, а Очирту убит. Одна часть ала-

шаньских хошоутов бежала в пределы Цинской империи, другая бросилась искать спасения и прибежища у сородичей, обитавших в Кукуноре.

Укрепив свое положение внутри страны, джунгарский правитель Галдан стремился объединить под своей властью всех ойратов и монголов Центральной Азии. Осуществление этих планов грозило положить конец цинской экспансии в северо-западном направлении. Свои притязания на Кукунор Галдан обосновывал тем, что его дед Догшин-нойон принимал участие в завоевании этой территории вместе с Гуши-ханом, а владеют ею только одни хошоуты /198, гл.81, л. 28—29об./. Однако напасть на кукунорских хошоутов он так и не решился, ибо понимал, что это может привести к непосредственному столкновению с маньчжурскими завоевателями, сосредоточившими на границе с Кукунором крупные силы. Тем не менее, по сообщению "Илэтхэл шастир", "хошоутские тайджи испугались, что он неожиданно нападет на них, и, посоветовавшись, тайно отправили к нему человека с предложением породниться. Галдан отдал свою дочь Бом в жены сыну Бошогту-джинона Гэндэру" /198, гл.81, л. 29/.

По-видимому, кукунорские хошоуты вынуждены были пойти и на какие-то уступки в вопросе ограничения своей внешнеполитической деятельности, в частности согласиться координировать свою политику с планами Галдана в отношении Восточной Монголии. По этому поводу составители "Илэтхэл шастир" в резюме биографий хошоутских князей замечают: "В это время из-за незначительного превосходства в силах джунгаров хошоуты убоялись их силы и следовали во всем их словам (приказам. — *В.С.*)" /198, гл.106, л. 4об.—5/.

К тому же внимание Галдана было отвлечено от Кукунора событиями в Халхе, где разгорелась междоусобная война среди восточномонгольских феодалов. Вмешательство правителя Джунгарского ханства во внутренний феодальный конфликт в Халхе привело в конце концов к столкновению между Джунгарским ханством и рядом влиятельных князей Восточной Монголии во главе с Тушэту-ханом Чахундорджи и его братом ламаистским первосвященником Джебдзун-Дамба-хутухтой.

В августе 1688 г. Галдан во главе 30-тысячного войска совершил поход в Халху и вблизи оз. Олохуэй нанес сокрушительное поражение коалиции халхаских феодалов. Последние (в том числе Тушэту-хан, Джебдзун-Дамба-хутухта и др.) обратились в бегство и укрылись со своими людьми во владениях Цинской

империи, где, находясь в бедственном положении, вынуждены были обратиться к императору с просьбой о принятии их в подданство.

Небольшая часть халха-монголов под предводительством Дорджи-Рабдан-ильдэна, сына Тангут-Мэргэн-Дайчина, кочевавшего по соседству с владениями Дзасагту-хана, нашла убежище в Кукуноре, где со временем была причислена к кукунорским хошоутам /111, с.136, 137/. Тогда же в Кукуноре обосновались хойты, правитель которых Гунггэ, внук хойтского тайджи Дзоригту-Хошуучи, во время военных действий, развернувшихся на территории Монголии, откочевал в Кукунор. Хойты составили один хошун, подчиненный хошоутам /111, с.135, 136; 198, гл.86, л. 21–25/. Как отмечает исследователь истории Кукунора В.Успенский, "этим переселением закончились все миграции в Куке-нор с севера, и население оного сформировалось таким образом из Хошотов, Торгутов, Чоросов, Хойтов и Халхасцев, которые подразделялись на 18 известных фамилий" /158, с.117/.

В это время в самом Джунгарском ханстве обострилась внутренняя борьба между ойратскими феодалами, когда против Галдана выступил грозный соперник — его племянник Цэван-Рабдан, сын старшего брата и предшественник Галдана на джунгарском престоле Сэнггэ. Это серьезно ослабило позиции Галдана в ойратском государстве. В 1690 г. император Канси счел момент благоприятным для того, чтобы открыто вмешаться в джунгаро-халхаский конфликт на стороне противников Галдана. В последовавшей вслед за этим агрессии Цинской империи и войне с джунгарами в 1690–1697 гг. цинские войска нанесли поражение Галдану, который, лишившись поддержки своих сторонников в Джунгарии, Халхе, Кукуноре и Тибете, покончил в 1697 г. жизнь самоубийством, приняв яд. Халха еще в 1691 г. под давлением цинского императора объявила на Долоннорском съезде халхаских князей о "принятии подданства", утратила независимость и была поглощена Цинской империей.

Поражение Галдана имело пагубные последствия и для Кукунора, хотя окончательное его превращение в полностью зависимое от династии Цин владение произошло позднее. Хошоутские князья Кукунора, лишившись возможности получать помощь извне в борьбе с экспансией Цинов, вынуждены были покориться им. Используя посулы и угрозы применить военную силу и опираясь на процинские элементы среди владетельных князей Кукунора, главным образом из чис-

ла бежавших сюда джунгарских, хойтских, халхаских феодалов, враждебно настроенных против централизаторской политики Галдана в Монголии, маньчжурские правители Китая смогли навязать кукунорским ойратам "добровольное принятие подданства" и значительно упрочить свои позиции в этом стратегически важном районе.

В 1697 г. министры цинского двора представили на имя Канси "всеподданнейший" доклад, в котором предлагали триумфом отметить это событие: "Кукунор, хотя его жители вообще-то прибывали для представления дани, еще не был включен в число подвластных территорий. Теперь, поскольку все племя чистосердечно приняло наше подданство, Галдану некуда будет податься. Великий государь жителей внутренних земель умиротворил, а жители внешних земель были им усмирены, и с этого времени под его правлением снова объединены" /198, гл.81, л. 42—42об./.

Однако хошоутские князья в Кукуноре еще какое-то время сохраняли остатки былой независимости, поскольку не все пункты законодательства, действовавшего в Южной и Северной Монголии, были распространены на Кукунор (ликвидация ойратских титулов, введение хошунной (знаменной) организации населения и т.д.). Это объяснялось опасением цинского правительства вызвать резкое недовольство местного ойратского населения Кукунора, тем более что преемник Галдана, джунгарский хунтайджи Цэван-Рабдан в первые десятилетия XVIII в. не оставлял попыток оказать влияние на политическую обстановку в Кукуноре и Тибете.

Дальнейшее наступление цинских властей на права хошоутских владетельных князей и грабительская налоговая политика вызвали в 1722—1723 гг. в Кукуноре широкое антиманьчжурское восстание, которое возглавил один из самых влиятельных феодалов — внук Гуши-хана Лубдзан-Данджин. Составители "Илэтхэл шастир" следующим образом описывают действия руководителя восстания: "Лубдзан-Данджин ранее унаследовал от своего отца Даши-батура достоинство цинь-вана и, сопровождая императорскую армию, ходил в Дзу. По возвращении оттуда он, стремясь стать правителем Тибета, тайно обратился за помощью и защитой к Цэван-Рабдану. Он также обманом собрал кукунорских тайджиев и провел съезд в /местности/ Цаган-Тологой. Всем им он велел носить прежние звания этого подданного аймака, а не новые — ван, бэйсэ, гун. Себя же он назвал Далай-хунтайджи и стал править как верховный правитель" /198, гл.81, л. 59об.—60/.

Против Лубдзан-Данджина выступила подстрекаемая Цинами группа влиятельных кукунорских феодалов во главе с цинь-ваном Цаган-Данджином, цзюнь-ваном Эрдэни-Эрхэ-Тогтонаем и др. /198, гл.81, л. 60об.—64об./. Потерпев поражение в борьбе с повстанцами, они обратились за помощью к цинскому императору Юнчжэну, который направил на "умиротворение" Кукунора войска из провинций Ганьсу и Сычуань. Военные действия продолжались год, но в конце 1723 — начале 1724 г. восстание было жестоко подавлено. Лубдзан-Данджину с небольшой группой своих приближенных удалось бежать в Джунгарию. На неоднократные требования цинских властей выдать "мятежника" джунгарское правительство отвечало отказом.

По случаю победы император Юнчжэн составил "Описание умиротворения Кукунора", полный текст которого приводится в "Илэтхэл шастир" /198, гл.81, л. 71—81/. Оно было выбито на каменной стеле, установленной в Государственном училище по воспитанию сынов отечества (Гоцзыщзянь), и содержит изложение правительственной точки зрения на события в Кукуноре высокопарным и велеречивым языком китайских дипломатических документов.

Поражение восстания Лубдзан-Данджина привело к окончательному включению Кукунора в состав Цинской империи, границы которой таким образом вплотную приблизились к юго-восточным границам Джунгарского ханства. На Кукунор была распространена хошунная система управления по образцу Халхи и Южной Монголии, живущие в Кукуноре торгоуты, джунгары, хойты, халхасцы были выведены из подчинения хошоутских князей и объединены в независимые хошуны, правители которых подчинялись непосредственно цинской администрации. Программа мероприятий по "умиротворению" Кукунора, представленная для рассмотрения императору и одобренная им, предусматривала также установление контроля за деятельностью буддийских монастырей и ограничение в них численности монахов, создание военно-земледельческих поселений из ссыльных преступников пяти провинций: Чжили, Аньши, Шаньдун, Хунан и Шаньси /198, гл.81, л. 110, 110об./.

Лубдзан-Данджин укрывался в Джунгарии в течение 30 лет, но в 1755 г. во время похода цинских войск против Даваци он попал в плен. Он не был казнен, потому что имелся указ императора Юнчжэна, избавлявший его от смертной казни /111, с.426, примеч. 503/. Лубдзан-Данджина помиловали, а его сыну Баран-Цаган-Эбугэну было пожаловано перо на головной убор /198, гл.81, л. 111об./. В начале

60-х годов XVIII в. по просьбе кукунорских дзасаков (хошунных командиров) отец и сын были возвращены в Кукунор.

Помимо кукунорских хошоутов в Цинской империи в конце XVIII в. существовали еще две локальные группы хошоутов — в Алашани и Западной Монголии (Кобдоский округ).

Хошоуты поселились в Алашани и в Кукуноре в одно и то же время. К западу от Ордоса в местности Барун-Толи на границе с Кукунором размещались кочевья влиятельного хошоутского правителя Очирту-хана, сына старшего брата Гуши-хана Байбагаса. Очирту-хан считался в Джунгарском ханстве вторым по значению человеком, так как являлся другом и сподвижником покойного основателя ханства Батур-хунтайджи, отца Галдана. Сам Галдан был женат на младшей дочери Очирту-хана Ану и пришел к власти благодаря оказанной ему поддержке со стороны хошоутов. В 70-х годах XVII в. между бывшими союзниками начались разногласия, быстро переросшие в феодальную войну. На стороне Очирту-хана выступили и некоторые халхаские ханы, в том числе и Тушэту-хан Чахундорджи, связанные с хошоутами династическими браками и родственными узами.

В 1677 г., когда Галдан вторгся со своими войсками в Алашань, Очирту-хан был убит. Часть алашаньских хошоутов под началом племянника Очирту-хана Хороли, носившего титул Батур-Эркэ-джинона, бежала на территорию Цинской империи.

Цинское правительство, тайно оказывавшее поддержку противникам Галдана и подстрекавшее их к выступлениям против него, не решилось порвать отношения с Галданом за убийство Очирту и ограничилось дипломатическим демаршем. Так, от посла Галдана, прибывшего вскоре после описываемых событий в Пекин с подарками, часть их принять отказались на том основании, что это якобы трофеи, захваченные джунгарами при разграблении подданного Цинской империи. По этому поводу император Канси заявил: "Очирту-хан, как и Галдан, издавна платили нам дань. Теперь же Галдан, убив Очирту, преподнес нам лук со стрелами и другие вещи. Этого я в скорби своей не /могу/ стерпеть. Возвратите /их/ обратно" /198, гл.79, л. 6/.

Цинские власти долго не могли решить, как поступить с Хороли и его людьми, кочевавшими на приграничных землях Цинской империи в местности Шира-Тала. В "Илэтхэл шастир" сообщается, что прибывшие "разбили свыше 10 тысяч полотняных шатров и монгольских юрт и жили в них" /198, гл.79, л. 6об./. Примечательно явное нежелание цинского

правительства разрешить беглым ойратам кочевать на своих приграничных территориях. С чисто провокационной целью оно даже дало знать Галдану, что тот может окружить их и увести к себе /198, гл.79, л. 11об.—12/. Этим преследовалась цель вовлечь Галдана в войну с хошоутскими феодалами, а заодно и с правителями Халхи. Как справедливо отмечает Л.И.Думан, "Цины заведомо знали, что последний (речь идет о Хороли. — *В.С.*) добровольно не полезет в петлю (Галдан не простил бы ему борьбы в прошлом и бегства), что Галдану для задержания Батур-Эркэ-джинона потребуется применить силу, а это вызовет отпор не только со стороны последнего, но и со стороны его союзников и родичей, в первую очередь Гомбо-Арабдана. Последнему же окажет помощь халхаский Тушэту-хан, так будут приведены в действие силы, способные если не сокрушить, то значительно ослабить Галдана" (цит. по /37, с.178/).

Коварные замыслы цинского императора не остались, по-видимому, незамеченными Галданом, так как, будучи вовлеченным в события, происходившие в Халхе, он отложил решение вопроса об алашаньских хошоутах до лучших времен. Хороли тем временем продолжал кочевать в приграничных районах Цинской империи. В 1685 г., получив приглашение прибыть ко двору, он выехал в Пекин с большой свитой, состоявшей из 700 человек. Однако цинские власти пропустили во Внутренний Китай только 200 человек, а остальных задержали в Южной Монголии в Куку-хото (Гуйхуачэне), выдав им на пропитание казенное зерно /198, гл.80, л. 6об./.

Хороли был оказан в Пекине пышный прием, его принимали при дворе не как рядового владетельного князя, а как великого тайджи /198, гл.80, л. 6об./, т.е. фактически приравняли к лицам, обладавшим ханским титулом, каким, например, был правитель Джунгарского ханства Галдан Бошогту-хан. В честь хошоутского князя устроили прием, "он был призван к императору и пожалован собольей шубой". В "Илэтхэл шастир" приводится указ Канси по случаю прибытия Хороли на аудиенцию, в котором император перечислял "милости", оказанные Цинами Очирту-хану и его потомкам, и выражал свое намерение поселить Хороли вместе с внуком Очирту — Лубдзан-Гомбо-Арабданом в Алашани /198, гл.80, л. 7—9об./.

В 1691 г., когда в связи с захватом Халхи войсками Галдана возникла опасность, что кукунорские и алашаньские хошоуты перейдут на сторону джунгаров, цинское правительство отдало распоряжение переселить алашаньских хошоутов на территорию

Внутренней Монголии и выделить им кочевья в Чахаре в районе Куку-хото. Хороли и другие князья отказались это сделать, так как, по всей видимости, еще надеялись сохранить свою независимость. Их сопротивление было сломлено лишь к весне 1692 г., когда огромная цинская армия выступила на войну с Галданом. Не имея возможности оказать отпор Цинам, Хороли и его сородичи согласились принести повинную при условии сохранения за ними кочевий в Алашани. В 1697 г., после завершения войны с Галданом, цинские власти распространили на алашаньских хошоутов военно-знаменную систему, поделив их на сомоны (роты), сведенные в один хошун под командованием Хороли, который получил титул тору-йин бэйлэ и печать дзасака /198, гл.80, л.18об./.

Небольшая группа хошоутов, пришедшая с Волги вместе с приволжскими торгоутами хана Убаши, была поселена в Западной Монголии в Кобдоском округе в местности Хабчак к югу от Кобдо. Ее кочевья размещались рядом с кочевьями торгоутского сейма Чинсэтхильту под командованием Шара-Кюкена — племянника Шэранга. Это был небольшой хошун, состоявший всего из одного сомона, которым управлял Мэнгун, родственник хошоутского тайджи Баярлаху /111, с.156, 157/. Долгое время он находился в подчинении у торгоутского князя Шара-Кюкена, вплоть до 1722 г., когда "Илэтхэл шастир" была уже составлена, поэтому его биография в ней не приводится. Однако в 1792 г., как сообщается в "Мэнгу ю му цзи", когда "богдохан услышал о жестокостях, причиняемых Шара-хухэном своим подданным, то Мэнгуну повелено было переселиться и кочевать по соседству с Дурботами (дэрбэтами. — *В.С.*)" /111, с.156/.

Дэрбэты приняли цинское подданство в 1753 г., незадолго до кровавых событий, разыгравшихся в Джунгарии. Дэрбэтские князья были связаны с правящей чоросской династией джунгаров происхождением и находились в зависимом от них положении. Ко времени принятия подданства их кочевья располагались в верховьях Иртыша, гранича с территорией Халхи, уже включенной в состав Цинской империи.

В конце 40-х годов XVIII в. после смерти хана Галдан-Цэрэна Джунгарское ханство переживало глубокий кризис, вызванный упадком экономики, которая была подорвана частыми мобилизациями населения, ростом налогового бремени и другими тяготами военного времени перед лицом постоянной угрозы вторжения цинских войск. Разгоревшаяся среди джунгарской феодальной верхушки борьба за ханский престол и последовавшие вслед за этим разоритель-

ные усобицы еще больше ухудшили внутреннее положение в ханстве, что и побудило дэрбэтских князей зимой 1753 г. откочевать вместе со своими аратами в пределы Цинской империи и "изъявить покорность" цинскому императору. Это были три дэрбэтских тайджи, так называемые "три Царинга": Царинг, Царинг-Убаши и Царинг-Мунгкэ /198, гл.95, л. 16/. Во время войны между двумя претендентами на престол — Даваци и Нэмэху-Джиргалом — последний, по свидетельству "Илэтхэл шастир", "заставлял всех дэрбэтов оказывать ему помощь" /198, гл.95, л. 16/. Далее в "Илэтхэл шастир" говорится: "Царинг и другие подумали, что если воспротивиться этому, то они не смогут оказать ему сопротивление, а если примкнуть к нему, то неизвестно, что будет дальше. Они собрали всех своих соплеменников и сказали им: „Если покориться джунгарам, то это не выход /из положения/. Если же примем подданство Поднебесной империи, то они (т.е. джунгары. — *В.С.*) нас никогда не достанут" /198, гл.95, л. 16—16об./.

Вначале дэрбэтские князья были щедро вознаграждены цинским правительством и поселены с подвластными им людьми в Улясутае. Вскоре после этого дэрбэты были распределены по хошунам и сомонам в соответствии с действующим для внутренних монголов законодательством, а их князья назначены дзасаками /108, с.137/. Во время похода цинской армии на Джунгарию против Даваци в 1755 г. дэрбэты принимали в нем участие и оказывали помощь цинским войскам.

Заслуживают внимания приводимые в резюме биографий князей Дэрбэтского аймака факты, свидетельствующие о широком распространении у дэрбэтов земледелия. Так, после прибытия их в пределы Цинской империи Цяньлун распорядился "подыскать им земли, пригодные для земледелия на р. Туйн-гол в местностях Заг Байдариг и Хургира, поселить их там и выдать им из Куку-хото семена для посева" /198, гл.95, л. 21—21об./. В связи с предстоящим военным походом маньчжуро-китайских войск в Джунгарию дэрбэтские князья Царинг и Царинг-Мунгкэ получили приказ отобрать сотню воинов, умеющих сеять хлеб, и вместе с доверенными зайсангами отправить их в Прииртышье /198, гл.95, л. 30об./. Так как они являлись уроженцами здешних мест, знали, где находятся источники воды, и могли заниматься хлебопашеством, то предполагалось их использовать в качестве проводников для специально выделенных воинов, которые должны были заняться в Прииртышье устройством казенных хлебных пашен для снабжения

провиантом и фуражом войск, приготовленных для вторжения в Джунгарию.

После окончания военной кампании против Даваци три Царинга просили цинские власти поселить их на Иртыше, на что получили разрешение /198, гл.95, л. 48об./. Однако вскоре они предпочли занять кочевья в Улангоме на территории Кобдоского округа, которые стали с этого времени местом их постоянного жительства /198, гл.95, л. 54об./.

Последними из всех ойратов приняли подданство Цинской империи приволжские калмыки, в основной своей массе торгоуты. Они прикочевали в Джунгарию в июне 1771 г. во главе со своим ханом Убаши, который вместе с небольшой кучкой представителей калмыцкой знати из своего ближайшего окружения (Цэбэг-Дорджи, Бамбар, торгоутский тайджи Шэрэнг (Цэрэн), бежавший в Россию в 1758 г. после разгрома Джунгарского ханства, и др.) организовал заговор и сумел обманным путем увести из России большую часть калмыков. События в Калмыцком ханстве, предшествовавшие откочевке в Джунгарию, и трудности многомесячного перехода из Поволжья в Джунгарию довольно полно освещены по русским источникам в работах многих исследователей /117; 119; 120; 204/. Подробно рассказавший об этих событиях английский китаист Ч.Баркмэн справедливо указывал: "Совершенно ясно, что торгоуты и не собирались подчиняться китайцам, а надеялись вести в Джунгарии независимое существование. Только после долгих колебаний они пошли на это крайнее средство (имеется в виду принятие цинского подданства. — *В.С.*), к которому их принудили обстоятельства. Страшные удары, которые им были нанесены казахами и киргизами... и долгий переход через Среднюю Азию чрезвычайно изнурили их и сделали бессильными для того, чтобы прорваться в Синьцзян и не считаться с китайским могуществом в этом регионе. По-видимому, торгоуты не совсем были осведомлены о степени нынешнего китайского господства в Джунгарии, составлявшей важную часть их „Новой границы" (Синьцзян)" /205, с.104/.

Общая численность прибывших в Джунгарию калмыков в разных источниках определяется по-разному. В "Илэтхэл шастир" указывается, что Россию покинуло свыше 30 тыс. семей калмыков /198, гл.101, л. 25об./. Та же цифра приводится и авторами "Мэнгу ю му цзи" /111, с.144/. В наиболее авторитетном китайском источнике "Да Цин личао шилу" ("Хроника правления великой /династии/ Цин") говорится, что из России ушло около 33 тыс. семей, или 169 тыс.

человек, из которых только половина (около 85 тыс.) добралась до Китая /205, с.107/. Основываясь на китайских официальных источниках, в том числе и на заявлении самого императора Цяньлуна, Ч.Баркмэн приходит к выводу, что наиболее достоверной следует считать цифру "приблизительно 85 тыс. человек, но в любом случае меньше 100 тыс.человек" /205, с.107/. По его мнению, "если бы их было больше, то император с гордостью упомянул бы об этом" /205, с.107/. С данными Ч.Баркмэна не расходится значительно и оценка численности калмыков в работе А.И.Чернышева — 80 тыс. человек /168, с.160/.

Измученные трудной дорогой, потерявшие в пути десятки тысяч убитыми, пленными, замерзшими, умершими от голода и болезней, калмыки наконец добрались до границ Джунгарии и остановились в местности Тамуха, неподалеку от китайских пограничных постов. Сюда к ним приехали представители местных властей, отправленные илийским военным губернатором, чтобы узнать о причине их прибытия и побудить их принять цинское подданство.

Неожиданное появление калмыков у границ империи весьма встревожило власти и цинское правительство. Некоторые из советников императора с подозрением отнеслись к воинственным кочевникам. Они опасались, что те вынашивают злокозненные планы, тем более что среди них находился бежавший ранее из Джунгарии в Россию торгоутский тайджи Шэрэнг, который в глазах пекинских правителей являлся взбунтовавшимся цинским подданным, "мятежником", "изменнически" убившим во время разгрома Джунгарии цинскими войсками сановника в чине фудутуна Танкалу /111, с.155/. Были приняты некоторые меры предосторожности: в Илийский округ из Халхи и Внутренней Монголии подтянули дополнительные контингенты войск, а главнокомандующий Сэбдэн Балджур получил приказ привести войска в боевую готовность и в случае отказа кого-либо из прибывших калмыцких князей выполнять предписания цинских властей сурово наказать ослушника /205, с.105/.

Однако вскоре стало ясно, что эти опасения лишены всяких оснований. В результате авантюры, затеянной ханом Убаши и его ближайшим окружением в своих узкоэгоистических, классовых целях, калмыки очутились в бедственном положении, и у них не оставалось иного выхода, как принять подданство Китая. Цинское правительство вынуждено было даже оказывать им помощь. На первое время местные власти снабдили их самым необходимым: скотом, юртами, рисом, чаем, материей и т.п.

При получении известия о прибытии калмыков император Цяньлун спешно отправил в Или для ведения переговоров с ханом Убаши и его окружением опытного советника по делам мусульманских племен Шухэдэ, находившегося в то время в Уши (к югу от Тянь-Шаня). Это было вызвано опасением, что военный губернатор Или—Иледу не сумеет справиться с создавшимся положением, и в конце концов Шухэдэ был назначен военным губернатором (цзянцзюнем) Или вместо Иледу /198, гл.101, л. 27/. Император передал через Шухэдэ хану Убаши и главным тайджи приглашение прибыть к нему на аудиенцию в Жэхэ в пров. Чжили, где находились загородная резиденция императора, в которой пекинский двор укрывался от летней жары, и обширные охотничьи угодья императорской семьи (см. /28, с.94, 95/).

Еще до отъезда своих князей в Жэхэ калмыки, прибывшие к границам империи, были расселены на территории Западной Монголии и Джунгарии. Отводом земель для кочевий занимались непосредственно илийский военный губернатор Иледу до своего смещения и главнокомандующий войсками в этом районе Сэбдэн Балджур, заранее предупрежденные правительством о том, что калмыков следует поселить в глубинных районах страны, а не поблизости от границы в Илийском округе, чтобы тем самым исключить всякую возможность их побега в будущем /204, с.109/.

Убаши и главные калмыцкие князья прибыли в Жэхэ накануне 15-го дня 6-го месяца 36-го года правления Цяньлуна (1771 г.) и были приняты императором в охотничьем урочище Муран. В "Илэтхэл шастир" об этом рассказывается так: "Когда Убаши с людьми прибыл туда, их пригласили в ставку и император дал им аудиенцию. Он по-монгольски спрашивал их и, выспросив их подлинные помыслы, наградил парадным платьем, а войлочную одежду, которая была на них, приказал снять" /198, гл.101, л. 30—30об./.

Затем император последовал в свой роскошный загородный дворец Би-шу-шань-чжуань, выстроенный на окраине г.Чан-дэ-ду специально для проведения пышных приемов послов от кочевых народов. Когда калмыцкие князья были доставлены во дворец, "император... устроил праздничные церемонии в дворцовой оранжерее и придворной кумирне, вечером он повелел зажечь различные фонари и устроить фейерверк и одарил каждого /из гостей/ серебром, цветным шелком и различными ценными подарками" /198, гл.101, л. 31об./.

В свою очередь, Убаши преподнес императору две сабли: одну, оправленную семью драгоценными камнями, и другую, покрытую золотом /198, гл.103,

л. 4/. Он сказал, что эти сабли были вывезены из страны Хонггор (по-видимому, Северный Кавказ. — *В.С.*) его прадедом ханом Аюкой, который завещал своим сыновьям и внукам хранить их у себя из поколения в поколение, но Убаши преподносит эти сабли в знак того, что "теперь он на веки вечные стал рабом (boγol) Поднебесной империи и теперь ему не надо будет изнурять себя войнами" /198, гл.103, л. 5/.

Убаши и другие представители знати были пожалованы маньчжурскими феодальными титулами /27, с.193, 194; 198, гл.103, 104, 105/. За Убаши был сохранен его ханский титул с пожалованием почетного звания "Зоригту" ("Храбрый"). Цэбэг-Дорджи получил титул цинь-вана и почетное звание "Буянту" ("Добродетельный"), Бамбар — титул цзюнь-вана и почетное звание "Биширэлту" ("Благословенный"), а Шэрэнг также удостоился титула цзюнь-вана с пожалованием ему почетного звания "Билигту" ("Талантливый"). Среди калмыцких князей, которым при цинском дворе был оказан подчеркнуто благосклонный прием, находился и главный лама калмыков, получивший заверения в том, что калмыки могут свободно исповедовать свою религию /205, с.108/.

Пышным придворным церемониалом, показным радушием, дорогими подарками, демонстрацией военной мощи Срединной империи цинское правительство стремилось произвести впечатление на калмыцких князей и подавить у них в зародыше какие бы то ни было помыслы о сопротивлении. "Добровольное" принятие цинского подданства представителями калмыцкой знати рассматривалось при дворе как несомненное свидетельство великолепного правления Сына неба, считавшего себя верховным правителем всего мира. По этому поводу император Цяньлун лично написал памятную записку и сочинил стихи, в которых воспел столь знаменательное событие /198, гл.101, л. 25—31/.

Официальное принятие прибывшими калмыками подданства Цинской империи позволило императору с гордостью констатировать: "После того как наша династия установила новое правление, взяв монголов под свою опеку и водворив среди них порядок, в настоящее время все монгольские племена стали нашими подданными" /198, гл.101, л. 25/. Подобными рассуждениями о своем стремлении якобы для блага всех народов объединить их в одну семью китайские императоры зачастую прикрывали политику гегемонизма в отношении соседних стран и народов и оправдывали агрессивные действия против них.

На новом месте положение калмыков чрезвычайно ухудшилось. С прежним независимым положением их владетельных князей было покончено навсегда. Поскольку верховная власть над калмыцким народом перешла к цинскому императору, князья лишились фактически своих монопольных прав управления рядовыми кочевниками. Об этом ничего не говорится в китайских источниках, но такие сведения есть в русских источниках. Основываясь на русских документах того времени, Н.Н.Пальмов приводит некоторые сообщения, полученные русскими властями от калмыков, бежавших из Китая: "«Владельцев и зайсангов должность состоит токмо в подаче ведомостей о выбылых людях", — передает Араслан. Владельцы не имеют права собирать подати с калмыцкого народа, вместо нее „производится им пропитание от китайцев", — сообщает тот же Араслан»"(цит. по /120, с.80/). В народной памяти сохранилась песня, сложенная калмыками в Китае и принесенная оттуда на Волгу немногими беглецами, которым удалось вернуться в Россию. В ней содержится такое красноречивое признание: "Освободившись от пеньковых недоуздков России, мы попали в железные недоуздки Китая" (цит. по /121, с.237/).

В дальнейшем цинское правительство пыталось склонить к переходу в Китай и оставшихся в России калмыков, используя для этой цели Шэрэнга в качестве посредника между ними и цинским двором. Тем самым весь калмыцкий народ оказался бы под властью маньчжурских правителей Китая. Эти расчеты цинского императора не оправдались: калмыки, оставшиеся на Волге, не стремились к уходу из России, будучи хорошо осведомлены от тех немногих возвратившихся беглецов о печальном положении своих сородичей в Цинской империи.

СУДЬБА ДЖУНГАРОВ И ПОСЛЕДНЕГО ПРАВИТЕЛЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА ДАВАЦИ

После смерти джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна (1727—1745) резко ухудшилась внутренняя обстановка в Джунгарском ханстве, где разгорелась ожесточенная междоусобная борьба за власть между претендентами на джунгарский престол из правящего дома Чорос. Обращение в конце 1754 г. одного из таких претендентов, Амурсаны, за помощью в Пекин развязало цинскому правительству руки для нанесения последнего удара по Джунгарскому ханству. В 1755—1758 гг. по приказу императора Цяньлуна

огромная цинская армия совершила несколько походов на территорию Джунгарии и, сокрушив всякое сопротивление ойратов, уничтожила их государство, причем цинские войска с исключительной жестокостью расправились с населением Джунгарского ханства, тем самым "раз и навсегда" решив джунгарский вопрос. Китайский историк середины XIX в. Вэй Юань писал: "В Джунгарии насчитывалось несколько сот тысяч семей... четыре десятых умерли тогда от оспы, две десятых бежали в Казахстан и в Россию, три десятых было уничтожено великой армией" (цит. по /46, с.53/).

Ничтожно малое количество оставшихся в живых джунгаров было оставлено для проживания в Илийском округе и, судя по всему, очень быстро растворилось среди переселенных сюда из Внутренней Монголии чахаров, так как ни в "Илэтхэл шастир", ни в других китайских источниках более позднего периода о них ничего не говорится. Другая часть уцелевших джунгаров получила кочевья на р. Амур в пров. Хэйлунцзян. Они официально стали именоваться элётами, а их прежнее название было упразднено /220, т.I, с.11/. В "Илэтхэл шастир" приведены две биографии элётских князей Басанга и Абдаши /198, гл.115, л. 1—8/. О них сообщается, что это элёты и прежде они были подданными джунгаров. Численность этой группы была незначительной, о чем можно судить из содержащегося в биографии Басанга сообщения о том, что его и Абдаши вместе с подданными в количестве 53 человек поселили в местности Хулун-Буир на р.Хара-Мурэн (Амур) /198, гл.115, л. 3/.

Какова же была общая численность населения Джунгарского ханства до завоевания? В "Илэтхэл шастир" данные об этом не приводятся. Н.Я.Бичурин, основываясь на данных "Синьцзян чжиляо" ("Описание Синьцзяна"), указывает, что к середине XVIII в. в Джунгарии в 24 отоках, 21 анги и 9 цзисаях насчитывалось около 200 тыс. кибиток, или 600 тыс. душ обоего пола, из которых половина входила в личный домен самого хана /26, с.134, 135/. Аналогичные сведения содержатся и в составленном в 1763 г. императором Цяньлуном сочинении "Чжуньгээр цюаньбу цзилюе" ("Краткая история всех джунгарских племен") (см. /225, с.12, 13/). Согласно разъяснению Н.Я.Бичурина, "отоками назывались небольшие поколения, в совокупности *составлявшие личный удел* Чоросского хана. Словом *Анги* означались уделы ближайших родственников его и владетелей трех других поколений, составлявших *Ойратство*. Словом *Цзисай* назывались небольшие уделы, данные духовенству для содержания себя" /26, с.130—131/. Та-

ким образом, подавляющее большинство населения Джунгарского ханства составляли джунгары, так как все отоки принадлежали джунгарскому хану и, следовательно, состояли целиком из джунгаров, из 21 анги 6 были джунгарскими, и, хотя неизвестно, к каким именно ойратским этническим группам относилось население 9 цзисаев, можно предполагать, что и оно большей частью состояло из джунгаров. По нашему мнению, в Джунгарском ханстве было не менее 450–500 тыс. собственно джунгаров при общей численности населения в 600 тыс. человек.

Однако все джунгары, жившие в Джунгарском ханстве, были безжалостно истреблены цинскими войсками, и в живых остались лишь те немногие из них, которые ранее откочевали из Джунгарии и "изъявили покорность" цинскому императору. Это прежде всего два хошуна кукунорских джунгаров и два джунгарских хошуна Сайн-нойн-хановского аймака в Халхе общей численностью около 13 тыс. человек, покинувших Джунгарию и принявших цинское подданство после джунгаро-цинской войны 1690–1697 гг.

Незавидной оказалась участь и последнего джунгарского правителя Даваци (Дабачи), который пришел к власти в начале 1753 г., свергнув с престола своего предшественника Лама-Дарджи /26; 54/. В 1755 г. цинский император Цяньлун, воспользовавшись временным переходом на сторону Цинов давнего союзника Даваци в борьбе за власть в Джунгарском ханстве Амурсаны, решил открыто вмешаться в происходившую там междоусобную борьбу. Свое решение развязать войну против независимого соседнего государства он оправдывал тем, что "джунгары издавна были подданными Юаньской династии. Когда они, бежав на северо-запад и полагаясь на свою отдаленность, напали на фаней (тангутов —обитателей Сикана и Сычуани. — *В.С.*), то мой дед — император Шэндзу (Канси. — *В.С.*) трижды самолично ходил на войну с ними, очистил и умиротворил северо-западный край. Отец мой — всемилостивейший император Шидзун (Юнчжэн. — *В.С.*) в свое время из-за того, что Цэван-Рабдан и его сыновья поступали дурно и, ведя себя безрассудно, затевали войны, приказал назначить командующего, выделить войска и отправить их для того, чтобы они взыскали с джунгаров за их провинности и разгромили их" /198, гл.94, л. 7–8/.

Для императора Цяньлуна, как это явствует из его указа, Даваци был всего лишь "мятежным подданным, стремившимся захватить ханский престол" /198, гл.94, л. 8об./. Хотя известно, что военные приготовления для вторжения в Джунгарию велись в Китае уже давно, Цяньлун лицемерно пытается

скрыть этот факт: "Хотя у меня с самого начала и в мыслях не было отправлять против Даваци войска и взыскивать с него за /его/ провинности, но, водворив порядок и обдумывая действительное положение вещей, нельзя в действительности не принимать дальновидных решений. Поэтому, установив причину и следствие (букв. начало и конец. — *В.С.*) использования армии именно в данном случае, мы довели это до сведения внутренних и внешних народов" /198, гл.94, л. 10—10об./.

Ранней весной 1755 г. цинская армия, разделившись на две части — "северную" и "западную", выступила по двум дорогам в поход. Амурсана в качестве "первого помощника" сопровождал со своими людьми "полководца по усмирению пограничных народов Севера" цзянцзюня Банди. Даваци безуспешно пытался предотвратить вторжение цинской армии в Джунгарию. Посол, которого джунгарский правитель отправил к императору "просить прощения за свою вину и предоставить дань", был схвачен помощником "полководца по усмирению пограничных народов Запада" Саралом и заключен под стражу /198, гл.94, л.11—12/.

К лету 1755 г. цинская армия, не встречая никакого сопротивления со стороны джунгаров, овладела центральными районами Джунгарского ханства в верховьях Иртыша и долине р.Или. Многие ойратские феодалы предпочли добровольно сдаться на милость победителя, не ведая, какая печальная судьба ожидает ойратское государство в ближайшие годы. Сам Даваци бежал в Кашгарию, преследуемый специальным отрядом, высланным для его поимки цзянцзюнем Банди. Вскоре в Учтурфане он был схвачен местным правителем Сабек-хаджи (в "Илэтхэл шастир" он назван ушийским Аким-беком Ходжисом) вместе со своим сыном Лобджой и приближенными зайсангами /198, гл.94, л. 13об.—15/.

Переданный цинскому командованию, Даваци был в цепях отправлен в Пекин. Как сообщается в "Илэтхэл шастир", "в первом зимнем месяце после прибытия Даваци в качестве пленного в Великом храме предков царствующей династии были совершены жертвоприношения и устроено прохождение пленных, за которым наблюдал сам император с башни Южных Средних ворот. После этого император простил Даваци его вину и наградил его шапкой, одеждой и серебром" /198, гл.94, л. 16/.

По политическим соображениям цинский двор отнесся милостиво к поверженному врагу. Даваци получил титул цинь-вана, дом в Пекине и вместе с сыном был оставлен для постоянного проживания в

столице. Одновременно император распорядился выбрать 45 семей из числа прежних албату (крепостных людей) джунгарского правителя, переселить их в Пекин и отдать в услужение к Даваци /198, гл.94, л. 21/. Обо всех этих "милостях" приказано было объявить всем ойратским тайджи и всему джунгарскому народу.

Живя в Пекине, Даваци стал свидетелем восстания Амурсаны, карательных походов цинских войск в Джунгарию и окончательной ликвидации ойратского государства, сопровождавшейся уничтожением его населения. Умер Даваци в 1759 г., его сыну было выдано на поминальные дела 1 тыс. лан серебра /198, гл.94, л. 24об./.

Старший сын Даваци Лобджа после смерти отца унаследовал его титул с понижением до цзюнь-вана. Однако в 1774 г. он лишился своего титула, как сообщается в биографии Даваци, за то, что "самовольно установил отношения с чиновниками внешней службы и вымогал у них взятки" /198, гл.94, л.25–25об./.

Тогда же титул, пожалованный в свое время Даваци, был передан с понижением до тору-йин бэйлэ младшему сыну Даваци Бутэги /198, гл.94, л. 26/. Однако в 1781 г. за нерадивость в несении службы его разжаловали по указу императора и вместе со старшим братом Лобджой выслали из столицы. В указе Цяньлуна повелевалось: "Пусть Бутэги вместе с Лобджой поживут в сельской местности и подумают о том, как загладить свою вину. Если еще возникнет подобное дело, то непременно будут приняты более строгие меры наказания" /198, гл.94, л. 26/.

Третьим лицом, наследовавшим этот титул, был Пурэн, старший сын Лобджи. Он получил титул в 1781 г. уже с понижением до хошигун-у бэйсэ, а в 1783 г. этот титул был сделан наследственным и навечно закреплен за его потомками /198, гл.94, л. 26об.–28/.

Судьба Даваци типична для судеб всех ойратских князей, принявших цинское подданство. Из суверенного правителя независимого государства он превратился в простого чиновника на службе у маньчжурского императора Китая со всеми вытекавшими отсюда последствиями, о чем свидетельствует пример его сыновей.

ОЙРАТЫ В СОСТАВЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Начиная с 30-х годов XVII в. маньчжурские правители Китая наряду с завоеванием отдельных частей Монголии должны были попутно решать задачи административного управления вновь приобретенными подданными. В последнем десятилетии XVIIв. окончательно утратили свою независимость княжества Халхи, а их князья сделались вассалами маньчжурских императоров Китая. Затем наступила очередь ойратов, и, как пишет Б.Я.Владимирцов, "все они, кочевавшие и в Джунгарии, и на предгорьях Тибета, и в Алашане, все в половине XVIII в. становятся подданными манджурских императоров, одни „добровольно", другие путем завоевания; многие поколения ойратские при этом погибли совершенно" /36, с.189/.

Вопрос о жизни ойратов в Цинской империи до сих пор еще не нашел подробного освещения в литературе, он никогда не рассматривался отдельно, а только в рамках одной большой проблемы — монголы в составе Цинской империи[1]. В связи с этим нельзя не указать на отличающуюся исключительной точностью и полнотой изложения книгу Н.Я.Бичурина "Статистическое описание Китайской империи" /28/, основанную на материалах цинского свода "Да Цин хуэйдянь" ("Свод законов великой династии Цин") и историко-географического описания Цинской империи "Да Цин и тунчжи" ("Полное описание великой империи Цин") (см. /167, с.134/). И поныне сохраняют свое значение как ценные справочные пособия о цинском Китае книги З.Л.Матусовского /97/ и И.С.Бруннерта и В.В.Гагельстрома /29/, также основанные на китайских источниках. Из китайских работ по данной теме, переведенных на русский язык, следует назвать уже упоминавшееся сочинение двух китайских ученых — Чжан Му по прозвищу Ши Чжоу, и Хэ Цю-тао "Мэнгу ю му цзи" ("Записки о монгольских кочевьях") /111/.

Во второй половине XVIII в., когда маньчжурскими завоевателями было разгромлено Джунгарское ханство, а в Джунгарию в 1771 г. возвратились приволжские торгоуты, уведенные с Волги Убаши-ханом, в основном закончилось сложение административной системы маньчжурского владычества над монгольскими народами. Она-то и нашла свое отражение в "Илэтхэл шастир", в которой в типичной для традиционной китайской историографии манере описаны административное устройство и расселение монголов и ойратов в составе Цинской империи, а также фак-

ты из истории ойрато-цинских отношений предшествующего периода.

Созданная маньчжурами довольно гибкая система управления завоеванными народами призвана была, по замыслу ее учредителей, содействовать использованию военных сил монгольских и ойратских княжеств для упрочения и поддержания господства маньчжуров в Китае и в то же время обеспечить цинским правителям безопасность со стороны самих монголов и ойратов, в которых маньчжурское правительство еще долго видело потенциальную угрозу своему могуществу. С этой целью маньчжурские правители Китая распространили на включенные в состав империи монгольские и ойратские феодальные княжества ту же систему административного и военного управления, которая существовала у маньчжуров, а именно систему знамен, или хошунов (монг. qošiγun, кит. ци).

Знаменная система первоначально была введена маньчжурским полководцем Нурхаци с целью сплочения разрозненных маньчжурских племен — потомков воинственных чжурчжэней в мощную боевую силу нарождающегося маньчжурского военно-феодального государства /222, с.35/. После завоевания Китая знаменная система сделалась средством сохранения господствующего положения маньчжурской знати и военно-феодального служилого сословия, состоявшего из знаменных людей маньчжурского, монгольского и китайского происхождения, которые являлись главной опорой Цинской династии. Маньчжуры, стремясь сохранить свое положение привилегированной касты, не ассимилировались в отличие от прежних завоевателей Китая с местным населением. И этой цели служила также знаменная система, поскольку в ее рамках маньчжуры могли существовать в сплоченных сообществах вне юрисдикции местных гражданских властей. Что же касается Южной Монголии, а затем Халхи и Джунгарии, то распространенная на них знаменная система позволяла маньчжурскому правительству, сохраняя видимость некоторой внутриполитической самостоятельности монгольских и ойратских феодалов, держать их, а через них и всю массу рядовых кочевников в постоянной зависимости от центральной власти и под ее строгим контролем /51, с. 158/.

Успехи агрессивного политического курса маньчжуров в отношении Монголии и Джунгарии и завоевательные походы против этих государств привели к утрате последними своей политической независимости и включению их в состав Цинской империи. Цин-

ский Китай в XVII-XVIII вв. по форме правления представлял собой восточную деспотию, во главе которой стоял император маньчжурской династии Цин, которого считали Сыном неба, правящим Вселенной по велению Неба /114, с.31/. Монгольские и ойратские князья в составе маньчжуро-китайской державы находились на положении "внешних вассалов" маньчжурского императора.

На своеобразный характер взаимоотношений монгольских феодалов с императорами маньчжурской династии справедливо указывал Б.Я.Владимирцов: "Манджурские императоры, еще начиная с XVII в. ...смотрели на себя, как на наследников и продолжателей дела великих ханов монгольской династии Юань, династии, основанной самим Чингис-ханом. Как раньше монгольские феодальные сеньеры, ханы, джинонги, тайджи, владетельные буддийские иерархи признавали или должны были признать верховный сюзеренитет монгольского великого хагана, так теперь они должны были видеть в манджурском императоре своего феодального владельца (ejen). Манджурский император не является для них тем, кем он стал для китайцев, повелителем-хуанди, для монгольских сеньеров манджурский император — их феодальный сюзерен, преемственно получивший права от великих ханов старшей линии дома Чингиса" /36, с.193-194/.

Таким образом, в период маньчжурского владычества верховным правителем Монголии сделался чужеземец — маньчжурский император, который сосредоточил в своих руках верховную государственную власть в Монголии и являлся верховным собственником земли, жалуя подчиненным ему монгольским князьям награды, а также звания и титулы, назначая их наследников, отстраняя от должностей, создавая хошуны и аймаки, устанавливая границы кочевий и т.д. /41, с. 33-37; 179, с.18, 21; 184, с. 186/. Изданные маньчжурской династией законы, хотя и носили ярко выраженный классовый характер и укрепляли феодальные порядки тогдашнего монгольского общества за счет интересов простого народа, в то же время существенно ущемляли права самих монгольских феодалов. Аналогичным было положение и ойратских феодалов, которые оказали ожесточенное сопротивление захватническим планам маньчжуров и в значительной степени были ими истреблены вместе с подвластным населением. Оставшиеся же в живых лишились многих своих кочевий в Джунгарии и были расселены в разных концах обширной Цинской империи, оказавшись территориально разобщенными.

Для управления покоренными монголами и ойратами маньчжуры составили свод законов и создали до-

вольно громоздкую военно-феодальную администрацию, которая управляла завоеванными территориями на совершенно других основаниях, нежели те, которыми руководствовались при управлении 19 провинциями собственно Китая и Маньчжурии.

Органом, непосредственно осуществлявшим функции по исполнению указов императора и распоряжений маньчжурского правительства, была Лифаньюань (букв. Палата по делам зависимых территорий), известная в русской востоковедной литературе под названием Палата внешних сношений. Она была создана в 1638 г. на основе существовавшего ранее в центральном аппарате маньчжурского государства особого учреждения, носившего название Мэнгу ямэнь (Монгольский приказ), который ведал монгольскими делами /51, с. 161/. Необходимость подобной реорганизации по прошествии нескольких лет после завоевания маньчжурами Южной Монголии была вызвана, по-видимому, резким увеличением объема работы по управлению населением присоединенной к Цинской империи Южной Монголии. По-монгольски Лифаньюань называется γadaγadu Mongγol-un törü-yi ǰasaqu yabudal-un yamun — Палата по делам управления внешними /землями/ и Монголией. Любопытно, что в китайском названии Палаты упоминание о Монголии отсутствует, впрочем, как и в ее маньчжурском названии — Тулэрги голо бэ дасара чжургань, — где Монголия также не упоминается, а речь идет просто о внешних провинциях.

Деятельность Лифаньюаня охватывала многие стороны жизни тогдашнего монгольского общества, прежде всего князей. Как указывает И.С.Ермаченко, "в функции Лифаньюаня входило управление монгольскими делами — выдвижение и увольнение чиновников, выдача наград и контроль за наказанием виновных, контроль за прибытием монгольской знати на аудиенцию к императору и за подношением ими дани; инспекционные поездки в земли монголов и на съезды монгольских феодалов, контроль над судопроизводством и перевод документов" /51, с. 162/.

Помимо этого в сферу деятельности Лифаньюаня входили внешнеполитические отношения с Северной Монголией (Халхой), ойратскими ханствами (Джунгарским и Хошоутским в Кукуноре), Тибетом до их завоевания маньчжурами и включения в состав Цинской империи. Когда же жители названных стран вошли в состав империи и сделались, по терминологии цинских источников, "внешними вассалами", вопросы управления ими по-прежнему остались в ведении Лифаньюаня. Через Лифаньюань осуществлялись внешнеполитические сношения с 17 другими государствами,

включая и Россию до 1860 г. Именно это обстоятельство, вероятно, способствовало распространению взгляда на Лифаньюань как на аналог тех учреждений в других странах, которые ведают внешними сношениями государства, что выразилось в неточном, по нашему мнению, переводе названия Лифаньюаня как Палаты внешних сношений.

Как указывалось выше, положение монголов в составе Цинской империи отличалось от положения китайцев. В качестве "внешних вассалов" маньчжурского императора монголы и ойраты имели особый статус, который определялся специально изданными цинским правительством законодательными актами, и в первую очередь так называемым "Монгольским уложением" (кит. "Циньдин Лифаньюань цзэли" — "Высочайше утвержденное уложение Палаты по делам зависимых территорий"; монг. "Ɣadaɣadu Mongɣol-un törü-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli" — "Уложение Палаты по делам управления внешними /землями/ и Монголией").

Прежнее деление Монголии на улусы, тумэны и отоки, а также существовавшее в Джунгарском ханстве деление на отоки, анги и цзисаи /26, с. 130/ было аннулировано, место прежних больших и малых феодальных владений монгольских и ойратских князей заняли хошуны. Все взрослое мужское население монгольских и ойратских хошунов несло воинскую повинность, было превращено в солдат хошунного войска. Хошун (кит. ци — знамя) представлял собой военную единицу (примерно дивизию), во главе которой находился хошунный правитель (qošiɣun-u ǰasaɣ). Всякий хошун во главе с владетельным князем получил, таким образом, особое военное знамя. В то же время он был и феодальным уделом, закрепленным за своим командиром. Поскольку владения различных князей были неодинаковы, то и ойратские хошуны также с самого начала разнились по количеству входящих в их состав воинов. Хошун делился на сомоны (эскадроны), в которых было 150 воинов. 6 эскадронов составляли полк (цзалан). Из этих полков и эскадронов и состоял хошун, управлявшийся хошунным дзасаком (правителем, монгольское слово ǰasaɣ означало "правительство" и "правитель"), который совмещал в своем лице и дивизионного командира и гражданского правителя.

Дзасаки, как князья-правители, обладавшие полной юрисдикцией /36, с. 179/, были в Монголии еще до установления там маньчжурского господства, а у ойратов они появились позже. После завоевания маньчжурами Монголии дзасаки продолжали пользоваться

наследственной властью, однако должны были утверждаться императором. Монгольские исследователи отмечают, что "император Канси при введении хошунной системы пересмотрел наследственные права всех монгольских князей", их феодальные уделы и утвердил определенное число князей наследственными владетелями хошунов. Тем самым маньчжурский император как бы заново жаловал земли монгольским князьям во владение" /58, с. 187/.

Все прежние титулы и звания монгольских и ойратских князей были отменены, так как маньчжурская администрация, распространив на завоеванные монгольские и ойратские княжества знаменную систему, тем самым как бы превратила монгольскую и ойратскую знать в чиновников цинского правительства. Для них были введены маньчжурские феодальные звания. Каждому княжескому званию полагались особые внешние знаки отличия, тем, кто имел звание, выплачивалось определенное жалованье. Все эти звания были затем зафиксированы в "Монгольском уложении". По степени значимости княжеские звания подразделялись следующим образом, начиная с самого высшего /29, с. 372, 373/: князь 1-й степени, или цинь-ван (монг. qošoi čing-wang, кит. хо-шо цинь-ван); князь 2-й степени, или цзюнь-ван (монг. törü-yin giyün-wang, кит. до-ло цзюнь-ван); князь 3-й степени, или бэйлэ (монг. törü-yin beyile, кит. до-ло бэй-лэ); князь 4-й степени, или бэйсэ (монг. qosiγun-u beyise, кит. гу-шань бэй-цзы); князь 5-й степени, или улус-ун тушийэ гун (монг. ulus-un tüsiye güng, кит. фэн-энь чжэнь-го гун); князь 6-й степени, или улус-тур тусалагчи гун (монг. ulus-tur tusalaγči güng, кит. фэн-энь фу-го гун).

Остальные же князья, в большинстве своем невладетельные, т.е. не обладавшие полной юрисдикцией и не бывшие дзасаками, получили звания тайджи, нечто вроде потомственных дворян в европейских странах и России. Тайджи разделялись на четыре степени (ǰerge), причем дзасаками (хошунными командирами) могли быть только тайджи 1-й степени.

В делах управления хошунным командирам помогали особые помощники — тусалагчи (монг. tusalaγči). В зависимости от величины хошуна их было один или два. Тусалагчи ведал гражданскими делами, дзахиругчи (монг. ǰakiruγči) занимался военными делами. Раз в три года хошунные правители, связанные друг с другом узами родства и ранее входившие в одну территориальную единицу — аймак, съезжались в определенные пункты, где в присутствии предста-

вителей маньчжурской администрации проводили свои съезды (монг. čiγulγan). Эти съезды в дореволюционной русской литературе получили название сеймов. Роль аймачных съездов была невелика, а их председатели (монг. čiγulγan-u daruγa), лишенные какой бы то ни было самостоятельности в принятии решений, "играли главным образом роль посредников между маньчжурскими властями и монгольскими хошунными дзасаками" /58, с.187/. В военном отношении хошуны, входившие в состав определенного сейма, составляли военный корпус, а председатель сейма являлся командиром корпуса. Ранее председателями сеймов избирались хошунные дзасаки по принципу старшинства, и естественно, что ими оказывались чаще всего монгольские ханы. Впоследствии, как указывал З.Матусовский, этот порядок был пересмотрен и на места корпусных командиров — председателей сеймов маньчжурское правительство стало назначать дзасаков в зависимости от их способностей /97, с. 280/.

Выше уже отмечалось, что в Цинской империи ойраты были в территориальном отношении разобщены, занимаемые ими территории оказались удаленными друг от друга порой на весьма значительные расстояния. Такое положение объясняется, с одной стороны, тем, что переход различных ойратских феодалов вместе с их податным населением на сторону маньчжуров происходил не одновременно, а с другой — целенаправленной политикой цинского правительства, видевшего в территориальном разобщении своих подданных возможность избежать их политического объединения. К концу XVIII в., т.е. к моменту завершения работы по составлению и изданию "Илэтхэл шастир", ойраты входили в состав следующих административно-территориальных единиц:

Кукунор. Всего здесь имелось 29 хошунов, из которых 28 хошунов было ойратских и 1 халхаский. В состав 28 ойратских хошунов входили: 21 хошун хошоутов, 2 хошуна джунгаров, 4 хошуна торгоутов и 1 хошун хойтов /28, с. 90; 29, с.388, 389; 97, с. 294-297; 111, с. 116-137/. Все они подчинялись представителю высшей маньчжурской власти в Кукуноре — амбаню, находившемуся в Синине (пров. Ганьсу). В "Илэтхэл шастир" материалы, касающиеся этой территориальной группы ойратов, рассматриваются в резюме биографий кукунорских элётов (гл.81) и в биографиях князей кукунорских ойратов (гл. 82-90).

Внешняя, или *Северная*, *Монголия*. В нее входили:

а) Халха. В административном отношении Халха разделялась на 4 аймака, но ойраты кочевали на территории только двух из них, а именно Сайн-нойн-

хановского (Цецерликского) и Дзасакту-хановского. В Сайн-нойн-хановском аймаке было 2 ойратских хошуна, в них жили джунгары /97, с.287; 111, с. 84-86/. В "Илэтхэл шастир" сведения об этих хошунах излагаются в биографиях их правителей Арабдана (гл. 77) и Данджилы (гл. 78). Кроме того, в Дзасакту-хановском аймаке имелся еще один небольшой хошун хойтов, состоявший всего из одного сомона /111, с.114, 115/. Сведений о нем в работах русских ученых нет, но в "Илэтхэл шастир" приводятся данные об этом хошуне в биографии элётского тайджи 1-й степени Галдандарджи (гл. 68, л.7-20об.). Подчинялись они, как все монгольские аймаки, улясутайскому цзянцзюню — высшему представителю цинской власти в Северной Монголии. Примечательно, что эта должность первоначально была утверждена как чисто военная в первой половине XVIII в., в эпоху ожесточенных войн Цинской империи с Джунгарским ханством. Позднее, по окончании войн, в функции улясутайского цзянцзюня помимо решения чисто военных дел вошло и управление гражданскими делами /28, с.378/. Его власть распространялась одно время на все 4 аймака Халхи, но затем, с учреждением должностей особых правителей (хэбэй-амбаней) в Урге и Кобдоском округе, часть функций военного губернатора была передана им, а в его компетенции осталось только заведование двумя вышеуказанными аймаками Халхи /29, с. 378/.

б) Кобдоский округ. В состав Кобдоского округа входили собственно монгольские и ойратские хошуны, причем ойратские составляли большинство и насчитывали в общей сложности 20 хошунов. Они входили в состав двух сеймов: Сайн-Цзаягату (sayin ǰayaɣatu — "Имеющий хорошую судьбу") с его 16 хошунами (2 хошуна хойтов и 14 — дэрбэтов, из которых 11 составляли правое крыло, а 3 — левое) и Чин-сэтхильту (čing sedkiltü — "Верный") с 4 хошунами (2 хошуна "новых" торгоутов, 1 хошун "новых" хошоутов и 1 хошун захачинов) /28, с.97; 29, с. 367, 377; 97, с.297-299; 111, с. 137-143, 154-157, примеч. 609, с.486-487/. Указанные хошуны находились в непосредственном подчинении у кобдоского хэбэй-амбаня, который первоначально являлся помощником военного губернатора в Улясутае. Должность хэбэй-амбаня в Кобдо была основана в 1731 г., когда сюда был откомандирован для подготовки военных действий против джунгаров один из помощников улясутайского цзянцзюня, а позднее, в 1834 г., Кобдо сделался постоянной резиденцией этого помощника /29, с.380/. Как отмечают И.С.Бруннерт и В.В.Гагельстром, "хэбэй-амбани... представляют собой высший орган правительственной власти в Монголии" /29, с.380/.

В "Илэтхэл шастир" материалы о дэрбэтах сейма Сайн-Цзаягату Кобдоского округа излагаются в резюме биографий князей Дэрбэтского аймака (гл.95) и главах, посвященных биографиям дэрбэтских князей (гл. 96-99). В гл.100 помещены биографии хойтских дзасаков Дамарина и Лубдзанга, хошуны которых относились к сейму Сайн-Цзаягату.

Что же касается второго сейма — Чин-сэтхильту, то он состоял из 2 хошунов торгоутов, прибывших из России и находившихся под командованием Шэрэнга и его племянника Шара-Кюкэна /198, гл. 104, л.6об.; 96, с.150/. По возвращении Шэрэнга в Джунгарию в 1771 г. цинские власти поспешили отделить его с подданными от общей массы калмыков и отвели им кочевья в Кобдоском округе на р. Булгун, к югу от Алтайских гор и к юго-западу от г. Кобдо. Кобдоский округ являлся исконно ойратской территорией, но после поражения Галдана в джунгаро-цинской войне 1690—1697 гг. он был отторгнут Цинской империей и в конце 20—30-х годах XVIII в., когда цинское правительство разрабатывало планы окончательного сокрушения Джунгарского ханства, фактически превращен в военный лагерь. В этом пограничном районе были построены крепости и размещены многочисленные гарнизоны.

История двух торгоутских хошунов сейма Чин-сэтхильту освещается в "Илэтхэл шастир" в резюме биографий князей Торгоутского аймака (гл.101) и в биографиях их дзасаков Шэрэнга и Шара-Кюкэна (гл. 105). О количестве сомонов в хошуне Шэрэнга цинские источники не сообщают, скорее всего он был только один. В хошуне Шара-Кюкэна было всего два сомона /111, с. 155/.

Данные о захачинском хошуне и о захачинах можно найти в пространной биографии захачинского гуна Мамута (гл. 115, л.9-32об.).

Рядом с кочевьями торгоутов в Кобдоском округе в местности Хабчак к югу от Кобдо размещались кочевья небольшого хошуна хошоутов, прибывших из России вместе с торгоутами. В хошуне был всего один сомон, которым управлял Мэнгун, родственник хошоутского князя Баярлаху /97, с.156/. Сведения о хошуне сейма Чин-сэтхильту в "Илэтхэл шастир" отсутствуют. Это объясняется тем, что первоначально хошоуты, относящиеся к данному хошуну, находились в подчинении у торгоутского князя Шара-Кюкэна, но затем цинское правительство позволило им переселиться и кочевать по соседству с дэрбэтами. В самостоятельный хошун эта группа хошоутов была выделена в 1796 г. /111, с.155/, т.е. уже после того, как работа по составлению официальных родословных

и биографий закончилась, и составители не успели поместить биографию правителя нового хошуна в "Илэтхэл шастир".

Внутренняя, или Южная, Монголия. Здесь обитало три группы ойратов:

а) Так называемые алашаньские монголы, по своему происхождению хошоуты. В конце XVII в., признав над собой власть цинского императора, они поселились в местности Алашань, расположенной к северу от пров. Ганьсу (Н.Я.Бичурин называет их "заордосскими элютами") /28, с. 91; 29, с. 386, 388; 97, с. 224; 111, с. 115-116/. Их был 1 хошун, состоявший из 8 сомонов. В военном и административном отношении они подчинялись нинсяскому цзянцзюню, командовавшему знаменным гарнизоном в г. Нинся (пров. Ганьсу). Поэтому они иногда назывались еще монголами Нинсяского округа /29, с. 386/.

В "Илэтхэл шастир" алашаньским ойратам, несмотря на их малочисленность, отведено довольно много места: в резюме биографий алашаньских элётов (гл. 79) и биографии хошоутского Хороли (гл. 80).

б) Эцзинейские торгоуты. Эта небольшая группа ойратов обитала к западу от кочевьев алашаньских ойратов и составляла 1 хошун, в котором был всего 1 сомон /28, с. 91; 29, с. 386, 388; 111, с. 152-154/. Они именуются "старыми" торгоутами, а их правители вели свое происхождение от двоюродного племянника Аюки-хана Арабджура, который в 1698 г. отправился с берегов Волги через Джунгарию на богомолье в Тибет к далай-ламе, но из-за ухудшения отношений между калмыцким ханом Аюкой и джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом не смог вернуться домой и остался в Китае. В 1717 г. он умер, а его сыну Данджуну в 1731 г. были отведены кочевья на р. Эцзиней-гол /111, с. 153; 198, гл. 102, л. 4об.-6/. В военном и административном отношении эцзинейские торгоуты, как и алашаньские ойраты, были подчинены нинсяскому военному губернатору. В "Илэтхэл шастир" данные о них изложены в биографии хошигун-у бэйсэ Арабджура (гл. 102).

в) Так называемые чахарские монголы. И.С.Бруннерт и В.В.Гагельстром указывают, что их отличие от остальных монголов заключалось в том, что они "совершенно утратили у себя родовое управление", а "кочевья их располагаются по Великой стене, за границами областей Сюань-хуа-фу Чжилийской и Датун-фу Шаньсийской провинции" /29, с. 384-385/. Всего они составляли 8 хошунов и подразделялись на два крыла: левое (восточное) и правое (западное) /29, с. 384, 385; 97, с. 302/. В военном отношении они

подчинялись командиру чахарского знаменного корпуса, или чахарскому военному губернатору (дутуну), находившемуся в Калгане (кит. Чжанцзякоу, монг. Čiqulaltu γaγalγa /29, с. 387/. По происхождению это были хошоуты. В "Илэтхэл шастир" данные о хошоутах, поселенных в Чахаре, приводятся в гл. 114 в биографиях трех князей — хошоутского хошигун-у бэйсэ Нагацы (л. 1-13об.), хошоутского улус-тур тусалагчи гуна Сэбдэна (л. 14-16), хошоутского засак тайджи 1-й степени Тэмэчи (л. 17-19об.). Чахарские хошоуты до середины XVIII в. обитали в Джунгарском ханстве, но в 1755 г., спасаясь от преследований хана Даваци, откочевали вместе с Амурсаной в Китай. Однако они не принимали участия в восстании Амурсаны, поэтому сумели избежать участи джунгаров и уцелели во время разгрома Джунгарии и резни, учиненной там цинскими войсками. В 1758 г. императорским указом эта группа хошоутов была поселена в Чахаре.

Синьцзян. Этот новый военно-административный район был создан на территории Джунгарии и Восточного Туркестана. В 1757-1759 гг. Цинская империя разгромила, как мы уже говорили, Джунгарское ханство и зависимое от него восточнотуркестанское теократическое государство. Территория Джунгарии, опустошенная в ходе военных действий и сильно обезлюдевшая, была разделена на три округа: Илийский, Тарбагатайский и Урумчинский. На ней почти не осталось ойратского населения. Илийский и Тарбагатайский округа вместе с округами, созданными на территории Восточного Туркестана, были включены в состав новой административной единицы, получившей название Синьцзян, а Урумчинский округ, занимавший важное в стратегическом отношении положение, вошел в состав наместничества Ганьсу-Шаньси, т.е. стал относиться к территории собственно Китая /165, с. 171/.

В июне 1771 г. в Синьцзян прибыли волжские торгоуты и хошоуты, уведенные из России ханом Убаши. Основная масса прибывших калмыков была поселена в Синьцзяне в долинах рек Юлдуса, Кобука, Куркара-усу и в окрестностях Кульджи. Среди торгоутов было учреждено 10 хошунов, сведенных в сейм Унэн-суцзукту ("Правоверный, истинно верующий"), среди хошоутов — 3 хошуна, составлявших отдельный сейм Бату-сэтхильту ("Надежный") /29, с. 368, 369; 97, с. 299; 111, с. 143-152; 204, с. 108-110/.

Сейм Унэн-суцзукту состоял из четырех отделов. В Южный отдел входили 4 хошуна, во главе которых находились хан Убаши, его двоюродный брат Бэр-Хашиха и двоюродные племянники Эмэгэн-Убаши и Бай-

джиху /111, с. 145-147; 198, гл. 103, л. 1-12об./. Сначала им были отведены кочевья в Тарбагатайском округе Джунгарии в местности Чжайр /198, гл. 103, л. 6об./, а в 1773 г. они были переселены на территорию Восточного Туркестана в Карашарский округ. Эта часть торгоутов во главе с Убаши и хошоуты были поселены здесь на постоянное местожительство в удаленных от границы районах Восточного Туркестана с мусульманским населением. В административном отношении они находились в ведении карашарского правителя, подчиненного непосредственно илийскому военному губернатору. Из 4 хошунов Южного отдела сейма Унэн-суцзукту самым большим был хошун Убаши, состоявший из 50 сомонов; в хошуне Эмэгэн-Убаши было всего 2 сомона, а в хошунах Байджиху и Бэр-Хашиха — по 1 сомону /111, с. 146/.

Большая часть хошоутов, прибывшая из России, была размещена вместе с торгоутами Убаши-хана в Карашарском округе. Ранее на Волге хошоуты находились в подчиненном положении у наместника Калмыцкого ханства, но в Цинской империи они были выведены из подчинения хану Убаши и сведены в отдаленный сейм Бату-сэтхильту. У них было учреждено 3 хошуна под властью Ярампила, Нохайа и Баярлаху /198, гл. 107, л. 6-12/.

Северный отдел сейма Унэн-суцзукту состоял из 3 хошунов, находившихся под властью Цэбэг-Дорджи, его сына Гунггэ-Цэрэна и брата Цэбэг-Дорджи Агсахала /198, гл. 103, л. 13-23/. Цэбэг-Дорджи был правнуком Гунджаба, сына хана Аюки, внуком Дондук-Омбо /198, гл. 103, л. 13-13об./ и таким образом приходился хану Убаши троюродным племянником. Он прибыл в Китай со своим улусом, насчитывавшим свыше 3 тыс. семей /111, с. 465/, и был переселен в местность Хобок-сари в Тарбагатайском округе Джунгарии. Эта местность находилась на юго-западе от Алтайских гор на расстоянии 600 с лишним километров от г. Тарбагатая. До гибели Джунгарского ханства здесь кочевали джунгарские князья /111, с. 148/. Хошун Цэбэг-Дорджи состоял из 4 сомонов, хошун его сына Гунггэ-Цэрэна — из 6, хошун Агсахала — из 4 сомонов /111, с. 149/. Все 3 хошуна находились в ведении тарбагатайского правителя (цаньцзань дачэня), подчиненного военному губернатору Или /111, с. 150/.

Западный отдел сейма Унэн-суцзукту состоял всего из 1 хошуна под командованием Момунту, в хошуне было 4 сомона /111, с. 151, 152; 198, гл. 104, л. 11-13об./. В 1771 г. Момунту прибыл в Китай. Еще в 1773 г. были отведены кочевья на восточном берегу р. Цзинхэ к северу от Тянь-Шаня и к востоку от г. Или

(Новая Кульджа) в пограничном Илийском округе Джунгарии /198, гл. 104, л. 12об./. Хошун Момунту в административном отношении подчинялся непосредственно военному губернатору Или /111, с. 150/.

Восточный отдел сейма Унэн-суцзукту состоял из 2 хошунов, отданных под власть дальнего родственника хана Убаши Бамбара и его племянника Кибдэна, сына младшего брата Бамбара Эмчина /111, с. 150, 151; 198, гл. 104, л. 1-10/. Бамбар был правнуком Назар-Мамута, двоюродного брата Аюки-хана /198, гл. 104, л.1/. По прибытии в Джунгарию они получили кочевья в Урумчинском округе на р. Чжиргалан на юго-западе от г.Кур-кара-усу (кит. Цинсуйчэн) /111, с. 150, примеч. 574, с. 466/. Занимаемая ими территория прежде также принадлежала джунгарам. В хошуне Бамбара было 4 сомона, а в хошуне Кибдэна — 3. В административном отношении оба хошуна находились в ведении куркараусуского правителя, подчиненного урумчинскому дутуну и военному губернатору Или /111, с. 151/.

Таким образом, оба синьцзянских сейма находились в подчинении у илийского цзянцзюня, должность которого была учреждена в 1764 г. /29, с. 280, 369/. Сведения о торгоутах первого сейма в "Илэтхэл шастир" можно найти в резюме биографий князей Торгоутского аймака (гл. 101) и биографиях торгоутских князей (гл. 103, 104). О хошоутах говорится в резюме биографий князей Хошоутского аймака (гл. 106) и биографиях хошоутских князей (гл. 107).

Общая численность ойратских хошунов в Цинской империи в конце XVIII — начале XIX в., согласно данным Н.Я.Бичурина, почерпнутым им из китайских источников, где дается перепись населения, составляла 62 хошуна с 37775 военнослужащими хошунными людьми[2]. Он перечисляет следующие территориальные группы ойратов, входившие в эти хошуны: "заордосские элюты" (имеются в виду алашаньские ойраты), эцзинейские торгоуты и "ойраты Чжуньгарии", куда Н.Я.Бичурин включил ойратов Кобдоского округа и Синьцзяна. Он указывал: "В сию перепись (речь идет о переписи лиц, состоявших на военной службе. — *В.С.*) вносят дворян и военных, имеющих от 18 до 60 лет, и список сопровождается в Приказ внешних сношений. Духовные, отставные, увечные, женщины, малолетние дети и невольники числятся в списках, хранящихся в княжеских канцеляриях. Если общий итог военнослужащих помножим на 10, то получим приблизительное число всего народонаселения Монголии" /28, с. 92/.

Основываясь на данных Н.Я.Бичурина о количестве ойратских хошунов и причисленных к ним хошунных

людей, можно вывести общую численность всего ойратского населения в Цинской империи — 377 750 человек. В своем подсчете численности народонаселения Н.Я.Бичурин исходил из того факта, что каждый сомон состоял из 150 кавалеристов /28, с. 88/, и эту цифру умножил на 10. Тем самым общее количество людей в 15 десятках аратских хозяйств, которые должны были выставлять не менее 150 конных всадников в полном снаряжении (см. /41, с. 48; 55, с. 121/), составляло около 1,5 тыс. человек. Нам неизвестна точная численность всего населения сомона, хотя можно предполагать, что в различных сомонах она была различной. Тем не менее цифра, приведенная Н.Я.Бичуриным, не вызывает особых возражений. Это подтверждается и данными, содержащимися в "Илэтхэл шастир". В гл. 115 указывается, что в 26-м году Тэнгри-йин тэтхугсэн (т.е. в 1761 г. — *В.С.*) после принятия подданства захачинами у них было создано 9 сомонов, в каждом из которых было по 2 тыс. душ /198, гл. 115, л. 31об./.

Однако Н.Я.Бичурин при подсчете учел не все территориальные группы ойратов. Вне поля его зрения остались ойраты в Чахаре, захачины, два джунгарских хошуна Сайн-нойн-хановского аймака в Халхе и один хойтский хошун Дзасакту-хановского аймака Халхи. Поэтому следует дополнить его сведения новыми данными из "Илэтхэл шастир".

Чахарские ойраты. В "Илэтхэл шастир" данные о их численности отсутствуют, хотя в этом источнике помещены биографии трех хошоутских князей, поселенных со своими людьми в Чахаре /198, гл. 114/. Первоначально они были подданными Амурсаны, вместе с ним в 1755 г. откочевали из Джунгарии в Китай и приняли подданство Цинской империи. Сколько при этом хошунов и сомонов было учреждено среди них, в "Илэтхэл шастир" не говорится. Поскольку в ней, помещены биографии трех хошоутских князей, обитавших в Чахаре, можно предположить, что было образовано не более 3 хошунов, каждый из которых включал в себя 1 сомон. Общее количество населения было 4,5 тыс. человек.

В Чахаре кроме ойратов (хошоутов по происхождению) кочевали меркиты, баргуты, солонгуты, суниты и другие этнические группы восточных монголов. Местное монгольское население имело чрезвычайно пестрый, смешанный состав, поэтому в скором времени ойраты совершенно растворились в их среде. Проезжавший осенью 1877 г. через Чахар А.М.Позднеев обнаружил здесь всего 2 ойратских сомона, кочевавших в местности к западу от станций Халютай и Орой /123, с. 137/. Он писал: "Все эти различные

поколения в настоящую пору называют себя однако и сами чахарами, так что теперь трудно и узнать истинное происхождение той или другой частной личности. Стремившаяся к разъединению цельных племен политика маньчжуров так перемешала все эти поколения, а сами монголы настолько равнодушны к своему прошлому, что теперь... разве в старинном княжеском доме или от какого-нибудь завзятого книжника можно узнать, какому принадлежит он происхождению и где жили первоначально его предки" /123, с. 137/.

Все чахарские монголы считались состоящими на службе у цинского правительства и получали от цинского двора жалованье за свою службу. Одни из них были причислены к привилегированным восьмизнаменным частям, в которых несли строевую военную службу, другие присматривали за многочисленными императорскими стадами, пасущимися на специально учрежденных в чахарских кочевьях пастбищах, третьи были прикреплены к почтовым станциям-уртонам /28, с. 95; 123, с. 137, 138/.

Захачины. В "Илэтхэл шастир" история захачинов в последние годы существования Джунгарского ханства довольно обстоятельно излагается в биографии захачинского князя Мамута (гл. 115, л. 9-32об.). В ней, в частности, объясняется происхождение самого слова "захачин": "Захачины — это слово, означающее „караульное войско" (qaraγul-un čirig)" /198, гл. 115, л. 9/. Согласно китайским источникам, захачины в Джунгарском ханстве составляли отдельный оток. Они управлялись тремя зайсангами и объединяли 2 тыс. семейств /26, с. 131; 225, с. 127/. Таких отоков у джунгаров было всего 24. Оток, по разъяснению китайского источника "Сиюй вэнь цзянь лу" ("Описание Западного края"), — "подчиненная хану группа, племя, род (部 бу)" (цит. по /49, с. 72, примеч. 4/). Бичурин уточняет это определение и указывает, что "отоками назывались небольшие поколения, в совокупности составлявшие личный удел Чоросского хана" /26, с. 130/. Как можно видеть, этноним "захачин" является формой множественного числа с ныне неупотребительным суффиксом — *н* от суффикса имени деятеля на — *чи* (корень слова *заха* — край, граница). В первой половине XVIII в. кочевья захачинов находились в районе Улан-усу на границе, разделявшей владения Джунгарского ханства и Цинской империи /225, с. 73, примеч. 117/.

Захачинский зайсанг Мамут, чья биография помещена в "Илэтхэл шастир", в 1754 г. был захвачен в плен цинскими войсками и изъявил желание принять

подданство Цинской империи, за что от императора Цяньлуна получил титул придворного сановника (dotoγadu sayid). Позднее за участие в походе против Даваци он в 1755 г. был пожалован в гуны 2-й степени и удостоился почетного титула "Итгэмджиту багатур" ("Верный богатырь") /198, гл. 115, л. 21-21об./. Во время восстания Амурсаны Мамут находился в Или и попал в плен к восставшим. Он отклонил предложение Амурсаны примкнуть к восставшим и был казнен. "Илэтхэл шастир" сообщает: "После того как императорская армия усмирила Или, мятежники были закованы в железа и доставлены /в Китай/, император приказал выспросить у них обстоятельства гибели Мамута. Скорбя по поводу его смерти, он написал стихотворение, в котором прославил Мамута как верного и отважного героя и сказал, что слава его переживет тысячу лет" /198, гл. 115, л. 27-27об./.

Отряды захачинов вместе с цинскими войсками принимали участие в подавлении восстания Амурсаны и "умиротворении" Джунгарии. В "Илэтхэл шастир" говорится, что "в первом осеннем месяце /21-го года Тэнгри-ийн тэтхугсэн/ (т.е. в 1756 г. — *В.С.*) император повелел расселить хойтов и дэрбэтов каждого по своим кочевьям (nutuγ) и решить этот вопрос в отношении захачинов" /198, гл. 115, л. 28-28об./. Тогда же захачины были поселены в Кобдоском округе южнее крепости Кобдо. Хотя захачины и пользовались весьма благосклонным отношением со стороны цинских завоевателей, они также пострадали от военных действий и последствий "смутного времени" в Джунгарии. В 1760 г. захачинскому правителю Мэндуши, правнуку Мамута, удалось добиться от цинского правительства освобождения от уплаты налога верблюдами и лошадьми и "император, ввиду того что территория кочевания захачинам была отведена недавно и хозяйство у них слабо налажено, повелел освободить их от этого налога" /198, гл. 115, л. 31/.

Можно попытаться определить общую численность захачинов, хотя сведения о ней в источниках крайне противоречивы. Н.Я.Бичурин приводит следующие цифровые данные о захачинах: они составляли 1 хошун, в который входили 4 сомона с 600 конных всадников /28, с. 92/, т.е. все захачинское население составляло 6 тыс. человек. Конкретные данные о численности захачинов содержатся и в "Илэтхэл шастир": в 1761 г. численность захачинов составляла 18 тыс. человек /198, гл. 115, л. 31об./.

Столь резкое увеличение численности захачинов, которых, как об этом уже говорилось выше, в Джунгарском ханстве было около 2 тыс. семей, т.е. 8-

10 тыс. человек, не должно удивлять, так как нам известно, что в состав захачинских сомонов вошли и некоторые другие мелкие группы ойратов. В частности, в "Илэтхэл шастир", в биографии Мамута, указывается, что к хошуну захачинов были причислены пришедшие принять цинское подданство примерно 200 семейств отока галзатов вместе со своим дэмчи по имени Дамбигэндун /198, гл. 115, л. 29об.-30/. С учетом вышеуказанных обстоятельств можно условно определить общую численность захачинов в 13,5 тыс. человек.

Ойраты в Халхе. В Сайн-нойн-хановском аймаке находились 2 джунгарских хошуна, в каждом из которых было всего по 1 сомону. Эти хошуны первоначально принадлежали джунгарским князьям Данджиле и Рабдану, подданным Галдана Бошогту-хана. После поражения Галдана в джунгаро-цинской войне 1690-1697 гг. они приняли цинское подданство. Данджила и Рабдан со своими подданными кочевали в разных районах Халхи, пока в 1761 г. эта группа джунгаров не была окончательно поселена в местности Улан-усу и приписана к Сайн-нойн-хановскому аймаку /97, с. 84-86; 198, гл. 71, 78/. Основываясь на данных "Илэтхэл шастир" и "Мэнгу ю му цзи", можно условно определить их численность — 3 тыс. человек.

Хойтский хошун Дзасакту-хановского аймака Халхи состоял всего из 1 сомона /111, с. 114-115; 198, гл. 68/. Эта группа хойтов, князья которой происходили из знатного рода Йэкэ Мингган, приняла цинское подданство в самом конце XVII в., т.е. в то время, когда у власти в Джунгарском ханстве находился Галдан Бошогту-хан. Спасаясь от притеснений джунгарского правителя, хойтский тайджи Лубдзанг со своими подданными присоединился к хошоутскому тайджи Галдандарджи и вместе с ним откочевал в Китай. Там он получил титул улус-тур тусалагчи гуна и сначала был поселен среди алашаньских айратов. Затем его переселили в Халху, где хойтам отвели кочевья на территории Дзасакту-хановского аймака. После смерти Лубдзанга ему наследовал его старший сын Баджи /111, с. 114; 198, гл. 68, л. 8об./. В 1731 г. джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн пытался привлечь на свою сторону всех ойратов, принявших подданство Цинской империи, и Баджи, и его малолетний младший брат Галдандарджа бежали со своими подданными в Джунгарию и поселились в местности Тэмурту-нор /198, гл. 68, л. 16/.

В 1755 г., когда цинская армия выступила на войну с Джунгарским ханством и вторглась в Или, Баджи и его соратников уже не было в живых. Преем-

ник Баджи Галдандарджа и другие хойтские тайджи вышли навстречу цинским войскам и "изъявили покорность". Тогда император издал следующий указ: "Хотя и следовало бы привлечь к ответственности сыновей и младших братьев убежавших мятежников, но поскольку их отцы и старшие братья умерли, то их следует помиловать и освободить от наказания. Все они взбунтовались и бежали из Халхи, ныне их поселить на прежних кочевьях в Халхе. Единственно только /вызывает сомнение то/, что у них слишком много в подчинении аратских семей. Выдать им в подчинение: старшим тайджи из них — 30 семей, средним — 20, а младшим тайджи — по 10 семей и поселить /вместе/. В отношении оставшихся семей после того, как будут решены другие дела, принять решение, смотря по обстоятельствам. Пусть их тайджи также прибудут ко мне на аудиенцию" /198, гл. 68, л. 16об.-17об./.

Это один из немногих документов в "Илэтхэл шастир", красноречиво свидетельствующий о том, насколько существенно были урезаны права ойратских феодалов в Цинской империи, даже тех, кто, подобно Галдандардже, добровольно "изъявил покорность". Они лишились значительной части своих подданных.

После аудиенции у императора Цяньлуна Галдандардже простили прежнюю вину, произвели в тайджи 1-й степени и назначили дзасаком. Он умер в 1765 г., после его смерти должность дзасака и титул тайджи унаследовал его старший сын Лагчин-Хара /111, с. 114; 198, гл. 68, л. 19об.-20/. Под его началом находился хошун, состоявший всего из 1 сомона. Общая численность населения хойтского хошуна Дзасакту-хановского аймака Халхи составляла 1,5 тыс. человек.

Таким образом, Н.Я.Бичурин при подсчете общей численности ойратского населения в Цинской империи не учел ойратских хошунов (3 хошуна чахарских ойратов, хошун захачинов, 2 хошуна джунгаров Сайннойн-хановского аймака Халхи и хойтский хошун Дзасакту-хановского аймака Халхи), включавших в себя 15 сомонов. Если исходить из принятого Бичуриным соотношения между числом военнообязанных и общим количеством населения как 1:10, то общая численность населения перечисленных территориальных групп составит 22,5 тыс. человек. Следовательно, беря за основу данные Н.Я.Бичурина и присовокупив к ним не принятые им по внимание при подсчете данные по семи ойратским хошунам, можно определить общую численность ойратов в Цинской империи в конце XVIII в. в 400 тыс. человек. Полученная цифра, разумеется, имеет весьма условный характер, но она все же дает представление о количественном соста-

ве ойратского населения после их завоевания Цинской империей. Можно положиться на авторитетное мнение Н.Я.Бичурина и считать, что соотношение 1:10 было для того времени вполне реальным, если допустить, что не все взрослые мужчины зачислялись на военную службу.

Данные об общей численности ойратов в предшествующие периоды отсутствуют, хотя не может быть сомнений в том, что она резко сократилась в результате маньчжуро-китайского завоевания. К концу XVIII в. ойраты были разбросаны по многим областям обширного центральноазиатского региона, различающимся друг от друга по природным условиям, экономическому развитию, основному занятию, этнической и религиозной принадлежности населения. Статус вновь завоеванных стран — Внешней Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и др. — отличался от статуса Внутренней Монголии, так как в них был установлен особый режим правления наместничества-протектората. Эти земли, опустошенные и обезлюдевшие в результате завоевания и жестокого военно-колониального режима, насажденного там Цинами, даже в начале XX в. были мало заселены и слабо развиты экономически.

Ойраты там оказались в меньшинстве. Политика цинского правительства, направленная на разобщение и раздробление некогда единого народа, принесла свои плоды. Не имея условий для формирования единой народности, территориально и административно разобщенные, ойраты пришли к полной этнической дезинтеграции и частично ассимилировались среди окружающего их населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Составленный придворными историками своеобразный биографическо-генеалогический справочник "Илэтхэл шастир" относится к официальным изданиям правительственной документации и призван был увековечить "щедрости" и "милости" императоров правившей в Китае маньчжурской династии Цин в отношении владетельных князей Монголии, Джунгарии, Тибета и Восточного Туркестана, перешедших к ним на службу. 360 экземпляров монгольского издания этого памятника в 1802 г. сразу же по выходе его из печати китайская Палата внешних сношений разослала по всем аймакам Монголии для использования в качестве руководящего документа в хошунных канцеляриях /125, с. XXX/.

"Илэтхэл шастир", как типичному произведению традиционной историографии цинского периода, свойственны китаецентризм и тенденциозность в освещении событий. Маньчжурские правители, укрепившись в Пекине и перенеся сюда из Мукдена столицу своего государства, приступили к выработке собственной внешнеполитической стратегии, используя богатый опыт традиционной китайской дипломатии, на базе которой китайские императоры строили на протяжении многих столетий свои взаимоотношения с окружавшими Китай странами и народами. В ее основе лежал китаецентристский догмат о превосходстве цивилизации Срединной империи над всем остальным миром. Считалось, что Сын неба, как именовался верховный правитель Китая, осуществляет "мандат Неба" на управление как Китаем, так и всеми "варварами", что предполагало подвластность всего земного, всей Поднебесной китайским императорам и автоматически исключало равенство во взаимоотношениях с соседними государствами.

Приезд посланцев ойратских князей к цинскому двору рассматривался Цинами как выражение политической зависимости, как "вступление в подданство". Это нашло отражение и в "Илэтхэл шастир". Привезенные подарки трактуются здесь как "дань", а в послания ойратских правителей цинские историографы с этого времени начинают произвольно вставлять всякого рода восхваления и лестные эпитеты в адрес цинских императоров, уничижительные заверения

в преданности Цинской династии, выражения покорности Срединной империи со стороны ойратских правителей. Зачисление ойратских княжеств в разряд даннических государств мало что меняло в их реальном положении, так как они продолжали оставаться совершенно самостоятельными и поддерживали посольские и торговые отношения с цинским двором, исходя из собственных интересов. Взаимоотношения ойратских княжеств с Цинской империей вплоть до 90-х годов XVII в. никак не соответствовали притязаниям цинских императоров на сюзеренитет над ними.

Особенно нелепым выглядят в свете действительных фактов все ухищрения цинских историографов подчеркнуть "вассальное" положение правителей Джунгарского ханства, которое представляло собой, как это убедительно показал И.Я.Златкин, "сравнительно высокоорганизованное объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевавшей проявления сепаратизма местных князей" /54, с. 422/. Вплоть до гибели этого мощного центральноазиатского государства цинские императоры должны были признать не только де-факто, но и де-юре независимость и суверенность джунгарских ханов. В.А.Моисеев, говоря об историческом статусе Джунгарского ханства, указывал: "Следует особо подчеркнуть, что цинское правительство не имело никакого влияния и на внутреннюю политику джунгарских ханов (на право наследования ханского престола, выработку законов, систему административного управления и т.д.). Ойратские же ханы считали себя равными цинским императорам и не хотели поступаться даже частью своего суверенитета в пользу богдыханов" /103, с.177/. Все попытки Цинов склонить Джунгарию к принятию китайского протектората не приносили успеха.

Китаецентристские взгляды, преисполненные великодержавного презрения ко всем некитайцам, нашли свое отражение и в воспринятом маньчжурами у китайцев пышном и архаичном ритуале приема иностранных посольств, призванном поразить своим великолепием чужеземцев и тем самым привести их в надлежащее "варварам" состояние покорности и священного трепета перед особой императора. Поэтому при цинском дворе придавали первостепенное значение этому ритуалу, просуществовавшему в Китае без каких-либо существенных изменений почти 13 веков, со времени возникновения Танской империи и вплоть до середины XIX в. Весьма унизительной в этом ритуале была процедура коу-тоу, состоявшая из трех коленопреклонений и девяти земных поклонов иногда

даже не перед самим императором, а лишь перед табличкой с его именем. Прежде чем предстать перед императором, иностранные послы были обязаны являться в Палату ритуалов (Либу) и учиться совершать обряд коу-тоу. Послам джунгарских ханов, прибывшим в Пекин, были хорошо известны правила дипломатического этикета цинского двора с его унизительными церемониями, поэтому они всегда держались с большим достоинством и отказывались совершать обряд коу-тоу. Очевидец последних десятилетий существования Джунгарского ханства И.К.Россохин писал: "Но что касается до принятия наставления в оной их коллегии (имеется в виду Палата ритуалов. — *В.С.*), то все те послы и посланники, кои в нее ездят, подвергают себя тому предосуждению, будто бы они у китайского хана состояли в подданстве, а сколь ни мал в рассуждении великих государей дзуньгарской владелец, однако его послы для принятия наставления в помянутую их коллегию не ездят" /134, с. 28-29, примеч./. И.К.Россохин, блестяще владевший китайским и маньчжурским языками, провел 12 лет в Пекине (с 1729 по 1741 г.), одно время даже состоял переводчиком в Лифаньюане и хорошо знал обычаи цинского двора.

Усиление Джунгарского ханства, правители которого начиная с Галдана стремились объединить всех ойратов и монголов в рамках одного государства и воссоздать единую монгольскую империю на территории Джунгарии, Кукунора, Тибета, Халхи и Внутренней Монголии, уже поглощенной Цинской империей, представляло серьезную угрозу для экспансионистских планов цинских императоров. Неудивительно, что в соответствии с традиционными китайскими внешнеполитическими установками, маньчжурские правители Китая сделали ставку на ослабление своего сильного соседа и соперника — Джунгарского ханства и стали открыто вмешиваться во внутренние дела ойратских и монгольских ханств, играя на противоречиях между их правителями.

С 70-х годов XVII в. цинская дипломатия стремилась противопоставить кукунорских князей, потомков Гуши-хана, правителям Джунгарского ханства, активно поддерживала сепаратистские выступления некоторых джунгарских феодалов против централизаторской политики Галдана. В 80-х годах Цины пытались сколотить широкую коалицию против Галдана из его противников — правителей алашаньских и кукунорских хошоутов и некоторых восточномонгольских ханов. А в самом Джунгарском ханстве оказывали поддержку племяннику Галдана Цэван-Рабдану, чтобы

добиться ослабления центральной власти и использовать в борьбе против джунгарского хана некоторых джунгарских владетельных феодалов, принадлежавших к правящему аристократическому роду Чорос /37, с. 59/.

До начала 90-х годов цинское правительство предпочитало действовать дипломатическими средствами, так как цинские войска были заняты внутри страны подавлением антиманьчжурского движения китайского народа. Кроме того, часть войск была сосредоточена на границе с Русским государством, чтобы выступить против русских поселений на Амуре. После заключения Нерчинского договора с Русским государством в 1689 г. цинские правители предприняли активные военные действия в Центральной Азии.

В войне с Галданом Цинская империя одержала победу и захватила часть восточных владений Джунгарского ханства. Тогда же Халха была включена в состав империи, а кукунорским и алашаньским ойратам навязаны вассальные отношения. Окончательно включение Кукунора в состав Цинской империи произошло позже, уже после того, как было потоплено в крови антиманьчжурское восстание под предводительством Лубдзан-Данджина. Однако пока существовало Джунгарское ханство — последний оплот независимости монгольских народов, цинские завоеватели не могли быть уверены в незыблемости своего господства на аннексированных ими территориях Южной и Восточной Монголии, Кукунора, Тибета и Турфана. Джунгары еще несколько десятилетий упорно противостояли натиску Цинской империи. В конце концов ей удалось, воспользовавшись внутренним кризисом в Джунгарском ханстве, покончить в 1755—1758 гг. с этим независимым ойратским государством, истребить его население.

Все указанные события, связанные с цинской экспансией в Центральной Азии, подверглись своеобразной интерпретации в "Илэтхэл шастир". Как уже отмечалось, она носит тенденциозный и апологетический характер, поэтому агрессивная внешняя политика Цинской империи в ней всячески идеализируется и очерняется освободительная борьба монгольских народов. Характерной чертой цинских правителей было стремление искусно маскировать свои агрессивные действия показным миролюбием, рассуждениями о том, что всем монголам и ойратам для собственного блага следует объединиться под верховной властью цинских императоров как самых могущественных, щедрых и просвещенных государей на земле. Эти коварные приемы цинская дипломатия ис-

пользовала с целью психологической обработки соседних народов, которым предстояло стать жертвой маньчжуро-китайских завоевателей. Особый упор при этом делался на то, чтобы лестью и подкупом, пустыми посулами и недвусмысленными угрозами разжигать сепаратистские тенденции, сталкивать между собой правителей соседних стран и народов, добиваться их ослабления и не допускать ни в коем случае их объединения для совместных действий против цинских агрессоров.

Официальные документы подобного рода представлены и в "Илэтхэл шастир". Достаточно процитировать некоторые отрывки из указа императора Юнчжэна от 1731 г., обращенного к кукунорским князьям: "Вы, кукунорские ваны и тайджи, издавна удостаиваетесь почетных милостей, и вот уже прошло много лет, как я жалую вам титулы, отношусь к вам милостиво, направляю вас к добру и имею о вас попечение. Если создать хошуны, то будет легче удостоверяться о положении дел /у вас/ и награждать...

Дары и милости нашего государства весьма обильны и щедры, но если пожалованный титул покажется /кому-либо/ менее высоким, чем того заслуживает по своему значению его хошун, то следует подробно доложить об этом и, смотря по обстоятельствам, изменить. Кроме того, потомки Аблай-нояна, находящиеся сейчас у джунгаров, — кто они: правители или подданные?

Джунгары — это /в прошлом/ рабы Чингисхана, а вы все — потомки Хабуту-Хасара, младшего брата Чингисхана. Если принять во внимание, кем были прежде люди из рода Борджигит, то джунгары /должны быть/ вашими подданными. Разве можно по своей воле себя умалять? Вам следует распознать коварные замыслы мятежников-джунгаров, отделить добро от зла, довести это до сведения простолюдинов, а также, подобно халха-монголам, смело снискать себе заслуги перед нами.

Разве можно по своей воле делаться слабым и немощным? Поскольку джунгары исподтишка подстрекают вас и сеют среди вас смуту, то я еще раз обращаюсь к вам. Если вы последуете этому моему указу, то я смогу защитить ваши дома, имущество и кочевья" /198, гл. 81, л. 106-107об./. Вышеприведенный указ не нуждается в комментариях.

Постоянно встречающиеся в "Илэтхэл шастир" утверждения о том, что монгольские и ойратские владетельные князья добровольно приняли цинское подданство, превратившись в покорных "данников" маньчжурских императоров, опровергаются содержащимися

в ней же многочисленными сообщениями о всякого рода "изменах", "мятежах", "служебных проступках" князей. Эти и подобные им факты свидетельствуют об упорном сопротивлении, оказанном монгольскими и ойратскими правителями, не желавшими подчиняться диктату чужеземных завоевателей.

Свидетельство авторов "Илэтхэл шастир" об установлении ойратскими правителями отношений с цинским двором только в 40-х годах XVII в. прямо противоречит тезису историографии КНР 60—70-х годов о якобы "исконной" принадлежности ойратов к китайской нации (см. /43; 44; 46; 64; с. 3—33, 155/).

Цинские завоевания в Центральной Азии явились для народов этого региона — монголов, ойратов, уйгуров и др. отнюдь не "благом", как об этом декларируется в императорских указах и прочих официальных документах цинского периода, а подлинной национальной трагедией. Ойраты исчезли как отдельная народность. Среди них полностью были истреблены джунгары — самая многочисленная этническая группа, да и остальные ойратские группы — торгоуты, дэрбэты, хошоуты, хойты — понесли серьезный урон и оказались отброшенными в своем развитии далеко назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Джунгария (Джунгарская равнина, Джунгарская котловина) — равнинная область на северо-западе Китая (в нынешней провинции Синьцзян), между горами Монгольского Алтая и Восточного Тянь-Шаня. В рассматриваемое время (XVII—XVIII вв.) Джунгария включала в себя и территорию Восточного Прибалхашья (Балхаш — Алакольскую котловину).

[2] См. "Астраханские губернские ведомости" (часть неофициальная), 1859, № 43, 47—50; 1860, № 11—13. В 1860 г. этот перевод был издан в Астрахани отдельной брошюрой. Переиздан в 1969 г. в Элисте /61, с.13—48/.

[3] См. "Астраханские губернские ведомости" (часть неофициальная), 1860, № 19, 26, 33, 39, 44, 47, 49, 51—53 (полностью перевод не был издан). "История калмыцких ханов" переиздана (см. /61, с.49—79/).

[4] Г.С.Лыткину принадлежит первый перевод сочинения Габан-Шараба на русский язык. Он представляет собой черновой вариант, требующий доработки, поэтому опубликован не был. В настоящее время хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР (ф.60, оп.1, ед. хр.10).

[5] См. "Астраханские губернские ведомости" (часть неофициальная), 1860, № 45—46; 1861, № 7—8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26—29. Переизданы в 1969 г. (см. /61, с.81—131/).

Глава 1

[1] В словаре О.Ковалевского iledkel это "1. обнаружение, объявление; 2. объяснение, изъяснение, комментарий" /66, т.I, с.298/; šastir — "шастра, ученое сочинение, учебник, учебная книга" /66, т.II, с.1846/ в словаре К.Ф.Голстунского; iledkel — обнаружение, объявление; прокламация (кит. бяо); хроники, в которых описаны важные события разных эпох /39, т.I, с.130/, и šastir — "толкования, объяснительные сочинения; повествование, рассказ" /39, т.II, с.370/.

[2] Основа в этом слове — чжуань, ле — префикс множественного числа.

[3] Следует сказать, что Ш.Б.Чимитдоржиев неправильно переводит монгольский термин ḃodolγa-yin ḃičig как "повествование о внешней политике". В данном случае он использован для передачи китайского словосочетания "фанлюе" маньчжурского "бодогон-и битхэ". Бином 方略 "фанлюе" буквально

значит "стратегические планы". Здесь же он употребляется в узкотерминологическом значении для обозначения одного из жанров традиционной китайской историографии, а именно описания военных действий армии во время похода или какой-либо военной кампании.

[4] Хранится в настоящее время в Архиве АН СССР в Ленинграде (см. /176, с.200—211/).

[5] Сведения об этом сочинении и об обстоятельствах его написания можно найти в комментариях к русскому переводу "Записок о чужеземных странах" (см. /135, с.625—638/).

[6] "Весной 54-го года Энхэ Амугулана (т.е. 1715 г. — *В.С.*) Тулишэнь и другие возвратились обратно, и император приказал ему по возвращении домой составить "Записки о внешнем аймаке" и подробно описать обычаи, положение земли и народов /где он побывал/" /198, гл.101, л.17об./.

Глава 2

[1] В гл.18 "Илэтхэл шастир" он назван Буйханом (buiqan).

[2] Неполный перевод этого резюме дал И.Я.Шмидт /230, с.15—16/.

[3] Правитель хошоутов, потомок старшего брата Гуши-хана — Кундулэн Убаши.

[4] Буквальная транскрипция с китайского. По смыслу можно предположить, что речь идет о Турции и Швеции /225, с.82, примеч.207, 208/.

[5] Однако в "Илэтхэл шастир" ничего не говорится о том, какое отношение к остальным хойтам имеет та ветвь, родоначальником которой был Намджан.

[6] По нашему мнению, перевод Г.Гомбоева "Алтан Тобчи" /11, с.160 (рус. перевод)/ не совсем точен, поэтому мы даем наш вариант.

Глава 3

[1] Исключение составляет статья А.Ходжаева /166/ и работа А.Чернышева /168а/.

[2] Эти цифровые данные могут быть получены на основании таблицы, приведенной в работе И.Бичурина "Статистическое описание Китайской империи" /28, с.90, 91/.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА*

1. *Маркс К.* К критике политической экономии. — Т.13.
2. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — Т.3.
3. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. — Т.7.
4. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Т.21.
5. *Ленин В.И.* Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — Т.1.
6. *Ленин В.И.* К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. — Т.4.
7. *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература. — Т.12.
8. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. — Т.18.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

9. *Авляев Г.О.* К вопросу о происхождении кереитов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья. — Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.
10. *Авляев Г.О.*, *Санчиров В.П.* К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (К проблеме этногенеза калмыков). — Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.
11. "Алтан Тобчи". Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод ламы Галсана Гомбоева. — Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч.VI. СПб., 1858.
12. *Бадмаев А.В.* Г.С.Лыткин как калмыковед. К истории калмыцкой письменности. — Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.5. Серия филологии. Элиста, 1967.
13. *Бадмаев А.В.* Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1974.

---

* Произведения К.Маркса и Ф.Энгельса даны по 2-му изданию их Сочинений; В.И.Ленина — по Полному собранию сочинений.

14. *Балданжапов П.Б.* Altan Tobci — монгольская летопись XVIII века. У.-У., 1970.
15. *Балданжапов П.Б.* К изучению монгольской летописи "Эрдэнийн эрихэ". — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. У.-У., 1962 /АН СССР, Сибирское отделение. Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып.8. Серия востоковедная/.
16. *Балданжапов П.Б.* Монгольская летопись "Эрдэнийн эрихэ" и ее значение в монгольской историографии. — Монгольский сборник. М., 1959.
17. *Банзаров Д.* Собрание сочинений. Подготовка к печати и примечания Г.Н.Румянцева. М., 1955.
18. *Баранов А.* Словарь монгольских терминов. — Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып.XI. Харбин, 1907; Вып.XXXVI, Харбин, 1911.
19. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Сочинения. Т.V. М., 1968.
20. *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов. — Сочинения. Т.V. М., 1968.
21. *Бартольд В.В.* Калмыки. — Сочинения. Т.V. М., 1968.
22. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк. — Сочинения. Т.II, ч.1. М., 1963.
23. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. — Сочинения. Т.II, ч.1. М., 1963.
24. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978.
25. *Бира Ш.* Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII—XIX). У.-Б., 1960.
26. *Бичурин Н.Я. /Иакинф/* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
27. */Бичурин Н.Я./* Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Ч.2. СПб., 1829.
28. *Бичурин Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи. В 2-х частях. Ч.2. Статистическое описание Маньчжурии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета. СПб., 1842.
29. *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.
30. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений. Т.I. А.-А., 1961.
31. *Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы. СПб., 1887.
32. *Веселовский Н.И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724 гг. Документы, изданные с предисловием и примечаниями. — Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т.X. Вып.2. СПб., 1887.
33. *Владимирцов Б.Я.* Монгольская литература. — Литература Востока. Вып.2. Пг., 1920.

34. *Владимирцов Б.Я.* Монгольские сказания об Амурсане. — Восточные записки. Т.I. Л., 1927.
35. *Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. — Известия АН СССР. Серия VI. Т.XX, № 13—14. Л., 1926; Т.XXI, № 3—4. Л., 1927.
36. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
37. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
38. *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.
39. *Голстунский К.Ф.* Монгольско-русский словарь. Т.1. СПб., 1895; Т.2. СПб., 1894; Т.3. СПб., 1893.
40. *Горохова Г.С.* "Илэтхэль шастра" в собрании библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета. — Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал (II Международный конгресс монголоведов). Т.1. У.-Б., 1973.
41. *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980.
42. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т.2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
43. *Гуревич Б.П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. — Вопросы истории. 1974, № 9.
44. *Гуревич Б.П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России. — История СССР. 1973, № 2.
45. *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
46. *Гуревич Б.П., Моисеев В.А.* Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография. — Вопросы истории. 1979, № 3.
47. *Долбежев Б.В.* Судьба калмыков, бежавших с Волги. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. Вып.86. СПб., 1913.
48. *Доронин Б.Г.* К характеристике "биографий" в династийной истории (на примере "Мин ши"). — V научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1974.
49. *Думан Л.И.* Аграрная политика Цинского (Маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.—Л., 1936.
50. *Думан Л.И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

51. *Ермаченко И.С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII веке. М., 1974.
52. *Жамцарано Ц.Ж.* Монгольские летописи XVII века. М.-Л., 1936.
53. *Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
54. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
55. *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
56. *Златкин И.Я.* Русские архивные материалы об Амурсане. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
57. *Иориш И.И.* Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., 1966.
58. История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
59. Историческая наука в КНР. М., 1971; М., 1981.
60. Их цааз ("Великое уложение"). Памятник монгольского феодального права XVII века. Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д.Дылыкова. М., 1981.
61. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
62. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
63. *Кафаров Палладий.* Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. Введение Э.В.Бретшнейдера и замечания А.М.Позднеева. — Записки Императорского Русского Географического общества по отделению географии. Т.22. Вып.1. СПб., 1892.
64. Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
65. Китайско-русский словарь. Под ред. И.М.Ошанина. М., 1952.
66. *Ковалевский О.* Монгольско-русско-французский словарь. Т.I. Казань, 1844; Т.II. Казань, 1846; Т.III. Казань, 1849.
67. *Козин С.А.* Джангариада. М.-Л., 1940.
68. *Козин С.А.* Ойратская историческая песнь о разгроме халхаского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 году. — Советское востоковедение. Т.IV. М.-Л., 1947.
69. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т.I. М.-Л., 1941.
70. *Конрад Н.И.* О работе И.Я.Златкина "История Джунгарского ханства". — Избранные труды. История. М., 1974.
71. *Костенков К.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.
72. *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.
73. *Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. — Известия Российской Академии наук. Серия XI, № 12—18. Пг., 1921.

74. *Кочетов А.Н.* Буддизм. М., 1983.
75. *Кочетов А.Н.* Ламаизм. М., 1973.
76. *Крюков М.В.* Сыма Цянь и его "Исторические записки". — *Сыма Цянь.* Исторические записки ("Ши цзи"). Т.I. М., 1972.
77. *Кузнецов В.С.* Амурсана. Новосибирск, 1980.
78. *Кузнецов В.С.* Джунгарское ханство в 1745—1755 гг. — Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч.2. М., 1977.
79. *Кузнецов В.С.* Из истории завоевания Джунгарского ханства цинским Китаем. — Народы Азии и Африки. 1970, № 3.
80. *Кузнецов В.С.* К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном. — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.V. У.-У., 1970.
81. *Кузнецов В.С.* О дипломатической практике цинского двора в сношениях с западными соседями (2-я половина XVIII века). — IV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1973.
82. *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.
83. *Кузнецов В.С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973.
84. *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
85. *Кычанов Е.И., Савицкий А.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975.
86. *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
87. *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л., 1927.
88. *Липовцов С.* О возмущениях, бывших в Зюнгарии и Малой Бухарии. — Сибирский вестник. Ч.3, кн.18. СПб., 1823.
89. *Липовцов С.* О переходе торгоутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Перевод с китайского сочинения Ци-Ши о бегстве калмыков в Китай. — Сибирский вестник. Ч.12, кн.10, 11, 12. СПб., 1820.
90. *Липовцов С.* Обозрение Зюнгарии. — Сибирский вестник. Ч.13, кн.2, 3; Ч.14, кн.4; Ч.16, кн.12. СПб., 1821.
91. *Липовцов С.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т.I—II. СПб., 1828.
92. *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973.
93. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
94. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
95. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.

96. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.II. М.—Л., 1938.
97. *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.
98. *Мелихов Г.В.* "Да Цин личао шилу" как исторический источник. — Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики). М., 1969.
99. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.I. М.—Л., 1937; Т.II. М. — Л., 1941.
100. *Михайлов Г.И.* Литературное наследство монголов. М., 1969.
101. *Моисеев В.А.* В джунгарском плену. — Вопросы истории. 1977, № 6.
102. *Моисеев В.А.* Дело Шоно-Лоузана. — XIV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1983.
103. *Моисеев В.А.* К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства. — V научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1975.
104. *Моисеев В.А.* К истории экспансии Цинской империи в Центральной Азии (сер. XVIII в.). — VII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1976.
105. *Моисеев В.А.* О движущих мотивах экспансии Цинской империи в Центральной Азии в XVII—XVIII вв. (к постановке проблемы). — IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1973.
106. *Моисеев В.А.* О джунгаро-цинских переговорах в 1734—1740 гг. — VIII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1977.
107. *Моисеев В.А.* Русские архивные документы о положении Джунгарского ханства в 1745—1749 гг. — XV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1984.
108. *Моисеев В.А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.
109. Монгольско-русский словарь. Под общей редакцией А.Лувсандэндэва. М., 1957.
110. *Мункуев Н.Ц.* /Рец. на кн.:/ *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). — Народы Азии и Африки. 1965, № 6.
111. "Мэн-гу-ю-му-цзи". Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П.С.Попова. СПб., 1895.
112. "Мэн-да бэй-лу" ("Полное описание монголо-татар"). Перевод с китайского, введение, комментарии и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1974.
113. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980.
114. Новая история Китая. М., 1972.
115. *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884.

116. Общественные науки в МНР. М., 1977.
117. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
118. *Паллас П.С.* Собрание исторических сведений о монгольских народах. — Санкт-Петербургский вестник. 1778, ч.1, № 1.
119. *Паллас П.С.* О разделении народов мунгальского поколения. — Месяцослов исторический и географический на 1797 г. СПб., 1797.
120. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922.
121. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926.
122. *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия. — Журнал Министерства народного просвещения. Ч.244, отд.2. СПб., 1886.
123. *Позднеев А.М.* Замечания на дневник по Монголии 1847 года. — Записки Императорского Русского Географического Общества по общей географии. Т.22, № 1. СПб., 1892.
124. *Позднеев А.М.* Калмыцкая хрестоматия. СПб., 1907.
125. *Позднеев А.М.* Монгольская летопись "Эрдэнийн эрихэ". Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1888.
126. *Позднеев Д.М.* К вопросу о пособиях при изучении монголов в период Минской династии. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т.IX. СПб., 1895.
127. *Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.
128. *Преображенская П.С.* Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. канд. дис. М., 1963.
129. *Пучковский Л.С.* Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII—XIX вв. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т.5. М., 1963.
130. *Пучковский Л.С.* Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв. — Ученые записки Института востоковедения. Т.VI. М., 1953.
131. *Пучковский Л.С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. История, право. М.—Л., 1957.
132. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I, кн.1. М.—Л., 1952; Т.I, кн.2. М.—Л., 1952; Т.II. М.—Л., 1960; Т.III. М.—Л., 1946.
133. *Рерих Ю.Н.* Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. — Монгольский сборник. История, экономика и археология. М., 1959.

134. *Россохин И.К.* Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764.
135. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т.1. М., 1978.
136. Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959.
137. Русско-монгольские отношения. 1636—1654. Сборник документов. М., 1974.
138. *Санчиров В.П.* Джунгарский хан Даваци: правитель и пленник. — XVIII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. Ч.2. М., 1987.
139. *Санчиров В.П.* "Илэтхэл шастир" как источник по истории ойратов (краткие итоги предварительного изучения). — Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.15. Серия историческая. Элиста, 1976.
140. *Санчиров В.П.* "Калмаки" в "Истории" турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби. — Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987.
141. *Санчиров В.П.* Об источниках "Илэтхэл шастир". — Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884—1931). М., 1986.
142. *Санчиров В.П.* Ойраты в Цинской империи в конце XVIII века. — V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987). Доклады советской делегации. Ч.1. История, экономика. М., 1987.
143. *Санчиров В.П.* Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века. — Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983.
144. *Санчиров В.П.* Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении. — Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977.
145. *Санчиров В.П.* Этнический состав ойратов XV—XVIII вв. по данным "Илэтхэл шастир". — Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977.
146. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.—Л., 1941.
147. *Семенюк Г.И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1973.
148. *Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960.
149. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1979.
150. *Старицина П.П.* /Рец. на кн.:/ *Златкин И.Я.* История

Джунгарского ханства (1635—1758). — Народы Азии и Африки. 1965, № 6.
151. *Стратанович Г.Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы. — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып.I. Серия литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974.
152. *Стратанович Г.Г., Эрдниев У.Э.* Опыт анализа социальной терминологии (доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964.
153. *Султанов Т.И.* Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.). — Известия АН КазССР. Серия общественная. № 1. А.-А., 1970.
154. Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая "Прекрасные ноты из песни Брахмы". Перевод с тибетского, введение и примечания Б.Д.Дандарона. М., 1972.
155. *Тихвинский С.Л.* Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР. — Вопросы истории. 1975, № 11.
156. *Тихвинский С.Л.* Взаимоотношения Китая с соседними странами в новое и новейшее время и современная китайская историография. — Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
157. *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.
158. *Успенский В.* Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. — Записки Императорского Русского Географического общества по отделу этнографии. Т.6. СПб., 1880.
159. Филология и история монгольских народов. Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958.
160. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
161. Халха-Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц.Ж.Жамцарано, подготовка текста к изданию, редакции перевода, введение и примечания С.Д.Дылыкова. М., 1965.
162. *Хафизова К.Ш.* К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII века). — V научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1974.
163. *Хафизова К.Ш.* Некоторые вопросы международных отношений в Центральной Азии в середине XVIII века. — III научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1972.
164. *Хафизова К.Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (На примере политики Китая в Центральной Азии). — VI научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч.1. М., 1975.
165. *Ходжаев А.* Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточно-

го Туркестана. Борьба против завоевателей. — Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
166. *Ходжаев А.* О расселении ойратов после захвата Джунгарии Цинской империей. — XV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. Ч.2. М., 1984.
167. *Хохлов А.Н.* Об источниковедческой базе работ Н.Я.Бичурина о цинском Китае. — Народы Азии и Африки. 1978, № 1.
168. *Чернышев А.И.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. — XV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. Ч.2. М., 1984.
168а. *Чернышев А.И.* Общественный и государственный строй ойратов в XVII—XVIII вв. М., 1990.
169. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII — первая половина и середина XVIII в.). — Маньчжурская экспансия и борьба монголов за свободу и независимость Родины. У.-У., 1974.
170. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.
171. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии со странами Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.
172. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Повествование о внешней политике Энх Амгалана. — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.4. У.-У., 1970.
173. *Чулууны Далай.* Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.
174. *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
175. *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. — Советское востоковедение. Т.VI. М.—Л., 1949.
176. *Шастина Н.П.* Перевод И.Рассохина источника по истории монголов конца XVII в. — Ученые записки Института востоковедения. Т.VI. М.—Л., 1953.
177. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П.Шастиной. — М.—Л., 1957.
178. *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О.Ф.Акимушина. М., 1976.
179. *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX—XX веков (История социально-экономического развития). У.-Б., 1963.
180. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами (Отделение 1). СПб., 1862.
181. *Эрдниев У.Э.* Проблемы калмыцкой этнонимии (о происхождении некоторых "этнонимов"). — Вестник калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.10. Серия этнографии. Элиста, 1974.

на монгольском языке

182. Алтан товч. Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц.Шагдар (Золотой свод. К изданию подготовил Ц.Шагдар). У.-Б., 1957.
183. *Бадамжатан С*. Хөвсгөлийн дархад ястан (Хубсугулские дархаты). У.-Б., 1960.
184. Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Дэд боть. 1604—1917 (История Монгольской Народной Республики. Т.2). У-Б., 1968.
185. *Галдан*. Эрдэнийн эрхи (Драгоценные четки). У-Б., 1960.
186. *Гонгор Д*. Халх Товчоон. I боть (Краткая история Халхи. Т.I). У.-Б., 1970.
187. *Далай Ч*. Юан гүрний Үеийн Монгол (Монголия в эпоху Юаньской империи). У.-Б., 1973.
188. *Дамдинсурэн Ц*. Монголын нууц товчоон (Тайная история монголов). У.-Б., 1976.
189. *Ишжамц Н*. Монголд нэгдсэн төр байгуулагдаж феодализм бүрэлдэн тогтсон нь (Формирование единого государства и становление феодализма в Монголии). У-Б., 1976.
190. *Ишжамц Н*. Монголын ард түмний 1755—1758 оны тусгаар тогтнолын зэвсэгт тэмцэл (Амарсана, Чингүнжав нарын бослого) (Вооруженная борьба монгольского народа за независимость в 1755—1758 гг. Восстание Амурсаны и Чингунжава). У.-Б., 1962.
191. *Насанбалжир Ц*. Манж Чин улсад Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба, 1691—1911 (Повинности Северной Монголии маньчжурской Цинской империи, 1691—1911). У.-Б., 1963.
192. *Нацагдорж Ш*. Халхын түүх (История Халхи). У.-Б., 1963.
193. Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. I боть (II Международный конгресс монголоведов. Т.I). У.-Б., 1973.
194. Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. I боть (III Международный конгресс монголоведов. Т.I). У.-Б., 1979.
195. Олон улсын монгоч эрдэмтний IV их хурал. I боть (IV Международный конгресс монголоведов. Т.I). У.-Б., 1985.
196. *Сандаг Ш*. Монголд манжийн ноёрхолыг устгаж үндэснийхээ тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан нь (Богд хаант Монгол улс). 1850—1911 (Свержение маньчжурского господства в Монголии и восстановление ее независимости. Монгольская теократическая монархия. 1850—1911). У.-Б., 1971.
197. *Содномдагва Ц*. Манжийн захиргаанд байсан үеийн монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт. 1691—1921 (Административная структура Монголии периода маньчжурского правления). У.-Б., 1961.
198. J̌arliγ-iyar toγtaγaγsan γadaγadu Mongγol Qotong ayimaγ-un wang güng-üd-ün iledkel šastir (Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана). /Б.м., б.г/

199. Qaγan-u bičigsen tabun ǰüyil-ün üsüg-iyer qabsuruγsan manǰu ügen-ü toli bičig (Составленное по высочайшему повелению зерцало маньчжурских слов /с толкованием/ на пяти языках). Т.I — III. Begeǰin, 1957.
200. Ratnabhadra. Rabǰamba Čay-a bandida-yin tuγuǰi saran-u gerel kemekü ene metü bolai (История рабджамбы Зая — пандиты, называемая "Лунный свет"). Ulan-Bator, 1959.
201. *Saγang Sečen:* Erdeni-yin Tobči. Č. Nasunbalǰur keb-lel-dü beledgebe (Драгоценный свод. К изданию подготовил Ц.Насанбалжир). Ulan-Bator, 1958.
202. Biography of Čaya Pandita in Oirat characters. Ulan-Bator, 1967.

на западноевропейских языках

203. *Altan Tobči*. A brief history of the Mongols by Lobzaṅ bsTan'jin. With a critical introduction by A.Mostaert. Cambridge (Mass.), 1952.
204. *Baddeley J.* Russia, Mongolia and China. Vol.1 — 2. L., 1919.
205. *Barkman Ch.D.* The return of the Torghuts from Russia to China. — Journal of Oriental Studies. Vol.II, № 1. Hong-Kong, 1955.
206. *Bawden Ch.R.* The Mongol chronicle Altan Tobči. Wiesbaden, 1955.
207. *Bretschneider E.* Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. Vol.II. L., 1910.
208. *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles. Empire Kalmouke ou Empire Mantchou. Lyon, 1912.
209. *Fletcher J.F.* The Biography of Khwush Kipäk Beg (d.1781) in the Wai-fan Meng-ku Hui-pu wang kung piao chuan. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XXXVI, 1 — 3. Budapest, 1982.
210. *Fletcher J.F.* A source of Erdeni-yin Erike. — Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol.24, 1962 — 1963. Cambridge (Mass.), 1963.
211. *Fuchs W.* Beiträge zur mandschurischen Bibliographie und Literatur. Tokyo, 1936.
212. *Fuchs W.* Chinesische und mandschurische Handschriften und seltene Drucke. Wiesbaden, 1966.
213. *Gardner Ch.S.* Chinese traditional historiography. Cambridge (Mass.), 1961.
214. *Ciles H.A.* A catalogue of the Wade collection of the Chinese and Manchu books in the library of the University of Cambridge. Cambridge, 1898.
215. *Hambis L.* Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. P., 1969.
216. *Hauer E.* Huang-Ts'ing k'ai-kuo fang-lüeh. Die Gründung des mandschurischen Kaiserreiches. Berlin-Leipzig, 1926.
217. *Heissig W.* Die Familien und Kurchengeschichtsschreibung der Mongolen. Bd.I. Wiesbaden, 1959; Bd.II. Wiesbaden, 1965.

218. *Heissig W.* Geschichte der mongolischen Literatur. Bd.1—2. Wiesbaden, 1972.
219. *Heissig W.* Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten beschrieben von Walther Heissig und Mitarbeit von Klaus Sagaster. Wiesbaden, 1960.
220. *Hummel A.W.* Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644—1912). Vols.I—II. Wash., 1943—1944.
221. *Krueger J.R.* The Ch'ien-lung inscription of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian. — Central Asiatic Journal. Vol.XVI, № 1. Wiesbaden, 1972.
222. *Lee R.H.G.* The Manchurian frontier in Ch'ing history. Cambridge (Mass.), 1970.
223. *Li Teh Ch'i.* Union catalogue of Manchu books in the National Library of Peiping and the library of the Palace Museum. Peiping, 1933.
224. *Pallas P.S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Th.I. SPb., 1776.
225. *Pelliot P.* Notes critiques d'histoire kalmouke. Texte. Tableaux généalogiques. P., 1960.
226. *Pelliot P.* Répertoure des "collectiones „A" et „B"" du fond chinois de la Bibliothèque Nationale. — T'oung Pao. Vol.XIV. Leide, 1913.
227. *Petech L.* China and Tibet in the early 18th century. Leiden, 1950.
228. *Rockhill W.* The Dalai lamas of Lhasa and their relations with the Manchu emperors of China. — T'oung Pao. Vol.XI. Leide, 1910.
229. *Schmidt I.J.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. SPb., 1829.
230. *Schmidt I.J.* Die Volksstämme der Mongolen als Beitrag zur Geschichte dieses Volkes und seines Fürstenhauses, I Abhandlung. — Mémoires de l'Akademie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg. VI serie. Sciences politiques, histoire et philologie. T.II. SPb., 1834.
231. *Schulemann G.* Geschichte der Dalai-Lamas. Leipzig, 1958.
232. *Serruys H.* /Рец. на кн.:/ *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). — Journal of the American Oriental Society. Vol.85, № 2. New Haven (Conn.), 1965.
233. *Veit V.* An important aspect of Mongol historiography in the 18th century. — Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. I боть (III Международный конгресс монголоведов. Т.I). У.-Б., 1979.
234. *Veit V.* A report on the compilation of a biographical handbook. — Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. I боть (IV Международный конгресс монголоведов. Т.I. У.-Б., 1985.
235. *Veit V.* Die in Deutschland befindliche Porträts des von Ch'ienlung 1754—1755 unterworfenen Ölötenfürsten.—

Zentralasiatische Studien. Bd.4. Wiesbaden, 1970.
236. *Veit V.* Die Regierungsperiode Ch'ienlung (1736—1796) in der Darstellung der Mongolischen Chronik "Bolur Toli" (1834—1837). — Zentralasiatische Studien. Bd.10. Wiesbaden, 1976.

ПЕРИОДИКА

237. Астраханские губернские ведомости (часть неофициальная).
238. Народы Азии и Африки.

SUMMARY

V.P.Sanchirov. *Iledkel šastir as a Source of the History of the Oirats*. The book is the first yet source study in the Soviet Union of Iledkel šastir, a Mongol version of the formal genealogico-biographic writing *Ch'in-ting wai-fan Meng-ku Hui-pu wang kung piao chuan* (Genealogical tables and biographies of vassal Mongol and Muslim wangs and kungs compiled by imperial order). It was published in Peking in 1795–1802 in Manchu, Chinese, and Mongol. The study brings out the apologetic and biased message of this official publication and describes the various sources which informed it. The reader is treated to new facts on Oirato-Ch'ing relations in the 17th-18th centuries and the situation of the Oirat khoshuns in the Ch'ing Empire, illuminating Ch'ing governmental divide-and-rule policies.

Научное издание

САНЧИРОВ Владимир Петрович

"ИЛЭТХЭЛ ШАСТИР"
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *В.С.Свиткова*
Младший редактор *Н.В.Беришвили*
Художник *Г.А.Тынчерова*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *Л.И.Градобоева*
Корректор *Т.А.Кузнецова*

ИБ № 16564

Сдано в набор 04.04.90
Подписано к печати 04.09.90
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 7,35
Усл. кр.-отт. 7,6. Уч.-изд.л. 8,43
Тираж 2250 экз. Изд. № 6990
Зак. № 228. Цена 1 р. 30 к.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы
издательства "Наука"
можно предварительно заказать в магазинах
Центральной конторы "Академкнига",
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117393 Москва, ул.Академика Пилюгина, 14, корп.2, магазин № 3 "Книга — почтой" "Академкниги";
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин "Книга — почтой" Северо-Западной конторы "Академкнига" или в ближайший магазин "Академкниги", имеющий отдел "Книга — почтой";
480091 Алма-Ата, ул.Фурманова, 91/97 ("Книга — почтой");
370005 Баку, ул.Джапаридзе, 13 ("Книга — почтой");
232600 Вильнюс, ул.Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр.Гагарина, 24 ("Книга — почтой");
734001 Душанбе, пр.Ленина, 95 ("Книга — почтой");
375002 Ереван, ул.Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул.Лермонтова, 289 ("Книга — почтой");
420043 Казань, ул.Достоевского, 53;
252030 Киев, ул.Ленина, 42;
252142 Киев, пр.Вернадского, 79;
252030 Киев, ул.Пирогова, 2;
252030 Киев, ул.Пирогова, 4 ("Книга — почтой");
277012 Кишинев, пр.Ленина, 148 ("Книга — почтой");
343900 Краматорск Донецкой обл., ул.Марата, 1 ("Книга — почтой");
660049 Красноярск, пр.Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр.Ленина, 2 ("Книга — почтой");
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 ("Книга — почтой");
103009 Москва, ул.Горького, 19а;
117312 Москва, ул.Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 (Книга — почтой");

142284 Протвино Московской обл., "Академкнига";
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1;
620151 Свердловск, ул.Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга — почтой");
700029 Ташкент, ул.Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул.Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул.Дружбы народов, 6 ("Книга — почтой");
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул.Зорге, 10 ("Книга — почтой");
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 ("Книга — почтой");
310078 Харьков, ул.Чернышевского, 78 ("Книга — почтой").

1 р. 30 к.

Западные монголы, или ойраты, известны на исторической арене с давних пор. В определенные периоды своей многовековой истории они играли значительную роль в центральноазиатском и соседних регионах. Особенно интенсивной была их политическая активность в XVII—XVIII вв., в период существования сильного Джунгарского ханства, возникшего в результате консолидации ойратских феодальных владений в 30-х годах XVII в.

В некоторых странах до сих пор проживает ряд народов и этнических групп, предками которых являются ойраты. Историю этих народов и этнических групп нельзя понять и изучать без глубокого знания истории ойратов.

